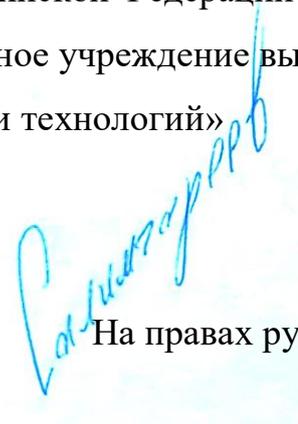


Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего
образования «Уфимский университет науки и технологий»



На правах рукописи

Салимгареев Денис Игоревич

МЕДИАЦИЯ КАК ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Рахматуллина Зугура Ягануровна

УФА-2024

ОГЛАВЛЕНИЕ НАУЧНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ РАБОТЫ (ДИССЕРТАЦИИ)

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Социально-философский анализ медиации в конфликтологии ..	18
1.1. Понятие «медиации» и его философская интерпретация	18
1.2. Эволюция идей и практик медиации в обществе	38
1.3. Функциональное поле медиации в конфликтном взаимодействии	68
ГЛАВА 2. Философское измерение медиации как гуманистической технологии разрешения социального конфликта	96
2.1. Современный российский социокультурный контекст практик медиации	96
2.2. Личность медиатора в философском дискурсе	113
2.3. Перспективы применения медиации в разрешении конфликта	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	162
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	164
Приложение	181

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования определяется тем, что осмысление феномена социального конфликта, последствия его воздействия на современное российское общество, оказавшееся в рамках новейших типов социальных и личностных взаимодействий и сложных геополитических и изменяющихся внутренних условиях, приобретает значимость как в теоретическом, так и в практическом отношении с точки зрения индивидуального, так и массового сознания.

В современной отечественной гуманитарной науке в последние годы растёт исследовательский интерес к вопросу комплексного изучения конфликта как актуального «социального факта». Научное внимание обусловлено осознанием деструктивной составляющей конфликта для общественных и личностных отношений и необходимостью поиска эффективных средств, предупреждающих разногласия в обществе и межличностном общении. Исследовательские подходы мозаичны и конструируют позиции, рассматривающие разнообразные варианты создания оптимальных условий для предотвращения и разрешения социальных конфликтов в соответствии с принципами и идеями гуманного и уважительного отношения к личности и обществу.

Комплексный философский анализ сущности и закономерностей развития конфликтных процессов позволил осмыслить структурные элементы медиации, которые влияют на эффективность и социальную значимость, относительно новой для современного Российского общества, технологии противодействия или же придания конфликту конструктивного измерения.

Медиация является одной из эффективных технологий преобразования социальных взаимоотношений, обеспечивающих общество и индивида инновационными алгоритмами бесконфликтного взаимодействия или безболезненного выхода из уже сложившейся конфликтной ситуации. Уникальность в восстановлении справедливости, через закон или через этико-

гуманистическое измерение, оба компонента присутствуют в каждой процедуре медиации. В деятельности по урегулированию социальных противостояний медиация предоставляет решения, нацеленные на сохранение и укрепление общественного согласия.

Философское осмысление конфликта позволяет комплексно рассмотреть тему диалектики разрешения конфликта, методов, способствующих трансформации конфликтов в последующую позитивно-конструктивную форму, и, в частности, роль и место медиации в процессах социального взаимодействия, коммуникации, прогнозирования рисков, а также как технологии, претендующей на коррекцию проблемы обеспечения общественной безопасности и согласованности.

Степень научной разработанности темы.

Проблематика применения медиации для решения социальных конфликтов с учетом особенностей уровня социокультурного развития современного общества является значимой темой для исследований самых разных направлений отечественной гуманитарной мысли: философов, этиков, социологов, педагогов, психологов и др. Соотношение социальных разногласий и методов их эффективного регулирования актуально и для зарубежного научного и экспертного сообщества. Конфликт – это столкновение, социальный и личностный стресс, духовная дисгармония, нарушение устоявшегося порядка, в связи с чем общество нуждается в объединении научной мысли и практических решений для системного осмысления проблемы деструктивного воздействия конфликта на социальные взаимоотношения. Противоположность конфликту выступает устойчивое развитие, достижение которого возможно в условиях общественных договоренностей, социального согласия и политического развития, через результаты совместной социальной деятельности.

Попытки понять сущностные характеристики взаимоотношения человека и общества, оказывающие влияние на конфликтное поведение, уходят корнями еще в античные философские традиции, например, в учения Сократа как представителя диалектики. Сократ, определявший ценность нравственного

поступка и намерения, завесившего от выбора, личностной позиции и источника, заложенного в нем, предположил, что возможно, моральное зло совершаемое человеком, принимается им как благо. Философское воззрение Исократас касается не только общей культуры и научных познаниях, но и содержит знания о воспитании, способное подготовить к жизни, дает силу противостоять превратностям судьбы. Платон, трактующий идею не как мысли присущие субъекту, а как объективно существующие нематериальные сущности. «Образ жизни» претворенный в жизнь Платоном, состоял в приверженности этике диалога, с помощью которого, беседующим открывались пределы языка, чтобы в свою очередь, показать, что не всегда возможно сообщить другим нравственный и экзистенциальный опыт. Аристотелевская «Никомахова этика», в ней, философ обращается к законотворцам, предполагая развить их способность суждения, демонстрируя аспекты добродетели и счастья, для того, чтобы побудить издавать законы, позволяющие гражданам вести добродетельную жизнь, а немногим избранным – жизнь философскую.

Наследие античности, для осмысления воззрений о конфликте, значимо в качестве первого обобщения значимых для конфликта компонентов, способствующих осознанию объективности существования конфликта как важнейшей характеристики общества, определения критериев справедливости по отношению к действиям индивида в конфликтных ситуациях и выявления механизмов их преодоления.

Интерес к конфликту отмечается и у мыслителей Средневековья: в контексте философского дискурса это позволит блокировать конфликт, но современное понимание конфликтов, по нашему мнению, не может придерживаться только лишь модели ухода от конфликтного взаимодействия.

Мыслители эпохи Возрождения, например, Э. Роттердамский, Н. Макиавелли, Т. Моро и др., рассматривали развитие проблем конфликта, основываясь на идеях древнегреческой философии о величии человеческого разума и его роли в познании мира.

Эпоху Возрождения сменил период западной мысли, где идеями Нового времени стало осмысление и объяснение особенностей современного мира (познание через опыт и мышление). Характерно, что философами окружающий мир познавался экспериментальным путем и с целью практической апробации полученных знаний. Человеческий разум и его безграничные возможности, ставились выше религиозных догм, а философы ставили целью отход государственных и образовательных институтов от влияния церкви.

Проблемы влияния конфликта на социальные отношения затрагиваются такими зарубежными исследователями, как Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Р. Декарт, Д. Локк, Б. Спиноза. В своих трудах исследователи рассматривали в том числе и конфликтные проявления (действия, продиктованные волей и разумом), возникающие на стыке активных социальных и личностных действий (формы коллективной договоренности, ограничивающие действия субъектов).

Философские традиции накопили значительный опыт в осмыслении конфликтных угроз и путей их преодоления, в том числе и инновационных. Научные труды современных (как зарубежных, так и отечественных) исследователей социально-философского, социально-политического, а также этического, социологического, правового, психологического и др. направлений определяют сущность медиации, специфику и варианты применения в зоне конфликтного противостояния.

В отечественной научной литературе данная проблематика рассматривается особенно в плоскости проводимых общеполитических исследований, отражающих сущность и признаки конфликтного взаимодействия. В частности, для анализа философско-методологических аспектов социальной технологии урегулирования конфликтов в социальной среде огромное значение имеют труды таких авторов, как А.Я. Анцупов, Х.С. Вильданов, В.А. Жилина, А.Я. Зарипов, Р.Г. Мельниченко, В.М. Розин, В.А. Светлов, Ф.С. Файзулин, и др.¹

¹ Анцупов А.Я. Конфликты как угроза безопасности России // Мировые цивилизации. – 2019. – № 3–4. – С. 1–8; Вильданов Х.С., Файзуллин Ф.С. Ценности: историко-философский и гносеологический анализ / Мин-во образования Рос. Федерации, Башкирский гос. ун-т,

Медиация – эффективная технология, которая имеет предпосылки для применения в социальной плоскости, как удачный формат сохранения паритета легитимной основы и равновеликого диалога. В связи с этим, в сфере изучения конфликтов, сопровождающих индивида в ключевых сферах его жизнедеятельности (организационные, семейные, молодежные конфликты), особый интерес представляют взгляды таких авторов, как О.В. Аллахвердова, В.А. Лекторский, И.С. Бубнова, В.М. Маслова, Н.В. Сухова, Ц.А. Шамликашвили, С.С. Шуренкова и др.¹

Объективной оценке медиации, с точки зрения философского, социального, этического смыслов, способствуют правовые аспекты природы и сущности конфликтов и медиации как инновационной технологии их разрешения,

Сибайский ин-т. – Уфа, 2002; Жилина В.А. Критическая рефлексия как ключевая составляющая современного образования // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 59–65; Зарипов А.Я., Файзуллин Ф.С. Этнополитические движения как социальный феномен / Мин-во образования Рос. Федерации, Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, Акад. наук Респ. Башкортостан. – Уфа, 2000; Мельниченко Р.Г. Модусы мышления в медиации // Legal concept. – 2019. – № 1. – С. 15–22; Розин В.М. О возможности построения гуманитарной технологии // Идеи и идеалы. – 2017. – № 1 (31). – С. 9–22; Светлов В.А. Классификация стратегий поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килменна и единая теория конфликта // Сборник научных трудов SWORLD. – 2014. – Т. 16. – № 1. – С. 3–5; Файзуллин Ф.С. Социальная справедливость и пути ее реализации в национальной политике / Мин-во образования Республики Башкортостан, Акад. наук Республики Башкортостан, Ин-т гуманитарных исследований, ГОУ ВПО «Уфимский гос. авиационный технический ун-т». – Уфа: Гилем, 2011.

¹ Аллахвердова О.В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Социальные коммуникации. – 2010. – № 4а. – С. 1–28; Лекторский В.А. Культура, общество, медиация. Теория А.С. Ахиезера // Философские науки. – 2019. – № 8. – С. 9–15; Бубнова И.С., Рерке В.И. Медиативные технологии в профилактике экстремизма и конфликтов в условиях полиэтнической среды школы // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 3 (116). – С. 52–57; Маслова В.М. Процесс медиации как метод выработки жизнеспособного решения проблемы // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 1. – С. 114–116; Сухова Н.В., Сухов И.В. Современные тенденции развития примирительных процедур: российский и сравнительный контексты // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1 (72). – С. 28–34; Шамликашвили Ц.А. О медиации // Научно-методический центр медиации и права. – URL: <https://mediacia.com/what-is-mediation/> (дата обращения: 21.03.2021); Шуренкова С.С. Социальный опыт представленности феномена медиации в современном российском обществе // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. – Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 233–237.

которые нашли отражение в работах таких авторов, как Л.Р. Борецкая, О.В. Лукьяновская, А.В. Новиков и Д.Н. Слабкая, Ю.В. Сухоставская и др.¹

Медиация, главным образом, создается людьми для людей, оберегая социальный комфорт, сохраняя согласие, локализуя опасности современного мира. Совершение действий субъектом социальными взаимоотношений, может расцениваться обществом как ошибка, если такое действие находится вне мировоззренческого спектра оппонента. Зачастую, не состыковка интерпретаций, ценностных установок, потребностей и мотивов, существенно осложняют добрососедское, гармоничное содружество. Медиация, как современная социальная технология урегулирования конфликтов, находится на текущий момент в тематическом расширении, развивая социальные направления, в которых противоречия мыслей, достигают уровня государственной безопасности. В связи с этим, медиация может быть ценна в этическом и социокультурном измерениях, что подтверждается исследованиями таких авторов как Ю.А. Вирченко, К.Е. Гафнер, А.П. Давыдов и В.М. Розин, О.В. Исаенкова, В.В. Коломытцева, А.Д. Плотников, О.В. Цегельник и др.²

¹ Борецкая Л.Р. Институт медиации: современное состояние и практика применения сторонами в цивилистическом процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Юридические науки). – 2019. – № 3. – С. 243–248; Лукьяновская О.В. О возможности применения процедуры медиации при разрешении конфликтов на государственной гражданской службе // Вестник СГЮА. – 2018. – № 1 (120). – С. 34–38; Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Процессуальный институт медиации в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 2А. – С. 220–226; Сухоставская Ю.В. Перспективы развития медиации в России с учетом европейского опыта // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 1 (38). – С. 39–42.

² Вирченко Ю.А., Самохвалов Н.А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2016. – № 4 (13). – С. 16–20; Гафнер К.Е. Проблема медиации в контексте социологии конфликта // Конфликтология. – 2016. – № 3. – С. 277–288; Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. – М.: ЛЕНАНД, 2017; Исаенкова О.В. Развитие медиации в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. – 2013. – № 3. – С. 69–90; Коломытцева В.В. Социально-юридическая природа медиации как способа разрешения правовых конфликтов // Юридическая гносеология. – 2016. – № 3. – С. 38–41; Плотников А.Д. Этномедиация как фактор урегулирования споров в межнациональных отношениях: теория, современный опыт и практические технологии: сборник методических материалов. – Вып. 11. – М.: Ассамблея народов России, 2016; Цегельник О.В. К вопросу о социальной ценности медиации и создании условий для ее развития // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод

Портрет медиатора нуждается в особом осмыслении, поскольку главенствующая роль в процессе урегулирования конфликтов, отводится не только личности медиатора, но и его компетенциям. Аналитическая оценка конкретной ситуации и выбор задействования внутренних ресурсов – существенно повышают позитивный исход сеанса примирения. Происходящий процесс институционализации медиации в современном Российском обществе, побуждает к поиску эталонных форм проявления медиативных компетенций. Прогнозирование эталонного поведения, состоящего из личностных, социальных, управленческих, креативных навыков, должно базироваться с одной точки зрения на философском осмыслении, поскольку прослеживается непосредственное влияние человека на конфликт, человека на макрогруппу (образованную в процессе медиации), и оценка человеком такого отношения. С иной точки зрения, на запросе от самого общества и этико-гуманистическом измерении, способном выработать такие средства, которые отвечают задаче установления согласия, но с учетом той социальной среды, в которой будут применяться. В изучение проблемы посреднической деятельности и компетенций медиатора значительный вклад внесли исследователи В.А. Громыхалин, А.Н. Корсаков, М.Я. Курганская, Г.А. Юнгус и др.¹

Индивид остается беспомощным перед многовариативностью мира, поскольку нагромождение мировоззренческих смыслов не приводит к единообразию, а порождает отсутствие социальной согласованности. Социальная справедливость, по сути, это границы медиации, поскольку сочетают в себе тождество смыслов, свободу от конфликта, форму обеспечения коллективной

человека и гражданина. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2017. – С. 528–531.

¹ О проблеме определения показателей эффективности медиаторской деятельности руководителя организации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2019. – № 03. – С. 35–37; Корсаков А.Н. Перспективы применения медиации в современной России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8. – № 5А. – С. 182–188; Курганская М.Я. Профессионально-личностные компетенции медиатора и его роль в процессе внесудебного урегулирования споров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 7А. – С. 158–169; Юнгус Г.А. Медиабельность конфликтов: социально-философский анализ // Дискурс-Пи. – 2018. – № 2 (31). – С. 177–185.

безопасности и договоренности. Солидарное отношение, достигнутое состоянием взаимного интеллектуального и духовного согласия, согласованности жизнедеятельности, в которой идентичность и персональные интенции, интегрируются в интересы сообществ, превращаясь в единый интерес, отождествляемый с общей целью. Общая же цель – обеспечить общественные взаимоотношения эффективной социальной технологией урегулирования конфликтов, во избежание возможных деструктивных последствий, порождаемых конфликтом.

Индивид имеет доступ к «действительности» через упорядоченные совокупности символов, а процесс творческой деятельности происходит внутри некой «символической формы». Конфликт понимается нами как «символический поток», исторически и культурно обусловленный, ведущий к выработке новых жизненных прогнозов. Восприятие социальных парадигм, через формат «модельных отношений», должен проектироваться на основе как эмпирического, так и рационального опыта. Отечественная гуманитарная наука при осмыслении механизмов и современных технологий разрешения конфликтных ситуаций опирается и на опыт таких зарубежных исследователей, как М. Вебер, Т. Гоббс, Р. Дарендорф, Э. Дюркгейм, Л. Козер, Дж. Э. Мур, Ж.Ж. Руссо, Г. Спенсер, Р. Фишер и др.¹

Осмысление философии конфликта, а также проблем гуманитарной культуры, профессиональной компетенции медиатора, ответственности индивида за конфликтное взаимодействие затронуто в работах исследователей (философов,

¹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 1972; Гоббс Т. *Философские основания учения о гражданине*. – М.: АСТ, 2001; Дарендорф Р. *Современный социальный конфликт: Очерки политики свободы* / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2002; Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда* / пер. с франц. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996; Козер Л. *Функции социального конфликта* / пер. с англ. О.А. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000; Мур Д.Э. *Принципы этики* / пер. с англ. Л.В. Коноваловой. – М.: Прогресс, 1984; Руссо Ж.-Ж. *Об общественном договоре или Принципы политического права*. – М.: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1938; Спенсер Г. *Социальная статика*. – Киев: Гама-Принт, 2013; Фишер Р., Юри У., Паттон Б. *Переговоры без поражения. Гарвардский метод* / пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014.

социологов, политологов и др.) Республики Башкортостан: Н.А. Аитова, Е.Ю. Бикметова, А.В. Лукьянова, Г.Р. Гариповой, Л.А. Иткуловой, Т.А. Нигматуллиной, С.М. Поздяевой, М.А. Пушкаревой, З.Я. Рахматуллиной, Е.Ю. Рудкевич, Ф.Б. Садыков, Г.Г. Салихов, А.А. Тарасова, Н.А. Шергенг и др.¹

Проведенный анализ исследований различных аспектов изучения конфликта как среды экзистенциального происхождения, позволяет отметить значимость теоретико-методологических вопросов осмысления медиации как условия для регулирования социальных конфликтов, активизирующихся в силу ряда объективных и субъективных причин в новейшей социокультурной истории российского общества. Рост духовных проблем, умножение различных конфликтогенных факторов, усиление психологического дискомфорта в общественном и личностном сознании и др. требуют системного внимания к конструктивным возможностям мирного урегулирования разногласий и социальных конфликтов на основе философской методологии, направленной на системное изучение духовных, культурных, социальных и др. конфликтогенных факторов.

¹ Аитов Н.А. Социальные проблемы ускорения научно-технического прогресса в СССР. – М.: Сов. Россия, 1987; Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В. Структура человеческой экзистенции в условиях современного российского общества: новые контексты и контуры социальной идентификации // Манускрипт. – 2017. – № 1 (75). – С. 48–51; Гарипова Г.Р. Информационная картина мира как социокультурное явление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 5. – С. 1–4; Иткулова Л.А. Башкирское просвещение в контексте общественной мысли Башкортостана // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 1–3; Нигматуллина Т.А. Социально-политическая медиация в молодежной среде // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2015. – № 2 (27). – С. 31–36; Поздяева С.М. Модернизация в России: преграды на пути к современному обществу // Вестник Волгогр. Гос. ун-та. Сер. 7: Философия. – 2016. – № 4 (34). – С. 196; Пушкарева М.А. Идея свободы в ее трансцендентально-системном представлении / Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Башк. гос. ун-т. – Уфа: РИО БашГУ, 2005; Рахматуллина З.Я. Знания без воспитания – меч в руках сумасшедшего // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 3-1. – С. 1217–1221; Рудкевич Е.Ю. Система ценностей общества: структурный анализ // Власть. – 2007. – № 1. – С. 92–94; Садыков Ф.Б. Единство народа и противоречия социализма / Мин-во сельского хоз-ва СССР, Ставроп. сельхозинститут. – Ставрополь, 1968; Салихов Г.Г. Социальное значение блага для человека в глобализирующемся мире // Проблемы востоковедения. – 2016. – № 2 (72). – С. 8–13; Тарасов А.А., Габдрашитова В.Р. Использование системы дружественного к ребенку правосудия при производстве по уголовному делу // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4 (42). – С. 90–94; Шергенг Н.А. Классическая трансцендентальная традиция и перспективы ее развития // Вестник Башкирского ун-та. – 2009. – № 3-1. – С. 1–7.

Объект исследования – медиация как социокультурный феномен.

Предмет исследования – медиация как гуманистическая технология разрешения социального конфликта.

Цель исследования – социально-философский анализ гуманистической роли и места медиации в теории и практики конфликтологии.

С учетом поставленной цели решались следующие задачи:

- охарактеризовать понятие медиации через философское осмысление;
- определить эволюционный вектор развития идей через формы социальных практик медиации;
- выявить функциональное поле медиации и определить значение социальных функций в урегулировании конфликтов;
- доказать влияние социокультурного контекста на практику становления медиации российского общества;
- определить ценностные смыслы медиатора в процессе управления социальным конфликтом и выявить качества, соответствующие «идеальному типу»;
- проанализировать перспективы применения медиации, в части расширения инновационного содержания и гуманистических миссий в жизнедеятельности субъекта и общества.

Методологией исследования выступает комплекс социально-философских методов, направленных на междисциплинарное изучение понятия медиации. В работе используется структурный функционализм (Т. Парсонса), позволяющий выявить социальные функции медиации, имеющие ценность для современного российского общества; теория коммуникативного разума (Ю. Хабермас), позволяющая обнаружить в процессе коммуникации предпосылки согласия и взаимопонимания; интеракционистский подход (Дж. Мид) позволяющий «символические связи» как аспект социального взаимодействия.

В данной работе также использованы аксиологический подход в части постановки социальной и субъективной ценности конфликта и медиации; социокультурный подход, позволяющий осмыслить медиацию как деятельность

по преобразованию единства социальности; герменевтический подход для философского осмысления и интерпретации сущности медиации; феноменологический подход для анализа понятий медиации и конфликта их сущностных черт и опыта взаимодействия с ними; диалектический подход позволил провести рефлексивную, аналитическую, смысловую оценку противоречий.

Использование сравнительного анализа обусловлено поиском корреляционных точек в противоположных и взаимодополняющих понятиях. Отдельные законы материалистической диалектики для оценки единства и противоположностей.

Научная новизна:

1) выделено специфическое понимание развития медиации в философском дискурсе и предложено следующее определение: медиация (медиативная технология) – это эффективная, трансцендентальная, имеющая в своей основе этико-гуманистическое измерение социальная технология урегулирования конфликтов, исходящая из принципа добровольности, особенностей социокультурного развития современного общества и норм действующего законодательства;

2) рассмотрены эволюция идей, как единство понятия и реальности, обладающее самодвижением и целью. Цель идеи находится в соотношении практики медиации и социальной потребности прекращения борьбы противоположностей;

3) выявлены ключевые социальные функции медиативного регулирования в процессе сопровождения социальных отношений, осложненных неразрешенным конфликтом в приоритетных сферах активного взаимодействия индивида и общества: а) функция коррекции окружающей среды; б) функция информационно-культурной адаптированности; в) функция обеспечения социального согласия; г) преобразовательная функция; д) воспитательная функция;

4) определено присутствие этико-гуманистического измерения в медиации, ценность которого в преодолении конфликтов и профилактики социальных конфликтов в современном противоречивом российском обществе, с учетом особенности культуры и социального опыта;

5) определен «идеальный тип» медиатора, интерпретирующий проблематику личности медиатора через философию и этико-гуманистическое измерение, осмысляя ее роль в процессе управления социальными конфликтами.

6) рассмотрены перспективы возможного расширения медиативного регулирования на сферы социального взаимодействия с превалирующими инновационными смыслами построения бытия.

Положения, выносимые на защиту:

– философский анализ медиации обусловлен определением сущностного начала и методологического потенциала для конструирования бытия. Противоборство противоположностей является единой категорией, раскрывая конфликт как фактор угнетающий социальные взаимоотношения, а в медиации – добродетельные поступки, приближающие состояние счастья. С помощью «правового разума», сконцентрированной мысли на соотношении императива закона и морали, ограничивается желание борьбы для последующей осознанной и созидательной работы над примирением как формы общего блага;

– эволюционное движение идеи обусловлено закономерностями противоречий в социальных системах, что подразумевает конструирование практик медиации через предложения сторон и социальный опыт. Присутствие в социальных системах идей «доброй совести», неовитализма, коммуникативного преимущества, междисциплинарного единства в разных соотношениях, для практики медиации является проявлением свободы, творческого начала в индивидуальной и групповой работы со смыслами обретения утраченной гармонии, с механизмами восстановления ущерба;

– в контексте осмысления медиации как социального средства, коррекции окружающей среды, необходимо обозначить функциональное поле данной технологии. Жизненно важные для индивида и общества взаимоотношения,

например, в семейной и молодежной плоскостях, требуют навыков социального характера, а не императивов правовых отношений. Определение границ социальных возможностей медиации, способствует приданию конструктивности конфликту в сферах жизнедеятельности, сочетающие в себе и легитимную основу, и этический подход;

– современное вхождение медиации в российскую социокультуру требует наработки социального опыта и технологических междисциплинарных решений. Этико-гуманистический компонент медиации, культивирует в себе найденные разумом социальные решения, отражающие ожидания субъекта и общества в установлении согласия. Формирует меры противодействию травматическим событиям и социальной разобщенностью по средствам формирования навыка культурной подготовки для объективной оценки социальных изменений;

– формируемый «идеальный тип», призван выступить единой основой в процессе профессионального воспитания кадров, не только до момента локализации заявленной проблемы, но и как этически значимой надстройкой для деятельности медиатора. Новейшие конфликты, вызванные самоидентификацией, состоянием духовного нигилизма, политикой потребления, сменой коллективизма на индивидуальное начало, интернет-конфликты обуславливают необходимость медиатора адаптироваться к социокультурным, духовно-этическим, идеологическим, правовым, информационным реалиям сегодняшнего дня. Воля и разум, как средства обеспечения социальных решений, должны раскрываться через личность медиатора, используя ее накопленный миротворческий и созидательный потенциал;

– общество через форматы жизнедеятельности, формируют ряд смысловых запросов, что в совокупности представляется медиативной задачей. Совершенствование ее происходит в сопоставительном анализе с результатами техногенного воздействия на экономические концепции, духовную, нравственную культуру субъекта и общества. Актуализируется построение моделей прогнозирования и траектории содействия созидательным процессам социального взаимодействия. В частности, персептивным является методическое

сопровождение деловых культур, коммуникации в условиях единой ESG-зоны, интернет-общении и иных имеющих символическое значение пространствах.

Теоретическое и практическое значение диссертации.

Теоретическая значимость исследования заключается в философском осмыслении медиации и ее роли в жизни современного российского общества: в строительстве бесконфликтных мирных коммуникаций, основанных на принципах гуманизма, уважительном и равноправном отношении друг к другу, на принципах мира и согласия, в предупреждении конфликтных угроз, а также в качественном улучшении различных сфер жизнедеятельности современного российского общества и индивида.

Практическое значение исследования заключено в возможности использования положений и выводов работы в теоретико-методологической, исследовательской, практической работе, при разработке учебных курсов по социально-гуманитарным дисциплинам и целевых государственных программ поддержки и развития института медиации на территории Российской Федерации; в работе по совершенствованию и оптимизации отдельных аспектов медиативной практики; при реализации просветительской функции медиации как для индивида, так и для экспертного сообщества, изучающего проблематику социального конфликтного взаимодействия.

Апробация исследования.

Выводы и основные идеи диссертационного исследования были апробированы на научно-практических конференциях, в том числе: Международной научно-практической интернет-конференции «Молодежь в современном мире: проблемы и перспективы» (г. Уфа, 2019 г.), II Международной научно-практической конференции «Шаг в науку» (г. Грозный, 2019 г.), Международной научно-практической конференции «Социокультурные, этнические и языковые процессы на Евразийском пространстве» (г. Уфа, 2019 г.), Международной научно-практической конференции «Наука, образование, культура» (г. Комрат, 2020 г.), Международной научно-практической конференции «Этноисторические, правовые и культурно-языковые основания

бытия современного человека» (г. Уфа, 2021 г.), заявлена идея Городского корпуса «Социальных медиаторов» для участия в форуме «Сильные идеи для нового времени» (Организаторы: «Агентство стратегических инициатив» и «Фонд Росконгресс», 2022 г.), конкурс научных работ к 100-летию А.А. Зиновьева (Организатор: Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 2022 г.).

Основные результаты и положения диссертационного исследования нашли отражение в 3-х научных публикациях автора в том числе в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Минобрнауки Российской Федерации для публикации результатов диссертационных исследований; 9 по обозначенной проблематике.

Общий объем публикаций составляет более 9,3 п.л.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения, списка использованной литературы, включающего 192 наименования, из которых 17 на иностранном языке, и приложений. Общий объем текста 208 страниц.

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ МЕДИАЦИИ В КОНФЛИКТОЛОГИИ

1.1. Понятие «медиации» и его философская интерпретация

Конфликт многогранен по своему содержанию, и его изучение, безусловно, предполагает тесную связку представителей философии, этики, психологии, социологии, педагогики, политологии и др., а также специалистов, осуществляющих деятельность по взаимодействию с обществом и социальными институтами. Возрастающий сегодня уровень напряженности в социальных сферах и межличностном общении стал своеобразным «катализатором» активизации интереса не только к вопросам конфликтного взаимодействия, но и к проявлениям чрезмерной агрессии, страха, отсутствие общепризнанных ценностей¹. Современное общество испытывает болезненные последствия подобных индивидуально-личностных и социальных негативных явлений, закономерно стремится познать их природу и причины. Междисциплинарный подход, изучая природу конфликта, предполагает комплекс мер, нацеленных на кратчайшее разрешение спора и сохранение целостности социальных взаимоотношений, а философия как особая форма познания мира, вырабатывающая систему знаний о наиболее общих характеристиках, предельно-обобщающих понятиях и фундаментальных принципах реальности и познания, бытия человека, об отношении человека и мира², не прекращает поиск ответов на вопросы влияния конфликта на общественно-значимые процессы, социокультурные реалии и духовный мир субъекта. Философия – это стремление к сущему, путь к Бытию сущего, поиск соответствия Бытию сущего³. Если мы понимаем под философией – любой к мудрости, то философ не только

¹ См. об этом подробнее: Корсаков А.Н., Мусаев А.Р., Тищенко В.А. Современный потенциал развития практики медиации в современном государстве // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 12. – С. 223–230.

² Грицанов А.А. Новейший философский словарь. – Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1999. – С. 759.

³ Гарин И.И. Что такое философия? Запад и Восток; Что такое истина? – М: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – С. 4.

промежуточное звено, но и посредник, приоткрывающий людям мир богов, мир мудрости, личного и общественного блага¹. В основе конфликта заключены противоречия, которые являются центральной категорией диалектики. В свою очередь, диалектика незаменима в процессе познания законов развития природы, общества и индивидуума, в границах современного философского учения. Определения конфликта в философской литературе учитывают его многогранность, степень и меру влияния на сферы личностной и общественной жизнедеятельности, а также его духовные, культурные, физические, экономические и др. последствия. Философия имеет парадоксальную природу, поскольку не только отстаивает наименее правдоподобные мнения или принимает мнения взаимно противоречивые, но и пользуется фразами стандартного языка, для выражения нечто выходящее за рамки мнения и даже вообще предложения².

В качестве термина, предвосхищающего смыслы данного исследования, предлагается понимать под конфликтом подлинное состояние бытия, на историческом отрезке которого, борьба противоположностей конструируют наиболее лучшие условия жизни для субъекта и развитие социальнй формаций для общества.

Философия медиации предполагает рассмотрение смыслов, пригодных для создания гармоничной среды, укрепления социальных связей и конструктивном разрешении конфликта. В связи с этим, анализ медиации, следует производить через призму социально-философского осмысления конфликта. Конфликт – это борьба за притязания, ценности, статус и ресурсы, а цель такой борьбы – в нейтрализации соперника и нанесении ощутимого ущерба интересам оппонента³. В научной литературе есть несколько подходов к осмыслению конфликта как социального явления: 1) философско-социальный подход предполагает изучение

¹ Адо П. Что такое античная философия? / пер. с франц. В.П. Гайдамака. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. – С. 63.

² Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. и послесл. С.Н. Зенкина – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – С. 39.

³ См. об этом подробнее: Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

социокультурных причин и тенденций общественного развития, в том числе и конфликтов. Данный подход осмысливает социальные разногласия как определенную стадию развития социального противоречия и является методологической основой, задающей направления для последующего изучения конфликта на иных уровнях; 2) организационно-социологический подход изучает причины и динамику конфликтов в различных социальных группах; 3) индивидуально-психологический подход анализирует психофизические особенности и характеристики личности как конфликтогенные факторы.

Выделим положительные и отрицательные характеристики конфликта: 1) положительные: сохранение ресурсов благодаря перенастройке структуры взаимоотношений, снятие эмоциональных границ, сигнал отсутствия согласованности в том или ином процессе, достижение истинных мотивов (через процесс медиации), создание условий для последующей продуктивной деятельности; 2) отрицательные: растрата ресурсов, отсутствие временных границ действия конфликта, подрыв социального доверия, неконтролируемость конфликта.

Конфликт имеет свою структурную организацию как совокупность устойчивых связей, обеспечивающих его целостность, тождественность самому себе, отличие от других явлений социальной жизни, без которых он не может существовать как динамически взаимосвязанная целостная система и процесс. Структура конфликта включает в себя: объект (материальные, социальные, духовные ценности, к обладанию которыми стремятся стороны конфликтных отношений), предмет – противоречия относительно объекта, в которых находит отражение столкновение позиций сторон, стороны (действующие участники конфликтного противостояния, движимые в конфронтации своими целями и интересами), социальное и духовное пространство (условия для взаимодействия участников).

Конфликты, как известно, берут свое начало в истоках социокультурной биографии человечества. Конфуций, еще в VI в. до нашей эры, отмечал порождение конфликтов неравенством, несхожестью людей, а также их пороками

(лесть, корыстолюбие, упрямство и т.д.), а их предупреждением считал устранение пороков, воспитание нравственности и доброты и признавал справедливость основой конструктивных социальных действий¹. В таком случае, примирительный процесс актуализирует потребность в нравственной добродетели, которая неизменно поддерживается личностью и выступает защитой от конфликта. Гераклиту, принадлежит идея всеобщей изменчивости и движения. Положения его идеи связывались с идеей внутренней раздвоенности объектов и явлений на противоположные стороны, с учетом их взаимодействия. Все возникает из противоположностей и все познается из них же, а логос в целом, есть единство противоположностей². Разумно, чтобы познать мир, нужна и противоположная сторона – вражда. Эпикур также разделял подобную точку зрения, но связывал осознание необходимости жить в мире и согласии с усталостью людей вести многолетние споры и войны. Платон и Аристотель наделяли человека более широкой социальной ролью, полагая, что заложенное общественное начало подразумевает наличие взаимопонимания и сотрудничества, но склонность к вражде, ненависти и насилию, по их мнению, являются частью человеческой природы. Истоки распрей заключены в неравенстве людей в обладании имуществом и получении почестей, а также в негативных человеческих проявлениях: пренебрежении, страхе, наглости и т.д.³ Попытки осмысления конфликта и технологий его преодоления философами древней Греции были обусловлены разграничением позитивной и негативной роли конфликта в общественных взаимоотношениях. Сам вопрос конфликта в трактатах содержал некий компромисс: философы осуждали распри, но отмечали положительную роль споров за порождение истины. Однако важным в процессе познания конфликта является не отношение к нему, а признание факта его существования вне рамок и ограничений в любом социокультурном пространстве.

¹ См. об этом подробнее: Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: Апрель; АСТ; Дизайн. Информация. Картография, 2000.

² См. об этом подробнее: Кессиди Ф.Х. Гераклит. – М.: Мысль, 1982.

³ Александров Г.Ф. Аристотель: философские и социально-политические взгляды. – М.: Соцэкгиз, 1940.

Сократ определял ценность нравственного поступка и намерения, завесившего от выбора, личностной позиции и источника, заложенного в нем, предположил, что возможно, моральное зло совершаемое человеком, принимается им как благо. В таком случае, конфликт приобретает индифферентный характер в части социального результата своей деятельности и переплетается с волей, разумом и потребностями личности, создавая уникальную структуру в каждой конфликтной ситуации. Философское воззрение Исократ касается не только общей культуры и научных познаниях, но и содержит знания о воспитании, способное подготовить к жизни, дает силу противостоять превратностям судьбы. Учитывая, что вариативность конфликтных ситуаций, продиктована многогранностью человеческой души и разнообразием сочетания мотивов и целей, противостоять вызовам судьбы – значит противостоять конкретному конфликтному сценарию, имеющего в своем начале субъективную основу. Платон, трактующий идею не как мысли присущие субъекту, а как объективно существующие нематериальные сущности. «Образ жизни», претворенный в жизнь Платоном, состоял в приверженности этике диалога, с помощью которого, беседующим открывались пределы языка, чтобы в свою очередь, показать, что не всегда возможно сообщить другим нравственный и экзистенциальный опыт. Субъективным остается вопрос необходимости трансляции опыта, в особенности, если вербальная коммуникация имеет границы, ровно так же, как и чувственный обмен информации, а объективным остается факт порождения конфликта, в связи с желанием субъекта трансляции опыта и не желанием оппонента, принять такую информацию.

Аристотелевская «Никомахова этика», в ней, философ обращается к законотворцам, предполагая развить их способность суждения, демонстрируя аспекты добродетели и счастья, для того, чтобы побудить издавать законы, позволяющие гражданам вести добродетельную жизнь, а немногим избранным — жизнь философскую¹. Границы социальных взаимоотношений, очерчены именно

¹ См. об этом подробнее: Адо П. Что такое античная философия? / пер. с франц. В.П. Гайдамака. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999.

с помощью такого регулятора как закон. В связи с этим, закон должен быть продолжением этической мысли или полноценной альтернативой, сотканной из императивов, лишенной эмпатии, но, по нашему мнению, чуждой природе человека.

Также, Аристотель призывал прощать слабости, обращать внимание на намерение законодателя, а не закон; на моральную цель, а не действие; не на то, каков человек сейчас, а на то, каким он был вообще. Самое главное, на наш взгляд, прибегать к решению разума, а не насилия; предпочитать арбитраж суду, в виду руководства последнего формальным правом, а не превалировании справедливости¹. Подобные философские изречения особенно ценны, в виду наличия в Древней Греции общественно-правового института как проксения, в котором, фактически, был развит функционал посредника в установлении связей². Распространенным подходом к урегулированию частных споров являлась процедура *diaetesia*, включающая диалог (*diallage*) и вынесение решения (*krisis*)³.

В случае, если исходить из того, что установление мира является благом, то медиация выступает добродетельностью для сторон, в виду их осознанных шагов в сторону прекращения распрей. «Никомахова этика» Аристотеля выступает своеобразным методом установления наиболее лучшей формы бытия и благо, является синонимом счастья. Тогда, медиация может представлять собой путь, на котором субъекты, совершая добродетельные поступки, включая осознанную работу над предметом разногласий, поскольку быть добродетельным случайно невозможно, обретают истинное счастье. Подобная концепция не чужеродна для центровых тем в самой работе: 1) значение блага и счастья можно рассмотреть через ценность мира и индивидуального ощущения созидательной деятельности; 2) поиск равновесия в добродетели обусловлен необходимостью

¹ Аристотель. Риторика / пер. Н. Платонова. – С.-Петербург: Типография В.С. Балашева и К^о, 1894.

² См. об этом подробнее: Потемкин В.П. История дипломатии. С древнейших времен до нового времени. – Т. 1. – М.: Директ-Медиа, 2015.

³ См. об этом подробнее: Давыденко Д.Л. Примирительные процедуры в европейской правовой традиции. *Amicable dispute resolution in the European legal tradition*. – М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2013.

установления соотношений между, например, душевными силами преодолевающими внутреннее состояние и состоянием мира, имеющем ценность для общества; 3) важность отношений для блага предусматривать индивидуальную и солидарную форму ответственности за действия. В результате созидательной и осознанной совместной работы над общим благом, формирование «доброй души» является и мерой поощрения, и защитой от повторения конфликтной ситуации в дальнейшем.

По мнению Г. Зиммеля, конфликт может рассматриваться как положительный преобразователь социальных процессов. Конфликт занимает отдельное и, пожалуй, отстраненное место в форматах общественного взаимодействия относительно устойчивых форм, основанных на договоре, сотрудничестве или авторитете¹. Все социальное есть результат межличностных взаимоотношений, а значит через эту призму нужно рассматривать и другие формы социальной коммуникации, в том числе и медиацию. Социальная интеграция во многом зависит от конфликта как явления, определяющего характер конкретных социальных образований. Такого мнения придерживался М. Вебер: общество есть статусное взаимодействие личностей, ориентированных друг на друга, и их действия возможны либо в позитивном, либо в негативном ключе². Идея создания организации, полностью исключаящей конфликты в своей деятельности, также принадлежит М. Веберу, но она не смогла подтвердиться на практике.

Психологи объясняли природу конфликта спецификой функционирования человеческой психики. З. Фрейд, в частности, видел источник конфликта в противоречивости самой психики человека³. Именно З. Фрейд был в числе основоположников психоаналитического направления в осмыслении конфликта, которое было поддержано его последователями А. Адлером и К. Юнгом. Говоря о психологическом воззрении, можно предположить, что конфликт может быть

¹ Зайцев А.К. Социальный конфликт. – М.: Academia, 2001. – С. 35.

² Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. 1972. – P. 59.

³ Фрейд З. Большая книга психоанализа. Введение в психоанализ. Лекции. Три очерка по теории сексуальности. Я и Оно. – М.: АСТ, 2015. – С. 216.

пространством противоборства Эроса и Танатоса, в которое субъект может войти для приобретения ощущений мира «здесь и сейчас» или живости момента благодаря активной конфликтной деятельности. По мнению Фрейда, человек как существо склонен враждовать, что наделяет конфликт вытесняющим свойством, порождающий невроз и ставящий человека перед вечным выбором. Интерес для медиативной практики представляет изучение влияния конфликта при иных свойствах, например, дополняющего, подразумевающего помощь в обретении желания. В таком случае, можно ли списать невроз на отсутствие конфликтологических компетенций – тема последующего изучения.

Выстраивающейся целостной теоретической картине конфликта, дополненной философским видением, социологическими и психологическими положениями, требовались и разработки теоретических и прикладных аспектов. В частности, К. Томас и Р. Килменн обращают внимание на посредников, внедряя разработку двухмерной модели «Сетка Томаса-Килменна» для формирования компетенции по конфликтному поведению¹. Подготовка кадров, компетентных в сфере регулирования социальных конфликтов специалистов стала приоритетным направлением. Сплочение научного сообщества над единой проблемой подготовки профессиональных посредников привело к созданию на стыке 70-80-х годов на территории США целого ряда учебных заведений, осуществлявших комплексную подготовку медиаторов. В процессе обучения популярность и, как следствие, известность приобретает Гарвардский метод «принципиальных переговоров» (это разработки Р. Фишера и У. Юри²).

К середине XX века результаты осмысления конфликтологов представляли собой внушительную базу информации. Усилия ученых в создании единой концепции конфликтов формировали принципиальные подходы к формированию теории конфликтов. В работе «Функции социального конфликта» Л. Козер, в

¹ Светлов В.А. Классификация стратегий поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килменна и единая теория конфликта // Сборник научных трудов SWORLD. – 2014. – Т. 16. – № 1. – С. 3–5.

² Фишер Р., Юри У., Паттон Б. Переговоры без поражения. Гарвардский метод / пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – С. 15.

частности, выделил конструктивную функцию конфликта как механизма позитивных преобразований в общественных взаимоотношениях¹. Более того, обнаружена взаимосвязь между конфликтогенностью общества и формами отношения общества и власти: при тоталитарном устройстве общества конфликты несут негативные последствия, а в открытом обществе, при наличии тех же конфликтов, в значительной степени преобладает положительный результат.

В дискурсе развития конфликтологии нельзя не упомянуть и вклад К. Боулдинга, для которого суть конфликта – в естественном характере конфронтации людей, поскольку конфликт является частью естественного поведения. Учитывая разум, можно взять конфликт под контроль и скорректировать сам процесс конфликта, а следовательно, и его результат². Отечественный же опыт в создании единой теории конфликта представлен разработками В.В. Дружинина и Д.С. Конторова³.

Закономерным этапом дальнейшего развития конфликтологической мысли является выработка способов воздействия на конфликт. Ограничение негативных аспектов конфликта и одновременное увеличение его положительных возможностей может даровать система управления, предусматривающая эффективность процесса и ресурсное сбережение. В качестве управления конфликтами, предлагается использовать систематизацию, предложенную Д.А. Русаковой: 1) нормативная (морально-правовая) предполагает использование административно-правовой базы или этических норм для разрешения конфликта; 2) реалистическая технология подразумевает извлечение собственной выгоды без учета общественных ценностей; 3) интегративная (идеалистическая) подразумевает выигрыш всех сторон конфликта, а также нахождение новых идей и ценностей взамен тех, что послужили началом конфликта⁴.

¹ См. об этом подробнее: Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000.

² Boulding K. Conflict and defense: a general theory. – New York: Harper & Brothers, 1962.

³ Дружинин В.В., Конторов Д.С. Введение в теорию конфликта. – М.: Радио и связь, 1989.

⁴ См. об этом подробнее: Русакова Д.А. Технологии и методы управления конфликтами // Молодой ученый. – 2019. – № 43 (281). – С. 200–205.

Философия призвана облачить ряд скрытых притязаний конфликта, высвободив смыслы, которые может осмыслить уже медиация, разумеется, после завершения процесса институционализации: 1) конфликт, претендующий на особое место в жизни человека; 2) конфликт, как стимулирующий фактор прогресса; 3) конфликт, как показатель несовершенства этики; 4) конфликт, как повод пересмотра методологии обеспечения рациональности.

В качестве тематики теорий философского анализа конфликтов можно выделить следующие антиномии: 1) противоречия и диалектика; 2) социальное взаимодействие и власть.

Конфликт как, экзистенциальное состояние, сосредотачивающееся, отчасти, на кризисных состояниях жизнедеятельности, то медиация через призму экзистенциального позитивизма, дарует возможность поиска решений для раскрытия истиной природы человека в его добрососедском пребывании в социуме. При этом экзистенциальная сущность конфликта, может быть представлена в идентификации «самости и конечности», тогда позитивистское свойство – часть процесса «вовлеченности в собственную конечность». Медиацию же, мы можем интерпретировать как ту самую конечность, которая нуждается в особой вовлеченности субъекта. Вовлеченность субъекта обусловлена установлением связей с собственной формой бытия, поскольку отсутствие таких связей порождает страх. По мнению Т. Гоббса проблема страха в неведении. Конфликт же, есть крах вызывающий экзистенциальный кризис, пустоту¹. Страх неопределенности может преодолеть знания, компетенции и, вероятно, медиация, воссоздавая порушенные смыслы бытия и коммуникации. Однако одной лишь технологии примирения недостаточно, формирование необходимого уровня культурных паттернов, обеспечит возможность применения технологии на практике. Конфликт как пространство сохраняет возможность для сторон продемонстрировать свои страсти, ресурсную подготовку и «правовой разум» может ограничить желание борьбы². Если право

¹ Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. – М.: АСТ, 2001. – С. 26.

² Там же. – С. 31.

относит воздаяние за действия тела, то за нарушения духовных аспектов призвать к ответу может «правовой разум». Однако, все же, «правовой разум», это сконцентрированная мысль на императиве права, а не на другом социальном регуляторе, например, морали. Отметим, что правосознание и умысел действия примирительного характера, находятся в процессе совершенствования морали, духовного обогащения через равенство права. Однако равенство, закрепленное законодательно, не гарантирует освобождение конфликтных взаимоотношений от рефлексии состояния человека через культурные концепты. Из равенства способностей возникает равенство надежд на достижение целей, поэтому если два человека желают одной и той же вещи, которой, они не могут обладать вдвоем, они становятся врагами¹. Общее равенство надежд, предполагает определенные условия, в которых такая надежда имеет смысл. В данном случае, наступление таковых условий, зависит напрямую от предпринятых субъектами действий. Осознание субъектом своего гуманистического начала, а также связи с обществом, с конструированием условий «для будущего» выступают предпосылкой завершения «войны всех против всех» и отказа от этого смысла, поскольку, конфликтуя с целым миром, субъект лишается самой возможности выступать в качестве субъекта социальных отношений. В таком случае, субъект может оказаться в ином будущем, в котором не только не принимал созидательного участия, но и не имеет такой возможности в принципе. В таком контексте, конфликт или медиация – комплекс решений способных вовлечь субъекта или общество для видоизменения актуальной формы бытия. Видоизменяется общество, ценности, структурные связи и восприятие индивидом бытия смещается вслед за «новой формой общественного познания». Хайдеггер полагает, что вовлеченность субъекта в свое бытие, может выступать предпосылками для возможностей развития этого бытия, чем в изначальном понимании и является медиация для конфликтного взаимодействия. Аббаньяно акцентировал внимание и на важности человеческого выбора в данном процессе,

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Азбука, 2022. – С. 94.

поскольку «человек реализует до конца свою конечную природу, потому что решил выбрать ее». В таком случае, мы можем говорить о трансформации в экзистенциальную позицию субъекта, где вовлеченность придала осмысленности действию и выступила предпосылкой для последующего этапа раздумий над выбранным действием. Интересен и анализ Аббаньяно относительно возможностей человека, обнаружение которых, строится на критерии выбора: любой выбор субъекта оправдан, значит и возможности равнозначны. Близкая к концепции Сартра и Камю о бесчисленной свободе и как следствие возможностям человека, применима и к медиации, прежде всего, за вариацию примирительных процессов: наполненных принуждением, волей, целью, добродетелью, верой и т.п.; Если же говорить о непосредственно выборе, то любой выбор оправдан, но один из них неукоснителен для человека — жить для смерти (близка концепция к воззрениям Хайдеггера)¹. В рамках конфликтных взаимоотношений, субъект конфликтует для жизни, дабы удовлетворить определенные природой, личностной и техногенной направленности потребности, но неконтролируемый конфликт, есть смерть субъекта в системе межличностной коммуникации. Смерть не физическая, но на ментальном уровне, чего достаточно для определения человека как части социальной природы, ввергая перед нормальным продуктивной жизнедеятельностью вопрос конечности, в данном случае, социального существования для определенных конфликтом лиц. Аббаньяно предполагает, что субъект может из разнообразия возможностей, выбрать пригодную для «здорового и устойчивого существования». Наше противодействие дает нам чувство того, что в этом отношении мы не полностью угнетены, позволяет проявиться нашей силе и наделяет живостью и взаимодействием отношения, которые без этой коррективы не имели бы никакой цены². Философское предназначение медиации, сузить круг возможностей для совершения наиболее полезного для самого субъекта и общества выбор

¹ См. об этом подробнее: Медведев Н.В. Омед Хамах Али Салих Хайдеггер о бытии человека как экзистенции // Вестник ТГУ. – 2011. – № 4. – С. 234–239.

² Simmel G. Soziologie. Leipzig: Verlag von Dunker und Humblot, 1908. – P. 252.

возможности¹. Выбор такой возможности – результат творчества конфликтующих, именно они создают друг для друга такие условия, в которых медиация поможет вложить их будущее.

Процедура медиации – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения². Появление медиации в ее современном виде связано с практикой разрешения споров в американском обществе, где возникла уже упомянутая нами «гарвардская концепция переговоров»³, положения которой составили духовно-идеологическую основу медиации. Позже подобный способ приобрел популярность и «заручился» социальным одобрением, главным образом благодаря своей эффективной практике разрешения разногласий и оценке социального результата. Зарубежная литература культивирует два подхода к определению медиации: концептуальный и описательный⁴. Концептуальный подход предполагает отождествление медиации с ее основными принципами (добровольности, доверия, беспристрастности посредника и т.д.), носит теоретический характер и предлагает то, как должна выглядеть идеальная модель медиации без привязки к осуществляемому процессу на практике. Описательный подход, напротив, приближен к практическому применению. Описательные определения, «анамнез» конфликта как социального явления требуют и структурного осмысления, и анализа.

Остановимся на нескольких определениях медиации, предложенных в различных, прикладных сферах жизнедеятельности субъекта: 1) по мнению Ц.А. Шамликашвили, медиация (от лат. *mediare* – посредничать) – альтернативный

¹ См. об этом подробнее: Эфиров С.А. Аббаньяно Н. // Советская энциклопедия. В 30 т. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – Т. 1. – С. 14.

² Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе // consultant.ru. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 24.12.2020).

³ Boule L., Nesic M. *Mediation: principles, process, practice*. – London: Dublin, Edinburgh: Butterworths, 2001. – P. 4.

⁴ Fischer R., Ury W., Patton B. *Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In*. – N.Y., 1991. – P. 15.

метод разрешения спора при участии беспристрастной и нейтральной стороны – медиатора, оказывающего содействие лицам, вовлеченным в спор и добровольно участвующим в процедуре медиации с целью выработки взаимоприемлемого и жизнеспособного решения по его урегулированию на условиях взаимного уважения и принятия права каждой из сторон защищать свои интересы¹; 2) правовое определение процедуры медиации следующее: это способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения²; 3) Х. Бесемер предлагает определение, согласно которому медиация – это технология решения конфликта с участием нейтральной третьей стороны. Эта третья сторона в медиации имеет кардинально иную задачу, чем, например, в судебном процессе. Задача медиатора гораздо сложнее: он должен помочь конфликтующим сторонам самим найти решение спорного вопроса. Медиатор должен обладать совершенно конкретными знаниями: например, как организовать процесс решения конфликта так, чтобы конфликтующие стороны были вовлечены в процесс абсолютно добровольного творческого поиска такого решения их спора, которое удовлетворило бы обе стороны и открыло новые возможности их дальнейшего сосуществования³.

Осмысление конфликта в разных картинах мира и места медиатора в этом процессе систематизированы исследователями и разноплановы: 1) в схоластической картине мира ключ к расшифровке и пониманию конфликта будет в руках философа или оракула; 2) в механической картине мира «нарушителями» функций в социальной «машине» выступают инновации и конфликты, и управление ими передается хозяину социальной «машины»; 3) в статической

¹ Шамликашвили Ц.А. О медиации // Научно-методический центр медиации и права. – URL: <https://mediacia.com/what-is-mediation/> (дата обращения: 21.03.2021).

² Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ. Статья 2. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе // consultant.ru. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/c5051782233acca771e9adb35b47d3fb82c9ff1c/ (дата обращения: 24.12.2020).

³ Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Н.В. Малова. – Калуга: Духовное познание, 2004.

картине мира инновации и конфликты ведут к дисбалансу между системами, а регулирование конфликта исходит из представлений о балансе сил между системами и утвержденными в них нормами; 4) в системной картине мира факторами изменений выступают конфликты и инновации, способствующие целостности, а не распаду, и органы власти и оберегающие систему, общество и социальные организации законы являются средствами управления конфликтами; 5) в диатропической картине мира конфликты выступают показателем многомерности, изменчивости и полицентричности форм бытия. Конфликты, как известно, – закономерный результат жизнедеятельности субъекта и социальных групп, и их разрешение происходит при усилении конфликтующих; 6) в синергетической картине мира отмечается роль конфликта к самоорганизации (построение новых структур) и может быть эксплицирована по средствам идей многовариативности развития процессов в пространстве¹. В большей части перечисленных картин мира контроль за конфликтом передается в третьи руки, в руки посредника, которыми могут стать и определенный субъект, и система, и органы власти.

Философское осмысление медиации через ряд научных принципов, может выступить основой понимания истинных возможностей медиации. Это и принцип объективности, предполагающий необходимость, прежде всего, изучения того или иного объекта или социального факта таким, какой он есть, исключая по отношению к исследуемому объекту личное мнение, предвзятость или предубеждение, концентрирующий внимание исследователя на условиях существования объекта, на изучении полной и всесторонней информации об объекте. Это и принцип системности, который разграничивает внешнюю и внутреннюю стороны социальных систем, сущность и ее проявление, обнаруживает не только различия всех сторон у объекта исследования, а еще их единство, целостность, раскрывает форму, содержание и элементы социальной структуры. Это и принцип противоречивости познания, который заключается в

¹ Алиева Н.З., Коршунов Д.В. Синергетическое понимание конфликтов // Международный студенческий научный вестник. 2017. – № 4. – С. 1541.

антиномичности (противоречивости) процесса и результата познания и побуждает к дальнейшему изучению исследуемого явления, социального факта и др. Это и принцип историзма, который изучает социальную систему, процесс или явление с учетом ее саморазвития и развития в динамике, устанавливает диалектические связи с условиями, которые предшествовали исследуемому явлению, выявляет факторы дальнейшего развития. Это также принцип восхождения от абстрактного к конкретному, который играет ключевую роль при реконструкции событий, в том числе повлекших конфликтное разбирательство или противостояние.

Данные принципы раскрывают философскую сущность медиации как более глубинного и системного механизма, позволяющего регулировать конфликтные ситуации. Медиация в данном контексте – специфический метод, ориентирующийся на гуманистический фактор, приемлемый для разрешения любых общественных и личностных конфликтов, нацеленный на достижение согласия с обязательным учетом динамики, социокультурной составляющей, этического измерения социальных взаимоотношений.

Процесс медиации признает интересы сторон и перед началом дискуссии напоминает сторонам о том, что их интересы подвергаются риску¹. Однако именно медиация, способна трансформировать «образы договоренностей» в единую примирительную концепцию, но для уравнивания в практической плоскости трансцендентность понятия медиации и алгоритмы социального устройства, необходима общая идея. Опыт конфликта, как крайней формы агрессии, можно представить и в форме плотского греха. Например, философ Карпократ определил задачу жизни в отрешении от материального мира, а лучшая форма признания – совершении всевозможных плотских грехов². Однако его последователи пытались подменить или даже вытеснить любую форму привязанности тела и души, внутренней силой веры и любви. Не является ли

¹ Плотников А.Д. Этномедиация как фактор урегулирования споров в межнациональных отношениях: теория, современный опыт и практические технологии: сборник методических материалов. – Вып. 11. – М.: Ассамблея народов России, 2016. – С. 24.

² Андреевский И.Е., Арсеньев К.К. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1895. – С. 589.

вышей степенью веры и любви, участие в процессе примирения? Можно предположить, что мысль философа можно трактовать так: вступая в конфликт (с условием, что это греховный поступок), субъект сохраняет свободу и свое бесстрашие от материального мира, а примирение есть тождество внутренней силы в виде веры и любви. Подобная концепция может стать предпосылкой к появлению искомой общей идеи, за возможность субъекта демонстрировать силу своего духовного мира, без возможных угроз материального мира, которые могут отмечаться самим субъектом фрагментарно.

Философский труд И. Канта «Критика чистого разума» имеет весомое значение в изучении и конфликта, и медиации, либо как противоположного соотношению конфликта в смысловом эквиваленте, либо как продолжение конфликта в части продолжения деятельности субъекта. Как известно, ключевая мысль труда И. Канта – исследование познавательной возможности разума, в отрыве от эмпирического приобретения знаний. Логика и интуиция, высвобождает истину опытным путем, при этом, признавая не объективность опыта. Конфликт и медиация – это тот же поиск истины на основе опыта субъектов. В конфликте субъекты ищут истину о себе, своем месте в бытие, истину своих притязаний. Медиация совсем иная деятельность, хоть и является схожей именно за счет активных действий. Различие в приобретенном опыте, если субъект приложит усердие, истина откроется через диалог с оппонентом, свое место в бытие может быть найдено через гуманистическое измерение, а притязания видоизменены в виду приобретения новых знаний. Причина различий в познаваемости вещей самих в себе и, конечно, наших представлений, что не противоречит кантовским умозаключениям. Конфликт порождает воздействие на наше сознание, являясь проявлением внешнего мира. Как только происходит единение нашего взаимодействия с конфликтом, можно считать, что конфликт сменяется медиацией, поскольку за явлениями конфликта, ставшими достояниями опыта, находится мир предметов «самих по себе», познать которых мы не в состоянии. Однако работа с феноменами в плоскости медиации, позволяют формировать конструктивное бытие, подчиненное категориям мысли. Если мы

хотим пребывать в нравственности, то нужно об этом договориться, свести все к определенным законам, творцом которого является наш рассудок. При этом, разум, за счет своей априорности, позволяет сформировать отказ от ведения активных столкновений. Думается, апостериорный опыт конфликта сильно осложнит добровольный переход из плоскости конфликтных взаимоотношений в плоскость медиативных. Однако кантовская мысль относительно войны, апеллирует обязательствами по поводу использования возможных средств. Если они не обговорены, то в своей психологической основе становятся войной на уничтожение¹. Медиация – это установленные обязательства ведения конфликта и своего рода, это начало возведения мира.

Говоря об установлении соотношений конфликта и медиации, нельзя проигнорировать опыт приобретения знаний субъектом. Так, конфликт подпадает под априорность знания, поскольку изначально не требует доказательства неразрывной связи с жизнедеятельностью субъекта, не требует его участия, существуя обособлено. Участие в конфликте, а затем и в акте примирения, позволяют соотнести медиацию со знанием апостериорном, состоящем из «проб и ошибок», генерации примирительного сценария, путем переработки предложенных сторонами предложений. Сформированное апостериорное знание о конфликте, о медиации становится социальным опытом, выступая с одной стороны «опасением ожидания» в виду достижения человеком иного результата в конфликте, а с другой стороны траекторией защиты индивидуального поведения с отсылкой на выработанные социумом представления. Данные представления сформированы на основе междисциплинарных исследований, что намного шире индивидуальных воззрений на конфликт.

Философская интерпретация позволяет оценить медиацию как технологию совмещения этико-гуманистического, социокультурного и юридического подходов в целях легитимного и адекватного, учитывающего человеческий

¹ Simmel G. Soziologie. Leipzig: Verlag von Dunker und Humblot, 1908. – P. 258.

фактор разрешения конфликтной ситуации¹. Принимая за основу предложенные в научной литературе дефиниции, предлагаем следующее определение медиации, учитывающее ее активное проникновение в современную социокультурную сферу: медиация (медиативная технология) – это эффективная, трансцендентальная, имеющая в своей основе этико-гуманистическое измерение социальная технология урегулирования конфликтов, исходящая из принципа добровольности, особенностей социокультурного развития современного общества и норм действующего законодательства.

На витке современного исторического развития, в медиации заключен социальный потенциал, который выступает в формате завершенной технологии, способной культивировать ценности согласия и противодействовать механизмам гуманистического обесчеловечивания субъекта и общества. Дихотомия моральных поступков, осложняет принятие мирных решений, из-за пропасти «ответной соразмерности». Выбор действия, продиктованный категориями морали, оценивается через регуляторы закона, общественного порицания, духовного воззрения и предполагает несение личной ответственности, а не восстановление ущерба от совершенных действий. Медиация, стремится восстановить утраченное для сторон, в формате практически абсолютной безопасности, благодаря нахождению на корреляционном пересечении сразу всех выше перечисленных регуляторов.

О медиации современные исследователи говорят не только как об искусстве разрешения разногласий с применением «метафоры танца» или других видов совместного творчества², но и как о специфической форме философствования³. Затрагивая различные аспекты медиации как социокультурной технологии урегулирования конфликтных ситуаций и механизма его совершенствования, необходимо определиться по ее

¹ Сухова Н.В., Сухов И.В. Современные тенденции развития примирительных процедур: российский и сравнительный контексты // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1 (72). – С. 31.

² Кэрролл Э., Мэки К. Международная медиация: искусство дипломатии. – М.: МЦУПК, 2012. – С. 136.

³ Гордийчук Н.В. Спор разрешается изнутри // Медиация и право. – 2014. – № 1. – С. 23.

содержательным характеристикам и выявить, действительно ли медиация является эффективной технологией управления конфликтом в современном обществе? Современные исследования позволили конкретизировать область дискурса и осмыслить медиацию как самостоятельный метод в контексте урегулирования конфликтных процессов, принимаемых решений и последствий для участвующих сторон. Проблема заключается в том, что с течением времени медиация в русле социальных отношений переросла категории, понятия и ограничения, «задуманные» для нее изначально. На сегодняшний день есть необходимость конкретизировать (если потребуется, дополнить) понимание медиации и определить ее значение для жизни современного общества и субъекта как регулятора социальных отношений и урегулирования конфликтных ситуаций.

Таким образом, подводя итог данного параграфа, логично отметить следующее:

Философское воззрение укрепило сущностное начало понятия медиации и сопутствовало снижению разрыва между общественным видением ценностного, миротворческого потенциала данной технологии, главным образом, подводящему к осознанности конструирования бытия.

Конфликт, как подлинное состояние бытия, выступает хранителем противоречий на определенном историческом отрезке и условием, с которым работает медиация. В данном контексте, медиация – это путь к благу, на котором индивиды приближают состояние счастья, через добродетельные поступки. Разумеется, творческая деятельность субъектов не только приводит конфликт к завершенности, но и формирует «добрую душу», оберегающую субъекты от «самости и конечности» конфликтных действий. Конструирование будущего через процесс «вовлеченности в собственную конечность», становится для медиации, порождением примирительного сценария, удовлетворяющего у субъекта страх неведомого.

Дальнейшее желание ведения борьбы ограничивает «правовой разум», сконцентрированная мысль на соотношении императива закона и морали. Происходящее духовное обогащение через равенство права и совершенство

морали, дарует субъекту осознание гуманистического начала и его верховенства над поведенческими паттернами, выступая предпосылкой завершения «войны всех против всех».

Философская интерпретация позволила оценить медиацию как технологию, благодаря объединению методов и особенностей философских подходов, а также совмещения этико-гуманистического, социокультурного и юридического подходов в целях легитимного и адекватного, учитывающего человеческий фактор разрешения конфликтной ситуации.

С учетом проведенного исследования, нами предлагается следующее определение: медиация (медиативная технология) – это эффективная, трансцендентальная, имеющая в своей основе этико-гуманистическое измерение социальная технология урегулирования конфликтов, исходящая из принципа добровольности, особенностей социокультурного развития современного общества и норм действующего законодательства.

1.2. Эволюция идей и практик медиации в обществе

Идея, как прообраз реальности, связывает настоящее с будущим. В настоящем времени общество сталкивается с конфликтом отмечая его разное влияние на субъекта и общество. В прообразе бытия, ожидается развитие гуманистическое начало, с возможностью управления конфликтами на уровне субъектов и социальных институтов. Этическое пространство придает осознанности взаимоотношениям, окончательно отказываясь от конфликта как цели, оставляя данное явление исключительно как средство. Безусловно, подобный вектор продиктован индустриальным воззрением на общество и обусловлен тем, что прежде чем понимать бесконфликтность как естественное состояние души, необходимо произвести комплекс действий на гуманистические парадигмы. Начальные этапы подразумевают использование конфликта как средства, для переоснастки социальных, экономических, культурных интеграций. Просто лишь состояние субъекта и общества, тяготеющее к душевному

спокойствию, бесконфликтности порождает некоторую инертность в принятии ряда вопросов. Однако подчеркнем, что конфликт как инструментарий, должен соотноситься со смыслами, образами и значениями, для установления которых он применяется. Иными словами, использование конфликта как средства возможно только в продуктивном, созидательном и не противоречащим морали смыслах. В этой связи, необходима оценка проявления явлений конфликта и медиации в общественных институционализациях, для постановки диапазона их социальных возможностей.

Как известно, в философской науке, под идеей понимается умопостигаемый и вечный прообраз реальности. Идея медиации – построение реальности не свободной от конфликта, а способной к осознанности примирительных решений. В случае свободы социальных отношений от конфликта, прослеживается и свобода от принятия решений, что ведет к ограничению действий субъекта, что претит пониманию свободы. Субъективная созидательная способность сотворения мира, напротив демонстрирует свободу в действиях и свободу от непосредственно конфликта, поскольку, зная пути его разрешения, субъект выходит из всяческого его влияния. Сотворение мира, невозможно без философского осмысления отношения к нему. Так, М. Вебер выделил способы отношения к миру, содержащие в себе установку способную стать вектором социального действия: 1) сопряжение с конфуцианским и даосистскими типами религиозных философских воззрений (идея: приспособление к миру); 2) сопряжение с индуистским и будистским (идея: бегство от мира); 3) сопряжение с иудаистским и христианским (идея: овладение миром)¹.

В рамках данного исследования, исходим из многомерности идеи примирения и сформировали, на наш взгляд, актуальные интерпретации идей и практик медиации: 1) как религиозное учение (архаические концепции); 2) как гуманистическое состояние или часть самобытности; 3) как формирование

¹ Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 762.

исключительности решения конфликтной ситуации; 4) как метод или технология (в т.ч. правовой плоскости); 5) как социальный опыт; 6) как идеологический смыслообразующий элемент.

Медиация – это, отчасти, конструирование идеи примирения из компонентов, предложенных сторонами и опыта, предложенного обществом. В связи с этим, стоит начать осмыслении идеи именно с конфликта, как явления, образующие первичные условия для медиации. Если мы говорим, что понятие конфликта есть, а в реальности не всегда удается выстроить завершённое понимание этого явления, мы можем говорить о нехватки идеи, которая создавала бы самостоятельный вектор с опорой на теоретическое становление конфликта и его реальную интерпретацию. По мнению философа Гегеля, идея – это единство понятия и реальности, обладающая свойством самоопределения, самодвижения и целенаправленности. С точки зрения гегелевской диалектики, конфликт и медиация, это переход одного определения в другое, где обнаруживается одностороннее понимание и ограниченность, поскольку содержат в себе отрицание самих себя. Для конфликта, медиация не абсолютна, поскольку побуждает к миру, согласию, противоположному свойству для конфликта. Медиация, напротив, пробуждая к миру приходит к нему через конфликт, управляемый, но все же конфликт, имеющий свои уникальные свойства и риски. Предполагаем, что абсолютом для этих двух понятий, побуждающим движущее начало диалектического процесса будут «противоречивость», в конфликте ее отстаивают радикальными мерами, а медиации действия направлены на защиту. В качестве основной идеи, нами определяется этико-гуманистическая составляющая, необходимая и для интеграции медиации в современную реальность, и для развития самой медиации уже в гуманитарной плоскости¹. Благодаря возможностям медиации, представляется ценным влияние на общественную деятельность, культивируя гуманистические ценности.

¹ См. об этом подробнее: Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990.

Медиация, отчасти, не устанавливает истину, а именно подводит к ней благодаря воссозданию условий. Истина есть олицетворения субъективного начала, однако априорность познания лишает ее объективности, в связи с чем, конфликтующие прибегают достигают истину в диалоге, чтобы доконструировать знания о предмете конфликта. В этом ключе, идея медиации в защите диалога как метода достижения истины. Последующая работа с истиной обладает причинно-следственной связью, начиная от основы в медиации и завершая опытом социального ответа на конфликт. Последнее, один из компонентов развития общества в условиях неопределенности.

Универсальность и непрерывный характер состояния общественного развития обеспечивались, по мнению Н. Макиавелли, именно конфликтом как неотъемлемой частью жизнедеятельности общества¹. Анализ конфликта, проведенный Н. Макиавелли, сводился к определению его как универсального признака общества, а его возникновение объяснялось природной порочностью человека². В качестве причин конфликта выделялись и лидеры общественного мнения. В силу положения они сосредотачивают в своих руках определенную сферу влияния на социальные процессы, что может быть губительно при недобросовестности их помыслов и совершаемых действий. Э. Роттердамский по этому поводу замечал, что война сладка для тех, кто ее не знает, а истинных причин для войн нет³. Особенность воззрений мыслителей эпохи Возрождения на проблемы конфликта можно сформулировать как развитие проблем конфликта в контексте идей древнегреческой философии о величии познающего мир человеческого разума. Данные описательные характеристики упомянуты с целью демонстрации необходимости рассмотрения медиации в гуманистическом контексте: порочность субъекта обусловлена его выбором, недобросовестность посылов предпосылка войны, а разум познающий мир, может быть затуманен или утопать в ловушках смыслов.

¹ Баренбойм П.Д. Макиавелли // Флорентийское общество (к двадцатилетию создания в Москве Флорентийского общества). – М.: ЛУМ, 2020. – С. 319.

² Макиавелли Н. Сочинения. – СПб.: Кристалл, 1998.

³ Роттердамский Э. Жалоба мира / пер. Ф.Л. Мендельсона. – М.: Советская Россия, 1991.

Идеи гуманизма и общественного договора наиболее полно представлены в трудах Ф. Бэкона, Т. Мора, Э. Роттердамского, они выступали с осуждением социальных конфликтов и его вооруженного (насильственного) разрешения. Как для истинных гуманистов, для них мир, доброта и согласие – основополагающие факторы для развития общественных формаций. Позиция Дж. Локка и Т. Гоббса существенно отличалась: мыслители утверждали, что абсолютное естественное состояние общественных отношений – конфликт, выражаемый в «войне против всех», а люди же занимают партнёрские или враждующие роли¹. Отсутствие возможности для реального удовлетворения потребностей каждого человека и создает в их отношениях спор. В связи с этим преимущественное внимание было направлено на поиск прагматичной формы общественного устройства, при которой причины социальных разногласий сводились бы к минимуму. В частности, пребывая под эмоциональным прессингом и нависшей конфликтной угрозой, общество стремится к констатации мирных отношений как единственно возможного благоприятного сценария для его безопасного и устойчивого развития. И. Альтузий развивал подход, суть которого в объединении людей в связи с зависимостью от побуждений и потребностей, результатом такого процесса мог стать договор. Общественный договор же лишь скрепляет намерения на бумаге как свод правил, не допускающих нарушения границ социальных отношений. А. Смит, например, предположил, что при определенной гармонии интересов личности с общественными устремлениями к общему благополучию степень эгоизма понижается и особо отмечал связь человека и общества, склонность субъекта к пребыванию в естественном общественном состоянии, а также его уважение к правилам нравственности. Суть рассуждений мыслителя заключается в предположении, что собственное благополучие побуждает благоразумие и справедливость в действиях². Вывод, который можно использовать при разрешении конфликтов и формировании механизмов

¹ Орлова И.В. Теория гражданского общества: к истории вопроса // Философия и общество. – 2006. – № 2 (43). – С.121.

² Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Библиотека этической мысли, 1997. – С. 154.

социального согласия, в том, что справедливость, мораль, благоразумие, гуманизм действительны тогда, когда необходимы для достижения экономических интересов, а не заключены лишь в моральном регулировании общественных процессов.

Социальная отрасль научного познания, с учетом теории биологической эволюции, выдвигает понятие социального дарвинизма, сторонниками которого стали Л. Гумплович, У. Сампер, Г. Спенсер и др. Социальный дарвинизм есть общественное развитие благодаря биологическим законам естественного отбора¹. Рассмотрение процессов борьбы в обществе стало истоками исследования конфликтов в социологической традиции и было заключено в границы социал-дарвинизма². Понятие конфликта расширяется до новых связей с наследственными признаками и психофизиологическими особенностями человека. Г. Спенсер к основным законам общественного развития относил принцип выживания приспособившихся индивидуумов, и в данном контексте остается двусмысленным понимание конфликта: разрешение конфликта кроется в способности приспособиться к сложившимся условиям или банальном уходе от него. Противоборство как явление универсально, и соблюдение баланса касается не только межличностных отношений: равновесие между обществом и природой также во власти этого явления.

Э. Дюркгейм уравнивал по значимости общественное состояние и социальную солидарность³. В качестве обоснования такого действия приводится причина: взаимная потребность друг в друге и потребность в объединении людей. Необходимость участия в конфликте, разногласия, сопровождающие многие процессы общественной жизни, не упраздняют формы сплоченности, сотрудничества, консенсуса. Конструктивное решение спорных позиций важно для социума, а поиск взаимовыгодного решения – для сторон медиации.

¹ Лигостаев А.Г. Социальный дарвинизм. URL: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=41771> (дата обращения: 18.11.2020).

² Гофман А.Б., Прохоров А.М. Социальный дарвинизм // Советская энциклопедия. – М., 1976. – Т. 24. – С. 280.

³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с франц. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – С. 71.

Дж. Бэртон, изучающий влияние «человеческого измерения» в разрешении долговременных конфликтов, отметил то, что неудовлетворение потребностей, которые определены мотивами и поведенческими паттернами, выступают причиной долгосрочных и трудных для разрешения социальных конфликтов¹. Потребности любви, безопасности, самореализации, культурной идентичности и ряд других, выступают предметом общественного посягательства и подразумевают полярную смену поведенческих установок, в зависимости от их достижения или защиты. В таком случае, каждый субъект социальный взаимоотношений осведомлен, исходя из своего опыта, о дуализме поведенческого сценария. В результате, мы имеем две противоположные друг другу поведенческие установки и потребности, как то, что лежит в основе самой социальной плоскости и должно быть приобретено субъектом самостоятельно. Несовпадение ожиданий и поведенческих установок, неизменно приводит к такому конфликту, в котором субъекту самостоятельно разобраться проблематично. Согласно мнению Дж. Бэртона, потребности выступают детерминантой поведения субъекта, при этом, с одинаковой значимостью, без подразделения на высшую или низшую уровни. Сами по себе, не являются предметом сделок и компромиссов, а в случае их не удовлетворения, достигнутое решение вовсе считается лишенным справедливости и не окончательным. Наиболее ценное решение конфликтов – формат наиболее полного соответствия социальных изменений и базисным потребностям субъекта с полным их удовлетворением. Разумеется, удовлетворение потребности в полной мере в рамках социальных отношений носит утопичный характер, однако не ставить этот запрос во главу угла гуманистического развития – опрометчивое решение. В данном контексте, медиация также не может быть окончательным идеалистическим методом, но в ее практической части предусмотрено соприкосновение потребностей всех сторон, втянутых в конфликт. При этом, воссоздание единения потребностей для сторон, может выступать противоречием

¹ См. об этом подробнее: Burton J. Conflict: Resolution and Provention. – New York: St. Martins Press, 1990.

для всей общественной сферы, в виду возможного несоответствия образовавшегося единения и потребностей общества.

Влияние на конфликт, кроме интересов, имеют и убеждения сторон. Выбранную программу возможного поведения в конфликте определяют правовые, социально-политические, нравственные и др. ценности. Убеждения и ценности могут стать мотивом, но только в случае «патовой ситуации» для субъекта. Тогда возможна открытая демонстрация своих убеждений и ценностей даже в ущерб реализации своих же интересов и потребностей. Эффективное взаимодействие на поле конфликтного противостояния – это всегда выбор удачной стратегии поведения. Умение следовать алгоритму, предупреждающему конфликт, и выбирать действия, отражающие конкретные особенности каждой конфликтной ситуации, – залог благоприятных условий для сохранения взаимоотношений. Одной из проблем, дестабилизирующих социальные отношения, является элементарное отсутствие у субъекта знаний о корректировке собственной модели поведения. В частности, К. Томас выделил два направления: отстаивание своих интересов и желание учитывать интересы других сторон. Всего выделяют пять стратегий поведения: приспособление, уступка (уклонение), компромисс, соперничество, сотрудничество¹. Однако внимания заслуживают еще две эффективные стратегии: подавление и переговоры. Подавление и переговоры требуют адресных действий и дополнительного влияния на процесс конфликта в то время, как остальные стратегии основываются на личностных действиях. Главное: понимание проблемы спора, его причин, особенностей конфликтогена помогает в выборе наилучшей модели, способствующей регулированию процесса конфликтного взаимоотношения, придавая выгодное направление для формирования конечного результата.

¹ Светлов В.А. Классификация стратегий поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килменна и единая теория конфликта // Сборник научных трудов SWORLD. – 2014. – Т. 16. – № 1. – С. 4.

Поведенческие установки в конфликте, выступает в форме стратегии или модельного отношения¹. Данные процедуры стали основой понятия «управление социальным конфликтом», под которым понимается социальный процесс комплексного характера, содержание которого составляет выявление объективных закономерностей разворачивания социальных конфликтов. Процесс выявления, в свою очередь, входит в основу выработки и практической реализации управленческих решений по целенаправленному, регулируемому воздействию на стороны-участников разногласий.

Проведенные исследования выявили многогранность конфликта как социокультурного явления, характеризующего мозаичный социальный и личностный мир. Для конфликта характерны следующие фазы: 1) конфронтационная (военная) – приоритет личного интереса, стороны стремятся удовлетворить свой интерес за счет обезличивания оппонента и его потребностей. Результат достигается добровольным и, что особенно важно, вынужденным отказом другой стороны от своих притязаний или намерений; 2) компромиссная (политическая) – в ходе переговоров стороны стремятся достигнуть взаимного интереса по мере своих возможностей. По средствам переговорного процесса происходит замена разнообразия интересов всех участников на единый, компромиссный вариант, который и становится базисом конечного результата. Данный способ исключает взаимовыгодное сотрудничество, поскольку стороны пытаются обеспечить только собственный интерес; 3) коммуникативная (управленческая) – установление коммуникативного канала и создание благоприятных условий для поиска решения на основе согласия, продиктованного собственным желанием разрешить конфликт и удовлетворить интересы².

Современное осмысление конфликтов разделяет медиацию на виды по своему непосредственному применению и ориентированности на макрогруппы: 1) медиация решения проблем (problemsolvingorsettlement-directedapproach) – данная

¹ См. об этом подробнее: Неустроева О.В. Модели и стратегии разрешения конфликтов // Евразийский научный журнал. – 2015. – № 10. – С. 8–11.

² Козлов В.В. Конфликт: участвовать или создавать. – М.: Эксмо, 2009. – С. 239.

технология ориентирована на интересы сторон, а не на занимаемые ими позиции. Позицией, как известно, является свод установок, которыми располагают стороны в конфликте, а интерес – это цель, достигнуть которую необходимо в рамках примирительной процедуры; 2) нарративная медиация (narrative approach) – механизм, в котором приоритетное место уделяется диалогу, где стороны излагают свои позиции, а медиатор оказывает на них влияние в рамках принципов медиативного процесса; 3) семейно-ориентированная медиация (экосистемная) (ecosystemic or family-focused approach) – позиция, применяемая в разногласиях внутри семейных отношений. Ряд ученых отводит этой технике способность разрешения и межкультурных конфликтов; 4) трансформативная медиация (transformative approach) – способ, при котором ход медиации определяет стороны примирительного процесса, а медиатор подстраивается под созданные условия. Особенность данного подхода – в общении сторон, способствующем установлению отношений, ориентированных на удовлетворение потребностей всех сторон; 5) медиация понимания (understanding-based approach) выстраивает дальнейший сценарий понимания участниками конфликта перспектив – как своих, так и оппонента. Важным аспектом данной позиции является ответственность сторон за принятые ими решения, поскольку стороны лучше адаптируются в спорной ситуации, чем специалист-посредник; 6) восстановительная медиация (restorative mediation) тесно связана с подходом к правосудию в американском обществе, именуемым «восстановительным правосудием». Восстановительная медиация ставит целью воссоздание причиненных потерь и вреда в рамках конфликтного противоборства; 7) оценочная медиация (evaluative approach) – подход, именно в рамках которого, медиатор вправе давать оценку и при определенных обстоятельствах оказывать влияние на результат примирительного процесса, например, предлагая варианты разрешения сложившейся ситуации¹. Данные техники отобраны нами из более

¹ Арпентьева М.Р. Медиация: современные представления и модели // Вестник Федерального института медиации. – 2018. – № 1. – С.14.

широкого перечня, предложенного в исследовательской литературе¹, и, как нам представляется, наиболее подходят для демонстрации конструктивной роли медиации как современной технологии управления социальными конфликтами.

Прежде всего необходимо отметить, что медиация не заменяет иные формы разрешения конфликта, а ее целесообразность ограничена следующими случаями: 1) неудовлетворительные попытки переговоров; 2) стремление участников конфликта к мирному соглашению; 3) отсутствие ограничений (этических, психологических, правовых); 4) заинтересованность в перспективе взаимоотношений; 5) равенство сторон в вопросах власти². С точки зрения конструктивных возможностей эффективность медиации уже начинает положительно оцениваться обществом.

Медиация представляет собой регулятивный институт, включающий в себя определенные стадии, позволяющие урегулировать конфликт, используя свои специфические механизмы³. Рассматривать медиацию через призму философии, как нам представляется, особенно важно, учитывая многоуровневость самого конфликта, его негативных и деструктивных последствий для устойчивого функционирования жизнедеятельности субъекта и общества. Безусловно, в широком смысле обозначая медиацию, возникают ассоциации с правовым регулированием, на которые есть вполне обоснованные причины. Однако если углубиться в правовое понимание медиации, то можно встретить утверждение о том, что юридический конфликт и юридический спор едва ли можно рассматривать как синонимичные понятия. В связи с этим, нами выявлено две диспозиции: конфликт интересов и конфликт, вызванный недостатком осведомленности (в данном примере, недостаток осведомленности о своих правах

¹ Львова Д.М. Основные подходы (стили) в медиации: критерии разграничения и особенности // Студенческий научный форум. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018003272> (дата обращения: 24.12.2020).

² Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Н.В. Малова. – Калуга: Духовное познание, 2004. – С. 21.

³ Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Процессуальный институт медиации в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 2А. – С. 221.

и обязанностях). Абстрагируясь от специфики правового регулирования, можно сделать вывод, что потребность в ликвидации недостатка осведомленности о конфликте интересов (его структуре и предпосылках) остается значимой для того, чтобы конфликт изучался в контексте различных парадигм, способных привести новое и сосредоточить общественное и личностное сознание на понимании такого достаточно противоречивого явления, как разногласие.

Х. Арндт справедливо отметил, что на Земле живут «люди, а не Человек», что в плоскости осмысления конфликта приводит к дуализму мнений: в первом случае, можем ли мы говорить, о взаимосвязи опыта разрешения конфликта с публичной плоскостью, подразумевающая расширение границ для социальных взаимодействий, поскольку остается неразрешённым вопрос необходимости конфликта для человека или для людей; во втором случае, статус личности в конфликте видоизменяется в своей сущностной характеристике, на основе стремления демонстрации своей уникальности. В умозаключениях Н.А. Беряева, ощутима вера в исключительность каждой личности, отмечается отчуждение внутренней жизни человека от внешнего мира, своего рода конфликт, в котором внешний мир и общество стремятся подавить внутреннюю жизнь субъекта. В таком ключе, конфликт перестает быть условием, а становится средой для демонстрации определенных личностных установок, особенностей характера, и прочих параметров, тогда процедура примирения выступает средством, что ведет не к тождеству истины, а манипуляциям и даже средством управления, подавления воли чуть менее «удачливого» оппонента. Дисбаланс в этой ситуации, трансформирует макрогруппу, основанную на желании прекратить конфликт в тоталитарное общество. В работе «О насилии» философ разграничила такие понятия, как «мощь», «сила» и «авторитет»: «Суть всякого правления составляет власть, а отнюдь не насилие. Насилие по самой своей природе есть не более чем орудие; как всякое средство, оно неизменно нуждается в наличии некой направляющей цели, служащей к тому же его оправданием. А то, что само по себе нуждается в оправдании или обосновании, не может являться сущностью чего бы то ни было». Исходя из вышесказанного, мы можем сделать предположение, что

если есть проявления «насилия» в обществе, то для восстановления баланса, обществу необходимы и средства восстановления «мира», при этом, такие компоненты как «мощь», «сила» и «авторитет» незаменимы в примирительном процессе.

Заслуга Р. Дарендрофа – в расширении границ понимания конфликтов, а также в выделении разногласий между классами в индустриальном обществе¹. Ученый отмечал, что в основе общества лежит принуждение одних членов общества другими, где средствами в таком принуждении являются требования морали и даже правовые нормы. Существенной особенностью данного феномена выступают действия, совершаемые в общей системе конфликта, укрепляющие или разрушающие позиции социального конфликта. Побудитель конфликта – изменение или сохранение элементов существующих общественных отношений. Неизбежность социальных конфликтов определена условием общественного развития. Общество предполагает разногласия в виду дифференциации по признакам статуса, принадлежности к группе и т.д. Причина социальных конфликтов – в противоборстве личности или группы за цели, являющиеся обоюдно значимыми. Противоречия становятся ведомым признаком, на основе которого и принимаются стратегические решения. Однако на что направлена идеация в конфликте, непосредственное усмотрение конфликта, включая его воздействие на систему социальных отношений или созерцание сущности самого конфликта? Непосредственное созерцание процесса примирения, может выступить той идеацией, которая удачно соотносится с бытием сущностей. Носит противоположный характер реальному, исходя из того, что в самом конфликте мира нет и нет времени, поскольку идеация мира актуальная во все исторические эпохи. Как известно, материалом для идеации может выступить и живой опыт (восприятие), и воображение. В первом случае, установление согласия может быть продиктовано трансляцией положительных эмоций от прекращения личного

¹ См. об этом подробнее: Dahrendorf R. Elemente ernes Theorie des sozialen Konflikts // Gesellschaft und Freiheit München, 1965.

конфликтного столкновения. Во втором же, по средствам конструирования моделей урегулирования конфликта.

Противоречия и принятия стратегических решений продиктованы желанием субъекта сформировать для себя образ утерянного будущего. Пользуясь компонентами, доступными ему в конфликте, субъект конструирует будущее через социальные отношения, хотя это и может быть в корне неверно, но может быть воспринято как наиболее верный способ установления утерянного комфорта за неимением иных. По мнению Р. Дарендорфа, основанием для исследования социального конфликта должна выступать идея неопределенности существования субъекта, в рамках которой нет возможности увидеть многообразие социальной реальности одновременно. Конститутивной неоднозначностью экзистенции жизни субъекта, обосновывается антропологический смысл конфликта. Конфликт ценен для человека не с точки зрения удовлетворения диалектической потребности, а через осмысление реальности, проявить жизненную ценность изменения, тем самым проявив свою историчность и смысл содеянного¹. В связи с этим, противоречия – условие социальных изменений, многообразия исторических форм устройства бытия. В таком случае, социальный конфликт – не хаотичная случайная борьба противоположностей, а закономерность повторений противоречий в определенных социальных системах. При этом, Р. Дарендорф считает, что в случае отсутствия у одной из сторон идентичности, конфликт становится неполным². Речь идет о том, что будут нарушены стадии конфликта, что осложнит медиацию, в виду незавершенности оформления адресных претензий сторон. Также, данное мнение подразумевает, что кроме противоречий, в конфликте должен быть культурный компонент, возможно он скрепляет конфликтующих в одной коммуникативной плоскости, возможно выступает кодированным смыслом и образом личного обустройства бытия, а возможно выступает социальным ограничением в осмыслении реальности. Конфликт может

¹ См. об этом подробнее: Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерки политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2002.

² См. об этом подробнее: Dahrendorf R. Elemente ernes Theorie des sozialen Konflikts // Gesellschaft und Freiheit München, 1965.

и восполнить недостающий компонент, а может его и намеренно лишить, выступая в соотношении с совестью, моралью и внутренним миром отдельного субъекта. Причина в том, что формальное социальное ограничение не является катализатором для внутренней совестливой рефлексии, например, Л. Валла отмечал, что вне зависимости от последствия первородного греха, субъект не теряет способности самостоятельного выбора между добром и злом¹. Учитывая это, ведение открытой конфронтации может быть, как добром, так и злом для самого человека, в зависимости от таковых критериев как воля, удовольствие, система ценностей. Возникает вопрос о равнозначности совершенного субъектом действия и оценки этого действия в публичном пространстве.

И. Бентам сформировал принцип «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов», которое реализуется через разрешение конфликта и приносит удовлетворение для участников примирительного процесса, остальной социум получает социальную технологию показавшую свою актуальность, опыт социального построения коммуникационного процесса, тождество справедливости. Однако участие в конфликте принимают не сколько люди, сколько ценностные аспекты людей, сокрытие в мировоззрении. В работе Э. Блоха «Философия надежды» есть интересная мысль о том, что «ни одну вещь невозможно было бы переработать в соответствии с желаниями, если бы мир был завершённым и полным жестких, законченных фактов»². Даная позиция сохраняет способности субъекта и общества к самоорганизации, главным образом, для локализации или переработки тех явлений, которые кажутся не завершёнными. Предположим, что если мировоззренческий аспект преследует переработку конфликта, то данное действие подлежит исполнению в том объеме, насколько позволит в индивидуальном порядке воля человека, а в публичном – границы общественного договора. При этом, к объективно возможному мы относим прекращение конфликта как ожидаемой закономерности, исхода, не

¹ См. об этом подробнее: Нижников С.А. Метафизические истоки «Нового религиозного сознания» в культуре Серебряного века и его политические последствия // Пространство и Время. – 2010. – № 2. – С. 117–126.

² Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. – М., 1991. – С. 49.

исключаемого на основании имеющегося познания и условий. Реально возможным является все то, что помогает внутри медиации собрать все сферы для достижения зрелости, что выступит с одной стороны опосредованно существующими условиями, а с другой подготовкой для новой действительности, взаимоотношениям, разрешившим конфликт. Эффективные теоретические и практические механизмы регуляции социального конфликта оберегают общество и мир субъекта, создавая пространство взаимоуважения и согласия как особой социальной ценности, влияющей на устойчивое развитие современного общества, несущего ответственность за собственную безопасность и гарантированное, надежное бытие человека. Сам факт интереса общества к эффективным методам социального регулирования демонстрирует уровень его зрелости и ответственности.

Как известно, этику называют «практической философией», которая помогает найти ответы на ключевые вопросы противоречивого бытия и определить нормы поведения и взаимоотношений, которых следует придерживаться в обществе. Этика – философская дисциплина, предметом исследования которой является мораль¹. В начале XX века перед обществом актуальной проблемой было переосмысление положений этики. Первым, кто открыто выступил с критикой традиционных направлений этики, стал Дж.Э. Мур². Проанализировав положения метафизической этики И. Канта, исследователь пришел к выводу, что ни одно из отвечающих тому времени направлений этики не в состоянии дать ответы на вопросы о природе добра, идеала, счастья³. Именно Дж. Э. Мур стал основоположником метаэтического периода, подвергнув строгому и логическому обоснованию такие этические понятия, как добро, справедливость, идеал и др. Результаты не стали спасительными для метаэтики, и научное сообщество с практически единодушной

¹ См. об этом подробнее: Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль: современные исследования. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 5–18.

² Мур Д.Э. Принципы этики / пер. с англ. Л.В. Коноваловой. – М.: Прогресс, 1984. – С. 57.

³ Кант И. Сочинения. В 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Сер.: Философское наследие. – М.: Мысль. – Т. 1.

решимостью обратилось к иным исследовательским позициям, положив начало очередному этапу развития моральной философии. Данный период охарактеризовался пониманием, что психология и социология отводят человеку и его природе главенствующую роль в социальных процессах. Новейшая же история развития моральной философии представлена также этикой прикладной, решающей наиболее острые духовные и социокультурные проблемы, актуальные для общества и субъекта. Как известно, прикладная этика – направление профессиональной этики, изучающее практические моральные проблемы. Вопросы, поднимаемые и решаемые прикладной этикой, вызывают общественный резонанс, порождая моральную дилемму с несколькими равнозначными по своим действиям и аргументации решениями. Главная причина возникновения прикладной этики – дегуманизация (практически) всех сфер человеческой жизнедеятельности, и современная прикладная этика разрабатывает те темы, от осмысления и ситуативно-практического решения которых зависят сбережение ценности человека и человеческого мира, сохранение меры человеческого в обществе и субъекте, продолжение человеческого рода в ситуации современных вызовов. Социальный акцент смещен на понимание ценностей индивидуально-личностного характера, имеющих гуманистическое измерение. В частности, еще Э. Фромм подчеркивал, что гуманистическая этика помогает человеку в преодолении крайностей: с одной стороны, религии с ее догмами веры, а с другой стороны, релятивизма, который не видит ничего устойчивого в нравственных и мировоззренческих представлениях человека¹. Безусловно, используя разум как средство, субъект может познавать этические понятия через отношение к себе. Более того, в сферах, где угроза устойчивому и уверенному бытию субъекта приобретает угрожающие размеры, ценностные суждения перекликаются с положениями прикладной этики. Отметим, что этика является не только экологией добра и культивированием добродетелей в социальных и межличностных отношениях, но и своеобразным «щитом» чести,

¹ Fromm E. *Man For Himself. An inquiry into the psychology of ethics.* – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964.

деловой репутации, ее ущемленных прав, а главное, человеческого достоинства. Так, в условиях, где не всегда защита индивидуальных свобод основывается на нормах законодательства, моральная философия прежде всего отстаивает интересы личности. Как таковых, положений «зла», добра» и прочих этических категорий, по мнению Архелая не существует, а лишь придуманы человеком и зафиксированы в законах. Следовательно, мы можем оценивать действия субъектов с позиции отклонения от социального абсолюта или нарушения личных границ, что само по себе, будет воспринято не позитивным поступком.

Этика Т. Гоббса строится на «естественном законе», обеспечивающий стремление к самосохранению и удовлетворению потребностей. Применяемо к конфликтному взаимодействию, закон, предписывающий добиваться мира пока есть на то надежда, подразумевает приложение воли, разума, сил для решения конфликтной ситуации. Также, по замыслу автора концепции, в случае согласия на то других людей, субъекту полагается отказаться от права на вещи в той мере, в какой это необходимо в интересах мира и самозащиты. Данный закон достаточно спорный, поскольку вызывает возможные недопонимания в его интерпретации, относительно того, что есть мир и каков он будет для каждого. Однако данный закон необходим как промежуточная надстройка перед появлением тезиса о том, что люди должны выполнять заключенные ими соглашения.

Под законом мы понимаем алгоритмы, ограничивающие действия субъекта в материальном мире. За ограничения вне рамок материального мира отвечает этика. В таком случае, по нашему мнению, данные понятия существуют автономно друг от друга, хоть и имеют определенные точки корреляции. Дело в том, что невозможно ограничить помыслы человека законом, ровно также, как и общественным порицанием восполнить нанесенный вред противоправным деянием. При этом, и для закона, и для морали будет общим то, что понятия обращены к разуму и воли человека, как первоначальным компонентам его активных действий. В связи с этим в настоящее время наиболее острым является вопрос диалектики этики и коммуникации, принципов морали и норм закона. В

идеале подобные эталоны действий человека должны пребывать в некой форме единства, имея схожие принципы даже при узкой направленности и разнице выполняемых задач этими понятиями. Можно предположить, что прикладная этика также способна стать духовной платформой для медиации, руководствуясь, главным образом, нормами морали. Уникальность медиации в том, что для нее понятия закона и морали, имеют равновеликое значение и принцип равенства подчеркивается в присутствии данных компонентов в каждом примирительном процессе.

Предмет прикладной этики составляет многообразие моральных дилемм, зачастую не имеющих однозначного решения из-за противоречия, лежащего в основе проблемы и не поддающегося формальному анализу. Моральные дилеммы – это вариации событийного ряда, катализатором в которых служит действие человека. Предполагаются два вида моральных дилемм: человек совершает два противоположных действия – оба действия правильные; человек должен совершить действие, но не может этого сделать в угоду определённых категорий этики. Внутренний конфликт человека основывается на практической интерпретации норм морали в соотношении со сложившейся ситуативной дилеммой. Норма морали содержит в себе главную проблему – личностное истолкование. Мораль же как порождение ситуативной дилеммы требует от человека рассуждения в процессе анализа, размышления и оценки со стороны прикладной этики. Прикладная этика призвана разрешать ситуативные дилеммы, возникающие при несоответствии нравственных принципов человека и внешних проявлений и являющиеся по своей сути конфликтной ситуацией. Осмысление конфликта и присущего ему коммуникативного процесса невозможно без отсылки к категориям этики.

В настоящее время прикладную этику переполняют человеческие надежды на решение социально значимых задач. Мироотношение субъекта всегда преломляется через призму осмысления и переоценки своего поведения и действий в строгом соотношении не только с нормами права, но и с действующими этическими парадигмами. В адресных действиях человека, кроме

потребительского желания, во благо сохранения общественных взаимоотношений необходимы и социокультурные надстройки: это своеобразные границы для человеческой мысли, выход за которые чреват недопониманием, конечностью коммуникации, отсутствием достижения результата, а значит – и порождением внутриличностной неудовлетворенности. В противостоянии социальному конфликту предложены все те же нормы морали, более того, новым компонентом выступает человеческий разум. При разрешении конфликта стоит руководствоваться принципом бихевиоризма и создавать условия для обучения гармонии и согласия в социальных взаимоотношениях. В то же время остается открытым вопрос объективности использования норм морали как эталона социального поведения. К сожалению, в руках манипуляторов-идеологов и опытных стратегов такие нормы зачастую переходят в угнетающий личность режим и используются в принуждении для достижения конкретных целей. Однако очевидно, что если нормы будут произрастать из человеческого разума, а не из жажды наживы и корысти, то мораль останется незыблемым гуманистическим началом и для общества, и для субъекта. Человек в принципе может формировать общественные концепции и преобразовывать конфликтные процессы, управлять ими или их отдельными и значимыми компонентами.

В сохранении целостности границ личности и пресечении противоправных действий негативного психологического воздействия на духовное состояние субъекта, в совокупности с нормами действующего законодательства, значительную роль играют и новейшие методики, позволяющие регулировать баланс социального согласия. Одной из таких методик и является процедура медиации, взвешенное использование которой может противопоставить навязанным человеку идеалам извне свои смыслы и цели. Медиация – гибкий процесс и по скорости регулирования, и по охвату социальных тем, и т.д. Успешно проведенное примирение имеет всегда результат, принимаемый сторонами и принадлежащий им¹. Медиативная практика с учетом ее этико-

¹ Honeyman C., Yawanarajah N. Mediation. URL: <http://www.beyondintractability.org/essay/mediation> (дата обращения: 15.01.2021).

гуманистического измерения позволяет взглянуть на проблемы конфликтного регулирования совершенно под другим углом. Этический взгляд на многие социальные и личностные проблемы позволяет обеспечивать гуманистическую наполненность социальных и личностных отношений и определять регламентирующие нормы таких отношений. К сожалению, законодательная система зачастую не ориентирована на изменение модели конфликтного поведения, так как в идеале – это юрисдикция исправительных (пенитенциарных) учреждений. В данном контексте именно медиация может искать первопричины поведения и обладает всеми необходимыми средствами для этого. Медиация приучает к мысли, что конфликт можно решить в системном поле с соответствующими критериями и правилами, в том числе и этическими. Медиация, с одной стороны, регулирует поведение субъекта в конфликте, используя социальные регуляторы, а с другой стороны, сама выступает средством социального регулирования. В этом, по нашему мнению, как раз и заключена уникальность этико-гуманистического измерения медиации.

Содержание и сущность коммуникации раскрываются благодаря таким категориям, как «отражение», «информация», «взаимодействие»¹. Нарушение коммуникации – одна из первоочередных причин конфликтного противостояния. С философской точки зрения, гармоничная социальная коммуникация, есть «благо», тогда как ее прекращение «бедствие». Отсутствие выстроенного эффективного канала по обмену информацией не позволяет состояться диалогу, в результате чего отсутствует элементарная возможность для локализации первичного очага зародившихся разногласий. В ходе поступательного социокультурного и исторического развития пришло и осознание высокой социальной значимости процесса коммуникации. Философская теория общения позволяет понять смысл задач и функций, связанных с процессом коммуникации. Философская интерпретация коммуникации не сводится лишь к взаимному обмену информацией: интересны в данном контексте идеи экономических

¹ Аверин А.Н. Философский анализ коммуникации // Коммуникология. – 2015. – № 2. – С. 20.

обменов как коммуникационной составляющей Ж. Бодрийяра; трансляции мифов К. Леви-Строса, Р. Барта: диалога между двоими М. Бубера и т.д.¹

От коммуникации как атрибутивного свойства бытия зависит многое. Выстраивание долгосрочных партнерских взаимоотношений, персональное позиционирование на социокультурной арене, продуктивный диалог для удовлетворения своих интересов – все это в совокупности оказывает конструктивное влияние на общественные отношения. Сохранность социальных процессов, обеспечение мира и согласия – приоритетные задачи, которые включают в себя процессы коммуникации. Может ли стремление к коммуникации стать началом развития целой системы, спустя время получившей название «медиация»? Коммуникация создает предпосылки для социального развития, а коммуникация в социальной плоскости – очень непростая составляющая. Как известно, коммуникативная система, обладающая самоорганизующимся свойством, не подчиняется тотальному контролю ни со стороны общества, ни со стороны человека². Обществу необходимо приспосабливаться, поскольку социум и коммуникация – взаимодополняющие друг друга явления. В частности, Н. Луман утверждал, что «общество – это не люди, общество – это коммуникации»³.

В таком ключе, мы можем говорить о том, что коммуникация в медиации, может иметь свою знаковую систему. Через труды А. Греймаса, мы можем предполагать, что примирительный процесс, часть семиотической коммуникации, прежде всего, за процессы кодирования смысловых значений. Более того, учитывая разработки философа Б. Ролана, можно сделать предположение, что социальная связь и особенности вербальной коммуникации внутри макрогруппы, основанной для проведения медиации, могут выступать в форме контркультуры.

¹ Гапонова Н.А. Понятие коммуникации в философии // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3. – С.1.

² Napinen L. The Self-Organisation Thinking, the Need to Obtain It in Estonian Society // Science Studies Today. IX. Rein Vihalemm, ed. Tallinn: Estonian Association of the History and Philosophy of Science, Department of Philosophy of the University of Tartu, 1994. – P. 157.

³ Луман Н. Общество как коммуникативная система. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-466-n-luman-obschestvo-kak-komunikativnaja-sistema.htm> (дата обращения: 15.12.2021).

Для попыток построения примирительной модели, по нашему мнению, стоит отталкиваться от теории семиотической информации, автором которой является философ Р. Карнап, как наиболее схожей по своей структуре с процессом коммуникации внутри медиативной процедуры и «ненаблюдаемых материальных объектов» как основы для построения логических систем.

Активное использование коммуникации как средства, необходимо для гармоничного общественного развития. Для самореализации (духовной, культурной, творческой, профессиональной и др.) и обеспечения своей безопасности, реализации права на социализацию субъекту необходимо общество, которое создает условия для достижения поставленных им целей. Отстаивание своих интересов – сфера диалектики личностного и социального, поскольку происходит повышение коэффициента желаемого индивидуального результата за счет механизма общности.

К. Берк указывал на риторическую функцию языка как «символическое средство, вызывающее взаимодействие в сущностях, которые по своей природе реагируют на символы». В процессе коммуникации, он видел субъекта как «животное использующее символы и неправильно их употребляющее; как создателя негативного, отделенного от природы средствами, сделанными им самим». Реальность им объясняется беспорядочностью символов прошлого, объединенных с вещами, о которых мы узнаем, например, из газет. Таким образом, каждая система убеждений имеет свое символическое сопровождение, за счет которого, оно укореняется в материальном мире, а иначе была бы представлена только в теоретическом аспекте. Из всего вклада философа в науку, остановим внимание еще на одной детали: к большинству случаев социального взаимодействия и коммуникации следует подходить как к форме драмы, результаты которой определяются соотношением пяти элементов (действие, сцена, деятель, средства и цель). Учитывая вышесказанное, в медиации символами выступает не только речь, но и схожий драматизм с пятью элементами, присущих конечно же, самой процедуре медиации. Теоретический

тезис о мирном разрешении разногласий с учетом интересов всех сторон, находит свое отражение в материальном мире своим семиотическим компонентом.

Интересы сторон не подвергаются фундаментальному переосмыслению, а лишь смещают границы действия таковых интересов. Понимание того, что один и тот же результат может быть достигнут разным набором действий, продиктованных смыслами культуры и традиций, – хорошая стартовая площадка для переговорного процесса. Эффективно работает в данной ситуации инструментарий, который базируется в сфере культуры и в общем смысле определяется как совокупность этических норм, общественных требований и образцов культуры¹. Конфликт – неизбежное следствие и место столкновения разнообразия описаний определенного события или явления, сосуществующих в культуре и обществе². В виду перманентного состояния конфликта потребность в научно-философском осмыслении конфликтов и медиации будет только расти. В геополитическом смысле это – вопросы выстраивания добрососедских отношений со странами; в русле региональной политики – преодоление социальной напряженности и разрешение этноконфликтов; молодежная медиация результативна в сфере молодежных субкультур, школьных и детско-родительских конфликтов. Более того, конфликт продолжит проявляться в самых разнообразных отношениях из-за его «плавающей» структуры. Инновационные сферы современных технологий могут порождать интернет-конфликты. Вероятно, в силу объективных причин мы можем не в полной мере оценить влияние интернет-конфликтов на повседневную реальность, а это – проблема информационного столетия. То, что подобного рода конфликты уже влияют на социокультуру, общественную и личностную жизнь – факт. Однако, по сути, мы ведем разговор уже о сложившемся следствии неудавшейся коммуникативной

¹ Яркова Е.Н. Исторический опыт как социокультурный институт // Философия и общество. – 2014. – № 3. – С. 67.

² Monk G., Winslade J. Narrative Mediation: A new approach to conflict resolution. Jossey-Bass, 2000. URL:<http://docplayer.ru/40033149-Narrativnaya-mediaciya-obzor-rabot-dzh-monka-i-dzh-uinsleyda-1-1.html> (дата обращения: 11.03.2020).

практики, которая «обросла» социальными переменными, став конфликтом-угрозой.

Медиация, снимая излишние коммуникативные и социальные барьеры, оставляет конфликтную ситуацию для последующей оценки сторонами в соответствии с нормами этики, гуманизма, культуры, права, т.е. тех социальных институтов, которые защищают человеческое в человеке и обществе. В среде специалистов назревает спор о том, какова вообще роль национальных стилей в переговорном процессе? Здесь существуют две основные точки зрения, и обе они признают наличие национальных особенностей:

1. Национальные особенности переговорного процесса являются отражением ментальной специфики его участников. Данное направление исследований представлено в совместном исследовании У. Зартмана и М. Бермана под названием «Участник переговоров»¹. Во многих работах, в том числе ориентированных на применение количественных методов анализа, демонстрируются различия в национальных особенностях проведения переговоров, но, как правило, составляют скорее их периферическую часть. Объясняется это тем, что переговоры представляют собой универсальный процесс, позволяющий его участникам говорить на основе «единой знаковой системы», поскольку переговорный процесс состоит из единых структурных элементов. У. Зартман и М. Берман обращают внимание на то, что в последнее время все заметнее формируется единая субкультура для участников переговоров со своими правилами поведения, нормами эмоционального, этического, культурного интеллекта (этикой, языком, символами и др.) Причиной такой унифицированности называется стремительное развитие международных переговоров и обмен «образов мышления»;

2. Национальная или культурная (в широком смысле) специфика должна стать центральной или же иметь основное значение в переговорном процессе. Представители данного направления предпочитают отводить национальным

¹ Зартман У., Берман М. Участник переговоров. – М., 2006. – С. 31.

особенностям одно из ключевых позиций в переговорном процессе. По мнению исследователей, различия в культурах слишком велики, и трудности, которые возникают в ходе переговоров между представителями различных культур, во многом обусловлены этими различиями.

Сохранение межнационального согласия и гражданского мира в многонациональном обществе – одна из ипостасей социальной ценности медиации. Негативное влияние и умышленное подстрекательство создают сложные для договорного процесса позиции, происходит «наслоение» этнических обид на искусственно созданный маркер достижения псевдожелаемых идей. Насильственное достижение желаемого, равно как и подстрекательство, умышленно создаваемые информационные нападки, религиозные споры и др. – спутники варварской эпохи. Разумеется, таким методам не место в современной отечественной социокультуре, поскольку они идут вразрез с формирующимися тенденциями достижения согласия, поддержания мира в обществе и добросовестного отношения к договоренностям в частности, и к медиации в целом. Последний принцип особенно важен, поскольку добросовестное отношение встроено в саму идею примирительных технологий. И. Б. Новицкий, например, выделял в этимологическом смысле содержательные элементы «доброй совести», которые применимы и к медиации: 1) познание о другом и его интересах; 2) познание, связанное с доброжелательством; 3) наличие доверия и уверенности в нравственных основах, от которых каждый исходит в своем поведении. По мнению автора, «добрая совесть» является выражением позиции субъекта, в которую вложено и уважение к другой стороне, и признание в ней равновеликого субъекта отношений¹.

Медиация необходима в современных реалиях, чтобы до наступления необратимых процессов, например, из-за смешения социально-бытовых проблем и сепаратистских идей, побудить стороны к мирному диалогу, к поискам

¹ Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 65.

конфликтующими на первых стадиях зарождения разногласий путей их урегулирования.

Многонациональное общество многомерно и мозаично, и стремление этносов к этнокультурному самосохранению, сбережению собственного исторического наследия, этнической идентичности, проблемы с родными языками могут порождать конфликты в обществе. Тема сохранения межнационального согласия обширна и приводится здесь фрагментарно с целью демонстрации возможностей медиативной практики для урегулирования и подобных, осложнённых своими особенностями конфликтов.

Несмотря на изменчивость и динамику глобальных процессов незыблемыми остаются основы социальных взаимоотношений. Вне всяких сомнений, геополитические пертурбации вносят коррективы в установление коммуникационных связей, но желание общества, думающего о своем настоящем и будущем, поддерживать мир и стабильность – превыше искусственно созданных барьеров. Язык – это не просто сложная знаковая система, это прежде всего социокультурное средство, удовлетворяющий жизненно необходимые потребности человека или сообщества. Искоренение хотя бы одного языка влечет нарушения в целостности социального устройства, поскольку язык можно рассматривать как «визитную карточку» представителя своего этноса. В рамках взаимоотношений «индивид-общество», «гражданин-государство» осуществляется территориальная привязка, позволяющая считать человека частью населения той или иной социокультуры. Каждый человек имеет право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей¹, и именно в данном контексте можно говорить и о защите на государственном уровне культурной самобытности отдельной личности и народа. Социальное доверие – механизм, подразумевающий в своей основе взаимное творчество, равновеликое общение и др. во многих сферах социальной и индивидуальной

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 N 3612-1) (ред. от 01.04.2020) // consultant. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/610e222f8f4fad1c4c33c3e3452296740f7b697b/ (дата обращения: 05.01.2021).

жизнедеятельности. Логично, что «вынимая» язык как средство достижения потребностей из сферы самоидентификации, происходит разрушение всех взаимосвязей, которые отвечают за позиционирование ценности диалога как механизма социального доверия.

Медиация создает хороший этический прецедент, в рамках которого важно добиться не наказания, а прежде всего восстановления справедливости, нарушенных прав или же восполнения ресурсов, в том числе и духовных. В частности, утверждение Г.Ф. Похмелкиной, обращенное к системе построения человеческого общества на основе гуманизма, особо подчеркивает в нем место медиации: «Медиация дает цивилизованные и гуманные средства восстановления нарушенной способности граждан к мирному сосуществованию»¹. Основываясь на философских принципах и ценностях этизма и гуманизма, медиация избавляет стороны от ведения борьбы и растраты ресурсов (физических, материальных, духовных, организационных). С.А. Лебедев, определил, что предметом философии выступают основные способы отношения человека к действительности, например, онтологическое, этическое и др. Регулятором в них являются пара противоположных ценностей, например, этическое – «добро – зло». Главная задача философии, по мнению С.А. Лебедева является конструирование содержания универсальных ценностей, отражающие адаптивные и творческие возможности субъекта². В данном контексте, можно отметить эволюционную идею становления медиации как части творческой деятельности, индивидуальной и групповой работы со смыслами, помогающими обрести гармонию, с средствами установления согласия, с механизмами восстановления ущерба. Э. Фромм отмечает, что бытие является творчеством, поскольку это живой невыразимый опыт, а владение, напротив, ведет к умерщвлению данного процесса из-за трансформации опыта в вещи. Да, конфликт раскрывает владение,

¹ Мета Г., Похмелкина Г.Ф. Медиация – искусство разрешать конфликты / пер. с нем. – М.: VERTE, 2004. – С. 4.

² См. об этом подробнее: Лебедев С.А. Формирование методологической культуры ученых как область практической философии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – № 3. – С. 57–71.

ориентируясь на некрофилию, но общество держит ориентир на биофилию и сотворив медиацию, раскрывает творческую стезю¹. Данное суждение раскрывает противоположность конфликта и медиации как противоположность мертвого и живого для субъекта, для социума, для природы.

Разработка организационно-методических и технологических приемов разрешения конфликтогенных факторов и проблем связана с различными аспектами диагностики, прогнозирования, предупреждения и профилактики конфликтов: социально-психологическими, конкретно-социологическими, политико-правовыми, регулятивно-управленческими и др. Сегодня с их учетом в отечественной конфликтологической мысли вырабатываются конкретные требования и механизмы проведения переговоров, способы привлечения человека к практической политике, приемы профилактики и преодоления трудовых, правовых, информационно-образовательных, семейных и бытовых конфликтов². В методологии разрешения реальных конфликтов и в обучении мастерству управления разногласиями все больше стали применяться приемы прикладной этики и практические результаты психологического исследования поведения субъекта. Создаются различные программы этического и психологического тренинга, нацеленного на обучение нравственному и конструктивному поведению в условиях конфликтной ситуации (например, авторы В. Горовиц и Т. Бордман), отрабатываются различные методики, например, работа «Постепенные и обоюдные инициативы по разрядке напряженности», предназначенная для снижения конфликтности в международных отношениях (автор Ч. Освуд)³. Общество научилось жить с конфликтом и считает его частью своей природы, учитывая, что конфликт выступая целью, а не средством, претит жизненной силе. Идея неовитализма, раскрывающаяся в медиации, предоставляет обществу надежду, что «жизненная сила» подкрепляемая гуманистическими ценностями,

¹ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. Э.М. Телятниковой; авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1994. – С. 315.

² Орланова А.И. Специфика развития отечественной конфликтологии // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2003. – № 4–5. – С. 136.

³ Кармин А.С. Конфликтология. – СПб.: Лань, 1999. – С. 9.

станет опорой в строительстве мира, даже с помощью конфликта, разумеется, как средства.

Таким образом, подводя итог данного параграфа, логично отметим следующее:

Эволюция идей и практик медиации обусловлена социальным движением, развитием гуманистического начала, сопряженного с опытом управления конфликтами. Идея медиации – построение реальности, в которой осмысленность примирительных решений продиктована свободой социального взаимодействия. Субъективная созидательная способность сотворения мира и согласия – является проявлением такой свободы.

Конфликт и медиация – пространство общей идеи обоюдной противоположности. Диалектика противоречивости отстаивается в конфликте радикальными мерами, в медиации же, действиями создающие ценность безопасности. Эволюционное развитие данных явлений отражение закономерности повторений противоречий в определенных социальных системах. Глубина конструирования идеи обеспечиваются предложениями сторон и социальным опытом, что ведет к совершенствованию общественного договора, через компоненты «благоразумия», «справедливости», которые проявляется через гуманистическое измерение медиации и подкреплено экономическим интересом.

Поведенческие изменения, вызванные справедливостью и окончательностью решения, формируют идею влияния на управление потребностями. Субъективная возможность совершения действий в категориях морали, актуализирую постановку идеи «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов», реализуемой через восприятие разрешения конфликта через гедонистическую призму. В таком случае, логично добиваться мира пока есть на то надежда.

Эволюционному развитию практик медиации способствует превалирование «доброй совести», связанное с уважением, наличием доверия, уверенностью в нравственных основах и творчеством в действиях конструирования ценностей примирительной процедуры, индивидуальной и

групповой работы со смыслами обретения гармонии, с механизмами восстановления ущерба. Идея неовитализма, раскрывающаяся в медиации, предоставляет обществу надежду, что «жизненная сила» подкрепляемая гуманистическими ценностями, станет опорой в строительстве мира, идей междисциплинарного единства и коммуникативного преимущества.

1.3. Функциональное поле медиации в конфликтном взаимодействии

Медиация – уникальное и доступное обществу средство достижения своих интересов, это единство мысли, констатация значимости достижения результата для всех участников примирительного процесса. Главный успех медиации в соизмеримости восстановления нанесенного вреда. В рамках медиации удается не только минимизировать последствия конфликта для всех сторон конфликтного противостояния, но и вести речь о восстановлении ресурсов, в том числе и духовных, что само по себе выигрышно выделяет медиацию как доступный обществу конструктивное социальное средство регуляции взаимоотношений. Мы рассматриваем медиацию именно в социокультурном дискурсе с учетом необходимости определения функций, обеспечивающих конвертацию конфликта во взаимное согласие, в конструктивную возможность, направленную на улучшение (в определенных случаях) протекания общественных процессов. Акцент на социокультурное измерение механизма медиации, на наш взгляд, дает возможность поиска не только структурных ошибок, полученных при интеграции медиации в российскую социокультуру, но и духовных факторов, способствующих достижению задач медиации.

В современной отечественной гуманитарной науке недостаточно теоретических исследований, посвященных анализу социальных функций медиации. На наш взгляд, это объясняется тем, что вопрос использования медиации как технологии урегулирования конфликтов в социальной среде (отдельно от правовых отношений) не прорабатывался в научных работах как отдельная тема исследования. В работах таких авторов, как О.В. Аллахвердова,

Т.Т. Керимов и др. можно встретить анализ медиации как социального феномена, сопряженного с историческими предпосылками или психологическими особенностями. Интерес представляет и философское осмысление социального образа медиатора, проведенное Г.А. Юнгус¹. Роль медиации в жизнедеятельности общества и субъекта отражена в исследованиях В.А. Лекторского (культурный аспект)², а также О.В. Цегельника (социальная ценность и условия развития для медиации)³, исследователи обращают внимание на социокультурные возможности медиации. Изучение социальных функций медиации как самостоятельной темы, на наш взгляд, позволит осмыслить вопросы профилактики и коррекции социальной среды, преодоления многих противоречий, провоцирующих конфликты, и оказания социально востребованной, качественной услуги, направленной на конструктивное разрешение конфликтных противостояний.

В гуманитарной науке встречаются различные подходы к определению функционального поля социальных явлений, влияющих на бытие человека и жизнь общества. Как известно, социальные функции того или иного явления вырабатываются посредством объективно проходящего исторического процесса, обусловленного поиском актуальных средств влияния на ход общественного развития, раскрывающих социокультурный потенциал и обеспечивающих устойчивое, качественное, поступательное движение общественного «организма». Сложность социального явления неизменно коррелирует с разнообразием его социальных функций (положительных и негативных, конструктивных и деструктивных). Медиация обладает историческим базисом, имеет собственную биографию становления, что закономерно предполагает формирование специфических социальных функций, требующих осмысления и систематизации.

¹ Юнгус Г.А. Медиабельность конфликтов: социально-философский анализ // Дискурс-Пи. – 2018. – № 2 (31). – С. 177–185.

² Лекторский В.А. Культура, общество, медиация. Теория А.С. Ахиезера // Философские науки. – 2019. – № 8. – С. 9–15.

³ Цегельник О.В. К вопросу о социальной ценности медиации и создании условий для ее развития // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2017. – С. 528–531.

Под функциями медиации мы можем понимать такие свойства, которые приводят медиацию к конечному результату, выраженному в примирении сторон, с учетом неоднородности социокультурной среды, оказывающей прямое влияние на субъекта, общество, их мировоззренческие аспекты, мир в целом. Функции призваны обеспечить цели и задачи, заложенные в самой сущности медиации, в непостоянных внешних условиях, преисполненных признаками субъективизма.

Дальнейшее определение социальных функций медиации базируется на критериях: 1) проявление социальной функции медиации в той или иной устоявшейся системе взаимоотношений (функция-свойство); 2) определение роли (влияния) социальной функции «от частного к общему» (функция-влияние). Предложенные критерии, выступают значимым звеном в последующем развитии и распределении социальных функций медиации по сферам жизнедеятельности субъекта и общества.

Выявление социального предназначения медиации, находится в корреляции и с потребностями субъекта и общества как необходимого условия и для функционального поля медиации, и для структурной составляющей самой медиации. Согласно Э. Дюркгейму, функция социального явления представляет собой поиск соответствия изучаемого явления определенной общественной потребности¹. При определении социальной функции медиации необходимо исходить из потребности, которой эта функция соответствует. Используя методологический принцип функционализма (системно-функциональный анализ), рассмотрим социальные функции медиации, специфику связей между ними, что позволит определить социодинамику функций медиации: скорость развития с учетом изменяющихся частей функций; взаимное дополнение всех функций с учетом возможности их несовпадения. Принцип функционализма позволяет нам определить целое через вычленение и теоретическое осмысление отдельных компонентов явления.

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с франц. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996.

В качестве ключевой социальной функции медиации определяется достижение согласия, однако реализация цели добрососедского сосуществования невозможна без изучения социокультурных надстроек современного общества. В этом ключе, стоит учитывать факторы, присущие социальным институтам, как системе взаимосвязей в разных сферах жизнедеятельности и определенной совокупности ценностей, общепризнанных и принятых внутри социальной макрогруппы. Как известно, это устойчивая совокупность людей (групп) либо учреждений, цель которых сосредоточена на выполнении конкретных социальных функций и деятельности, которая строится на определенных стандартах, правилах, нормах. Определению конструктивизма конфликта в установлении социального согласия выражается в глубинном познании социокультурных установок общества. Конфликт побуждает искать первопричины и изменять их, избавляясь от разногласий в будущем. Неотделимость конфликта от социального согласия очевидна, поскольку социальное согласие есть результат разрешения конфликта. Выступая неким средством коммуникативного процесса, конфликт становится преобразователем, указывая на системные ошибки не только коммуникативного процесса, но и общественного организма, а дальнейшая некорректная работа с такими ошибками и может приводить к негативным социальным последствиям. Медиация – это системная процедура, охватывающая именно весь конфликт, сопровождая его и определяя границы от его возникновения до полного разрешения. С помощью медиации можно изменять структуру системных ошибок коммуникации, наполняя ее позитивным смыслом.

Взаимоотношения между людьми, как известно, – процесс, требующий повышенного внимания, поскольку социальные взаимоотношения изменяются под воздействием настроения общества, зависят от социального напряжения, уровня доверия. Достигнутое согласие выступает общим благом, высшей цели постконфликтного взаимодействия. Учитывая идею морального отношения Г.Н. Гумницкого, отношения личности к общему благу как к первичной, к

личному благу как к конечной целям и к их единству как к высшей цели¹. Достигая согласия, общественное благо кроется в прекращении локального очага социального напряжения, а для индивидуальности сохранение ресурсов и возможность продолжать действия. В связи с этим, механизмы коррекции социальных отношений должны быть доступны каждому субъекту взаимодействий, гарантируя плодотворное сотрудничество, согласие и обеспечивая добрососедское существование. Медиативное регулирование представляет собой комплекс высвободительных от конфликта мер, направленных на эффективное и краткосрочное урегулирование конфликта. Медиация, на наш взгляд, и выступает духовным и социальным регулятором, обладающим эффективностью, индивидуальной доступностью и спектром выполняемых конструктивных социальных функций, перекликающихся в определенной степени с функциями социальной философии.

Теоретическое осмысление функций медиации позволяет понять уровень миростроительного потенциала примирительной технологии и ее возможностей для обеспечения социального благополучия. Социальные функции медиации конкретны и точечны, базируются на закономерностях общественного развития. По нашему мнению, все социальные институты, исторически сложившиеся или созданные целенаправленными усилиями общества формы организации совместной жизнедеятельности людей, существование которых диктуется необходимостью удовлетворения социальных, экономических, политических, культурных или иных потребностей общества в целом или его части², могут активно использовать медиацию для практической реализации теоретических задач.

Социальные институты созданы для регулирования общественных отношений во всех сферах жизнедеятельности. Для осуществления поставленной

¹ Гумницкий Г.Н., Зеленцова М. Г. Понятие человечности в общей теории морали // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 20–31.

² См. об этом подробнее: Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. – Свердловск: Изд-во Уральского университета. 1989. – С. 606.

цели, регулирования общественных отношений необходимо наличие действенных социальных средств, представляющих собой механизмы, помогающие обществу сохранять свою продуктивность, поддерживать устойчивое функционирование и обеспечивать дальнейшее качественное и поступательное развитие. Сфера конфликтных взаимоотношений, актуализированная противоречивым бытием, требует системного и глубокого осмысления предлагаемых социальных технологий, способных минимизировать последствия конфликтных отношений в обществе. Определение социальных функций медиации как ее роли в урегулировании конфликтов позволит внести теоретическую ясность в пригодность медиации как социальной технологии для эффективного разрешения социокультурных противоречий, возникающих в современном обществе.

Учитывая то, что медиация может быть эффективной в использовании социальными институтами в регулировании общественных отношений, можно сделать вывод о наличии так называемых «родовых признаков». Для социальных институтов это – конечная цель, выражающаяся в регулировании общественных отношений, а для медиации – средство, которым данная регуляция обеспечивается. Для полноценного анализа социальных функций медиации обратимся к функциям, которые выполняют социальные институты. По мнению Р. Мертона, который ввел разделение на функции и дисфункции, функции представляют собой последствия, сохраняющие или развивающие саморегуляцию системы того или иного явления¹. Отличительная черта таковых последствий – позитивный общественный характер. Отметим, что мы прежде всего уделяем внимание рассмотрению конструктивных функций, а информация о дисфункции конфликта представлена в других контекстах исследования темы.

Социальные институты используют современные технологии, и, следовательно, функции социальных институтов могут коррелировать с

¹ См. об этом подробнее: Линченко А.А. Репрезентация культурных травм в современной медиасреде: между социальной функциональностью и институциональной неэффективностью // *Studia Humanitatis*. – 2020. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kulturnyh-travm-v-sovremennoy-mediasrede-mezhdu-sotsialnoy-funktsionalnostyu-i-institutsionalnoy-neeffectivnostyu> (дата обращения: 02.04.2021).

социальными функциями медиации как инструментария или технологии, активно используемой социальными институтами в вопросах регулирования общественных отношений. Разберем корреляции в двух подгруппах:

1. Универсальные функции: а) функция закрепления и воспроизводства общественных отношений – медиацию определяет сложившаяся система норм и ценностей, характерная для данной функции. Система норм и ценностей медиации определяет поведенческие аспекты субъекта в конфликте. Благодаря данной функции можно говорить об упорядочивании взаимоотношений и придании им стабильности в сфере разрешения возникающих противоречий; б) регулятивная функция – имеет особое значение в медиации, поскольку через образцы поведения субъекта в конфликте, наличие действенных и эффективных методов разрешения конфликта, норм морали осуществляется регуляция социальных взаимоотношений; в) интегративная функция подразумевает междисциплинарный подход и открытость медиации к пониманию механизмов социального взаимодействия, обеспечивает согласование полученного субъектом опыта (практического, познавательного, ценностного) с действиями в конфликте. Данная функция помогает развитию примирительных технологий благодаря неразрывной связи с инновационными практиками человеческой жизнедеятельности; г) транслирующая функция подразумевает ретрансляцию примирительной техники во времени и пространстве, но нуждается в дополнительном осмыслении. Данная функция нуждается в теоретическом упоминании с отметкой, о каком времени идет речь, поскольку вышеупомянутая интегративная функция свидетельствует о неразрывном видоизменении и связи структуры примирительной техники с практиками человеческой жизнедеятельности. В нашем понимании данная функция в сфере медиации применима как тиражирование практик эффективного разрешения конфликта; д) коммуникативная функция актуальна в том плане, что медиация является коммуникатором для представителей различных стилей ролевого общения, социальных институтов, сообществ и т.д. Различие коммуникативных возможностей субъекта нивелируется благодаря созданию единой

информационной платформы, обладающей понятностью и информационной ценностью для каждого участника конфликта (поскольку речь идет о конкретных интересах субъектов конфликтного разбирательства).

2. Явные и латентные: а) явные функции представляют собой последствия, ради которых осуществлялась непосредственная деятельность и было инициировано определенное явление (например, социуму необходимо избавление от конфликта – инициируется медиативное регулирование). Явные функции закрепляются в регламентирующих документах, имеют публичный доступ к содержанию положений соответствующих документов и подконтрольны обществу. Данный тип функций имеет формализованный характер. В качестве примера явных функций медиации можно привести положения ФЗ от 27.07.2010 N 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» или Европейский Кодекс Поведения Медиаторов (European Code of Conduct for Mediators); б) латентные функции представляют собой заранее незапланированные (неосознаваемые) последствия, имеющие, как нам представляется, особое значение для социальных отношений. В виду того, что медиация имеет явную функцию урегулирования спора в этико-правовом аспекте, латентные функции, получающие свое непреднамеренное развитие, нуждаются в теоретическом осмыслении и некоторой систематизации, что позволит внести ясность в перспективу дальнейшего функционального расширения медиации.

Именно латентные функции, на наш взгляд, оказывают влияние на дальнейшее становление медиации в отечественной социокультуре. Латентные функции как «побочный продукт» не только объективно свидетельствуют о состоянии жизнедеятельности общества, но и являются той частью, которая образует новейшие регуляторы общественных отношений, наполненные этико-гуманистическим содержанием.

Перед тем как определить социальные функции медиации, обратимся к базовым надстройкам общества, имеющим свои социокультурные особенности и оказывающим воздействие как на субъект, так и на общественные отношения. На

примере семейных отношений и функционирования молодежного сообщества, в частности, можно проследить влияние социокультурных особенностей на конфликт. Семья и молодежь, как правило, в своем содержательном поле демонстрируют закрытость конфликта (за скрытостью и непубличностью остаются нерешенными многие конфликтные ситуации), но и ассоциируются со специфическими стадиями жизни человека. Иными словами, бытие субъекта проходит через эти стадии и определяет, как его отношение к жизни, так и его социальные взаимоотношения. Нет сомнения в том, что сопровождение конфликта и разрешение его мирным путем на этих важных «судьбоносных» этапах жизни человека должно пройти именно под эгидой медиации как наиболее безболезненного и действенного механизма обеспечения согласия в этих сообществах с особым менталитетом, поведением, традициями, эмоционально-чувственным миром.

Семья – базовая и необходимая обществу структурная надстройка, группа людей, где общим признаком является родство, являющееся определенной особенностью при разрешении конфликта и последующего примирения. Ежедневная сопричастность членов семейного сообщества в рамках реализации бытовых задач ставит функцию коммуникации как превалирующую. Иными словами, несмотря на то, что семья является своеобразной формой защиты своего пространства и духовного мира ее членов от конфликтов извне, тем не менее она порождает свои, социально-бытовые разногласия. Семейные взаимоотношения не ограничиваются эмоциями и чувствами, поскольку личные взаимоотношения супругов, дополняются правом, субстанциальность которого, выражается через наличное бытие¹.

Семья как самостоятельная единица общества должна уметь справляться с возникающими трудностями. Данный аспект подлежит глубокому осмыслению, поскольку семья базируется на идеях автаркии – это внутреннее проявление семейных отношений, а внешнее проявление заключается в консервативности

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсисянц. – М.: Мысль, 1990. – С. 209.

регулирующих семейные взаимоотношения норм действующего законодательства, а иногда и норм морали в форме общественного порицания. Конфликт в семье неизбежен, но возможно его взвешенное, эффективное регулирование, однако для этого требуются желание и согласие членов семьи и консолидация всех участников семейного конфликта в преодолении разногласий. В отличие от других сообществ конфликт в семье носит не стихийный характер: он заключен во временные рамки, получив свое начало, постепенно будет развиваться, меняя свои стадии от латентного до открытого проявлений. Затруднения вызывает идентификация проблемы в виду закрытости границ семейной системы от посторонних или непосвященных людей. В связи с этим готовность к решению конфликта одним из членов семьи должна поощряться обществом и им же предоставляться действенные методики по урегулированию конфликта. Перед посредником стоит сложная задача в виду того, что для восстановления семейных отношений требуется достаточный уровень знаний семейной этики, возрастной и семейной психологии, положений законодательства, а также норм традиционного семейного права. Медиация выступает тем средством примирительной технологии, которое помогает членам семьи восстановить согласие не вынося тему разногласий за рамки интимно-личностного пространства. Безусловно, семейные отношения имеют свою специфику, табуированные темы и традиционные ограничения, более того, не все внутрисемейные противоречия медиабельны. Характерно, что в семейных противостояниях отмечается потребность в примирительных процессах, но существует проблема практического характера: медиация может не состояться по причине отсутствия той или иной стороны. Можно ли говорить о медиабельности конфликта, если изначально одна из сторон не идет на компромисс, на обсуждение вопроса за «столом переговоров»? Медиация, как известно, дело добровольное. Сторона, проигнорировавшая примирительный процесс, попросту не «видит» то, что ей предлагают: для нее нет альтернативы и нет сформированного понимания, почему стоит совместно попробовать разрешить спорные вопросы. Семьи, оказавшиеся наедине со своей проблемой, безусловно,

смогут опираться на опыт и практическую часть, представленную институтом семейной медиации. В основе лежит понимание, что в инструментарии социального регулирования всегда есть возможность обратиться к медиации и решить вопросы в рамках внутрисемейной этики, культивирующей уважение и согласие друг с другом. Семья как группа людей, связанная родственными отношениями, должна обладать соответствующими познаниями для профилактики и разрешения возможных внутрисемейных конфликтов: это и культивирование благоприятной внутрисемейной атмосферы, совместное обсуждение и решение жизненно важных семейных проблем, недопущение перехода зачатков незначительного конфликта в более широкую плоскость семейных отношений.

На примере разбора медиации в семейных отношениях, мы можем перейти уже к конкретной постановке социальных функций медиации. Функция коррекции окружающей среды включает в себя сохранение конфиденциальности. Бесконфликтное сосуществование в рамках границ общественных взаимоотношений создает пространство для продуктивного и согласованного бытия не только в пределах одной личности, но и общества в целом. Конфликты требуют вмешательства и профессионального регулирования прежде всего тогда, когда затрагивают интересы личности в силу ее неспособности противостоять деструктивному воздействию конфликта, либо когда происходит наслоение социальных конфликтогенов на ключевые сферы жизнедеятельности субъекта. На сегодняшний день медиативное соглашение выглядит более выигрышно, если учитывать изменения в сфере примирительных процедур 2019 года в сфере обеспечения возможности принудительного исполнения медиативного соглашения¹. Кроме того, к преимуществам медиативного соглашения, в отличие от правового решения, следует отнести сохранение конфиденциальности, т.е.

¹ Шереметова Г.С. Медиативное соглашение как исполнительный документ // Бюллетень нотариальной практики. – 2020. – № 2. – С. 23.

неразмещение в публичном доступе¹. Отношения, имеющие повышенный коэффициент социальной ценности (семейные и молодежные), всегда находятся в зоне риска. Сохранение конфиденциальности позволяет существенно сдерживать социально дифференцированные высказывания, оберегая как начатый процесс медиации, так и отношения, осложненные своими особенностями. Медиация обеспечивает результативную коммуникацию. В.В. Василькова, в частности, отмечает, что различные представления об управлении коммуникативными процессами уже заложены в существующих моделях медиации². Медиация — это всегда социально ориентированный результат, способствующий осмыслению проблемы, присутствующей в социальных отношениях и порождающей многоуровневые разногласия.

Следующей социальной средой для осмысления социальных функций медиации может выступить молодежная макрогруппа, имеющая свои ценностные установки и поведенческие стереотипы. Идеология и стратегия разрешения конфликта в молодежной социокультуре могут строиться на принципах доминирующих в обществе социокультурных норм и требований молодежи к своему сообществу. Интересы, получившие подкрепление в пределах групп, вовлеченных в конфликт, нуждаются в сопровождении со стороны профессионального медиатора. Прежде чем стороны сойдутся на арене «межгрупповых словесных баталий», идея, катализатор конфликта, зародившаяся в молодежном субкультурном «анклаве», требует детальной проработки и внимания со стороны посредника. Молодость как определённая фаза жизненного цикла биологически универсальна, но её конкретные возрастные рамки, социальный статус и социально-психологические особенности имеют социально-историческую природу, находятся в зависимости от общественного строя, культуры и свойственных данному обществу закономерностей социализации»³.

¹ Степанова И.А. Соглашения, заключаемые в рамках процедуры медиации: вопросы эффективности // *Legal concept*. – 2018. – № 4. – С. 120.

² Василькова В.В. Модели медиации в контексте эволюции коммуникативных парадигм // *Конфликтология*. – 2016. – № 3. – С. 248.

³ Кон И.С. Социология личности. – М.: Наука, 1999. – С. 118.

Процессы социализации молодежи в современном российском обществе осложнены обострением социальных разногласий, сдерживающих принятие молодежью существующих идеологических, духовных, культурных норм. К сожалению, разрозненность и социальное расслоение оказывают негативное влияние на распределение ролей по интеграции молодежи в социокультурную действительность. Деструктивная динамика данного процесса увеличивается, сама молодежь, лишившись института наставничества, пытается принимать (или приложить к этому усилия) ответственность за свое будущее самоопределение. Множественность нравственного выбора, мозаичность ценностей, внутренние социальные проблемы и информационные наступления извне на мировоззрение молодых людей создают смысловые противоречия, которые современной молодежи не понятны в силу отсутствия жизненного опыта. Наблюдается новый виток развития, в частности, проблемы «отцов и детей», в котором «отцы», разделившись по идеологическим предпочтениям, не могут прийти к консенсусу. В таких условиях происходит вынужденное для молодежи деление зачастую еще до формирования у ее представителей критического мышления, самостоятельности действий и этической ответственности за свои действия. Многие склоны обвинять в этом интернет-коммуникации в целом и социальные сети в частности, которые оказывают негативное влияние на молодых людей: это и подмена культурных понятий, отчуждение от нравственных ценностей, смена идеологических предпочтений и т.д. Однако интернет представляет собой лишь коммуникативное средство, которое не может само по себе влиять на мировоззрение, мнения и взгляды. То, что молодежь проводит свое время в социальных сетях, имеет объективные и субъективные причины: не востребованность, нереализованность, неэффективность работы государственной молодежной политики, проблема разных поколений и др. Потребность молодежи консолидироваться в рамках своей субкультуры зачастую не реализуется в окружающем ее мире с особенностями его противоречивого социокультурного развития. Социальные функции медиации, в частности, могут быть задействованы при установлении равновеликого межпоколенческого

диалога, безусловно, если каждая из сторон выразит свое согласие участвовать в процессе медиации.

Социальные функции медиации значимы для субъекта и общества, поскольку могут эффективно разрешить актуальные противоречия и проблемы, например, наличие образования и невостребованность на рынке труда, общепринятые нормы семьи и бракоразводный процесс, интернет-конфликты, имеющие деструктивные последствия в границах материального мира и др. Подобные социальные противоречия уже на сегодняшний день составляют основу новейших конфликтов. Например, современной молодежной субкультуре присуща противоречивость на почве мировоззренческого перенасыщения объемом информации и культурно-ценностных отклонений. В постиндустриальном обществе образовательный процесс поглощают технические средства, что ведет к монопрофильности человеческой деятельности. Казалось бы, при высвобождении времени человеческое бытие должно больше наполняться духовностью и стремлением к самосовершенствованию. Однако адаптация к условиям технического порабощения ведет к утере интереса к исконным духовным смыслам и понятиям, свойственным человеку, формируя новейший базис дегуманизированных ценностей, более того, объективная реальность может замещаться искусственно созданной (виртуальной). Социальные проблемы, вставшие перед молодым поколением, могут быть не решены, а замещены иной реальностью, где законы исходят от молодого человека, а не продиктованы обществом, требующим их выполнения. В связи с этим конфликт-проблема остается неразрешенной и лишает представителя молодого поколения не только формирования механизмов противодействия более серьезным конфликтам в будущем, но меняет также модель взаимодействия с обществом, с объективным миром, что осложняется не только формированием однообразного мышления и острым желанием ухода от объективной реальности, но и нежеланием к чувственно-подсознательному анализу сложившейся, например, конфликтной ситуации.

В процессе доступности разнонаправленной информации, в том числе и деструктивной, формируется специфическое ценностное отношение к жизни, формируется индивидуальная медиакультура со своими критериями и особенностями¹. Культ потребления и ускоренные темпы жизни с ее противоречиями и многочисленными проблемами не всегда предоставляют возможность для должного обдумывания мотивов и поведения, фильтрации негативной идеологии в тех или иных информационных посланиях. Все перечисленное – реалии сегодняшнего дня. Современный человек мыслит иначе и реагирует на конфликт совершенно иным образом. Примером может послужить новая форма конфликтного взаимодействия, которая появилась сравнительно недавно и не осмыслена должным образом. Речь идет о конфликтах в интернет-пространстве, при которых разногласия теряют некоторые свои признаки, не ограничены во времени и пространстве (действуют в виртуальном мире, а транслироваться могут в реальном). В данном контексте требуется обратить особое внимание на ход таких конфликтов и их влияние на общество через субъективное восприятие человека. В связи с этим медиацию ждет пространство информационного взаимодействия и решения конфликта внутри интернет-платформ и виртуальных социальных сообществ, что особо актуализирует функцию информационно-культурной адаптации субъекта. Учитывая то, что каждое поколение или субкультурное сообщество не теряет связи с определенными нормами и парадигмами и имеет свои социокультурные особенности², медиация, очевидно, также подвергнется изменениям по социокультурным признакам, например, присущим следующему поколению.

Социальные действия, влияющие на социальный порядок, требуют наблюдения и внимания, поскольку именно они ведут к различным (положительным или негативным) последствиям. В правовой сфере наблюдением занимаются правоохранительные учреждения, в научной – экспертное

¹ См. об этом подробнее: Шайхитдинова С.К. Векторы медиакультуры // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 189–198.

² См. об этом подробнее: Богатова О.А., Шумкова Н.В. Субкультурные сообщества провинциальной молодежи // Мониторинг. – 2014. – № 4 (122). – С. 150–155.

сообщество. Однако в социальной сфере выработать обособленный «наблюдательный» орган проблематично. Общество воспринимается как подвижный и самостоятельный массив, в связи с чем наблюдение за последствиями социальных действий должно вырабатываться внутри этого общества. Именно ради достижения данной цели продолжается поиск инновационных технологий социального регулирования. Медиация помогает преобразовывать негативные последствия социальных действий в конфликте, через проработку противоположностей, заложенных в человеке как миром, так и обществом. Подобная трансформация должна сформироваться в законченный социальный продукт, являющийся по своей сути противопоставлением социальному конфликту. Что именно является противопоставлением социальному конфликту? Очевидно, что это – согласие, основанное на практических действиях сторон, не имеющее в своем содержании намерения противоборства и ущемления интересов оппонента. Как форма взаимодействия субъектов согласие отражает сознательное соотношение противоположностей (идей, мнений и т.д.) для достижения гармонии. Согласовывать – значит соотносить с голосом другого, с голосом Бога, с голосом совести, с голосом разума и т. д. В основе согласия – социальное и родовое начало в человеческой природе, необходимое для коллективных действий¹. Обществу и субъекту присуще осознание различности мировоззрения, социальных ролей, интересов, ценностных ориентаций и т.д. Медиация удовлетворяет и желание сохранить общество в коммуникативной гармонии, и стремление привести стороны к единому решению конфликтной ситуации. Основу культуры консенсуса, безусловно, составляет философия плюрализма. Важно, что происходит не только понимание естественности социального разнообразия, мозаичности ценностей и интересов, мировоззренческих позиций и верований, но и принятие такого разнообразия как естественного состояния социокультуры. В рамках примирительного процесса единение различий вполне возможно и ведет к восстановлению нарушенной

¹ Меняева М.П. Согласие: философско-культурологический аспект // Вестник ЧГАКИ. – 2011. – № 3 (27). – С. 38.

конфликтом привычной жизнедеятельности. В связи с этим главная социальная роль медиации выражена ее функцией обеспечения социального согласия. Учет различий в современном социокультурном пространстве и их согласование в процессе принятия решений, касающихся актуальных социальных вопросов, демонстрирует эффективность медиации и необходимость ее дальнейшего совершенствования.

Как известно, управляемый конфликт создает продуктивные предпосылки для снятия социальных ролей и коммуникационных барьеров, переходя сразу к сути обсуждаемого вопроса¹. Сам факт управляемости и возможности коррекции конфликтных отношений оказывает воздействие на поведенческие алгоритмы, дополняя их и оптимизируя. При отлаженном алгоритме социальных действий, где общение имеет минимальные проявления, разумно предположить, что бесконфликтная среда станет подспорьем в достижении результатов, однако это не всегда так. Конфликты зачастую обходят установленные правила, что и является проблемой своевременного распознавания опасной для социальных отношений ситуации. В подобных ситуациях есть возможность сосредоточиться на следующем моменте: представление социальных отношений как алгоритма стандартизированной работы, где нарушение одного цикла неминуемо ведет к общему разладу комплекса необходимых обществу процессов, позволит корректировать циклы установлением границ или выработкой блокирующих отдельные алгоритмы механизмов. В этом случае медиация также незаменима, выполняя преобразовательную функцию: благодаря локальному разрешению социального конфликта, не покидая границ принятых ограничений по социальным взаимодействиям.

Преобразовательная функция медиации представлена позициями: 1) это мониторинг – как используемое средство для обнаружения грядущих зон напряженности и отличающееся, например, от функции коррекции социальной

¹ См. об этом подробнее: Архимук А.Н., Липницкий А.В. Трудности общения и коммуникативные барьеры, технологии развития эффективной коммуникации в конфликтах правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 217–223.

среды тем, что применяется с учетом прогноза. Таким образом, преобразовать конфликт представляется возможным еще на стадии обнаружения конфликтогена. При разрешении проблемы на стадии ее зарождения высвобождается время, которое можно перераспределить на дополнительное укрепление бесконфликтных рубежей; 2) создание благоприятной атмосферы в системе, которую может создавать медиация: у общества появляется возможность заявить о той или иной проблеме, мешающей или сдерживающей нормальное функционирование «общественного организма». При этом выполняется важная задача: создание благоприятной атмосферы, которая включает такие информационные послы, как заинтересованность со стороны общества в решении своих проблем и установление формы обратной связи. В связи с этим медиация существенно экономит ресурсы – как материальные средства, так и духовные силы, поскольку адаптируется к каждому участнику конфликтной ситуации¹. Экономия ресурсов, при должном внимании к ней всех участников конфликта, может выступить преобразователем конфликтной ситуации. Позиции сторон могут исходить из эмоций и личностных претензий, хотя главным в споре остается именно ресурсное сбережение. Например, в трудовых отношениях недопустимо рассматривать конфликт вне рамок возможных ошибок, допуская их присутствие. Различные дефекты в продукции могут возникать из-за забывчивости человека, невнимательности, непонимания, неосторожности и т.п. Такого рода ошибки естественны и неизбежны – под таким углом их и надо рассматривать для нахождения способов их предотвращения².

Как уже отмечалось, основная характеристика конфликта в том, что конфликт не подлежит устранению только лишь внутренними усилиями человека. В снятии конфликтного напряжения необходимо управление компетентного специалиста, правильно интерпретирующего конфликтный процесс и разделяющего причины на внутриличностные проявления человека или на

¹ Маслова В.М. Процесс медиации как метод выработки жизнеспособного решения проблемы // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 1. – С. 116.

² Ермакова Е.А. Внедрение принципов бережливого производства в R&D процессы // Креативная экономика. – 2012. – № 10 (71). – С. 20.

причины, вызванные внешним, конфликтным раздражителем. Ощутимой проблемой, касающейся осмысления значимости данной функции, является поколенческое восприятие медиации и механизмов ее проведения. Как известно, каждому поколению присущи свои социокультурные характеристики, а, следовательно, субъективное информационное восприятие определенных явлений будет разным – с опорой на социокультурные установки, либо принятые в обществе на данный момент времени, либо основанные на ошибках мозаичного восприятия. В такой ситуации для медиативной практики стоит расширять методы приобщения молодого поколения к изучению медиации как творческой деятельности в ее отдельных компонентах (например, предложение проведения сеанса медиации в молодежной среде). Совместный диалог поколений будет придавать хорошее социокультурное разнообразие медиативной практике, но, к сожалению, данный процесс утопичен в виду «кастового» поколенческого деления. Преобразовательная функция может минимизировать данные издержки, поскольку стремится найти точки соприкосновения, одинаково комфортные для представителей разных поколений.

Медиация только начинает свое уверенное вхождение в отечественную социокультуру, и ее полноценная интеграция в социальный и личностный мир во многом зависит от усилий каждого субъекта. Понимание факта, что наличие должных компетенций по урегулированию конфликта – это требование актуального времени, существенно упростит процесс адаптации медиации к российской социокультуре именно как социально-духовной методики разрешения конфликтов. Как уже было отмечено, медиация расширяется в своих возможностях регулирования различных сфер жизнедеятельности субъекта. Для окончательного принятия общественным и личностным сознанием медиации недостаточно только лишь правового регулирования и совершенствования ее нормативной базы. Принятие или отторжение всегда осуществляется обществом, и поэтому, чтобы медиация в процессе интеграции в социокультурную современную реальность сохранила свое исконное предназначение (установление согласия) и была принята обществом, используется воспитательная функция

медиации. Данная функция включает в себя, во-первых, культуротворчество как процесс порождения общественной и личностной культуры¹. Данный процесс можно рассматривать как способ созидания культуры, а через культуру и самого человека². Культуротворчество во многом помогает субъекту обрести культуру согласия, культуру солидарности и поведенческую культуру конфликтного взаимодействия и может быть использовано в процессе социального конструирования, при котором медиативные компетенции становятся целью общественной модернизации³.

Также, вместе с реализацией социальной активности, необходимо создавать центры гражданского обучения, но и этот путь не освобожден от конфликтов. Обучение должно сводиться к свободному желанию субъекта овладеть компетенциями и не допускать социального разветвления конфликта по целевой аудитории и предмету спора. Переговорный и договорной процессы – это не насильственный метод констатации своего видения, а взаимный равновеликий диалог, в котором обмену подлежат воззрения всех сторон спорной ситуации. Учитывая возникновение центров гражданского обучения и наличие корпуса медиаторов как лиц, занимающих обособленное положение, но обладающих доверием общества, субъекта и органов государственной власти, гражданская активность приобретет целевой характер, повышая уровень социальной ответственности. В таком русле институт гражданской активности избавится от сомнений и напряженности, станет действенным регулятором процессов, протекающих в ключевых сферах общественной жизни. Во-вторых, данная функция предполагает комплекс профилактических мер, направленных на

¹ Старжинский В.П. Культуротворчество и духовность в образовании человека // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры: сборник докладов XXIV международных Кирилло-Мефодиевских чтений / ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета; С.И. Шатравский, священник Святослав Рогальский. – Минск: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла, 2019. – С. 47.

² См. об этом подробнее: Леонтьева В.Н. «Контркультура» и культуротворчество // Высшее образование в России. – 2001. – № 1. – С. 52–63.

³ См. об этом подробнее: Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография / Башкирский государственный университет. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.

пресечение конфликтной деятельности в будущем. В этой связи необходимо транслировать идею медиации как социальной услуги: для этого требуется системный подход, а именно: а) введение понятия социальной медиации (в данном исследовании нами предложено понятие «медиативные технологии») для исключения казусов в теоретическом понимании путем разграничения понятий, регламентирующих жизнедеятельность субъекта отдельно в социальном аспекте и отдельно – в правовом; б) введение системных мер профилактической работы: этическое просвещение, воспитание конфликтологической культуры, поддержка проектов развития медиации, консолидация экспертов, просветительские акции и т.д. Предложенные нами социальные функции медиации могут существенно расширить как влияние медиативной процедуры на сферы жизнедеятельности общества и субъекта, так и расширить границы теоретического изучения медиации.

В связи с тем, что медиация расширяется, уже сегодня есть необходимость введения нового терминологического аппарата, поскольку исключительно правовые подходы не могут удовлетворить интересы общества в связи с новыми социокультурными реалиями, вовлекающими в орбиту конфликтных противостояний многочисленные деструктивные факторы. Безусловно, определённые нами функции медиации ориентированы на ликвидацию разрыва между процедурой медиации и обществом, призваны адаптировать модель примирения к некоторым особенностям отечественной социокультуры, сделав ее доступной, информативной, понятной. Социальные функции медиации необходимы для реализации тех свойств медиации, которые имеют общественную ценность, – это та константа, с которой и будет происходить дальнейшее развитие медиации вне рамок сугубо правового применения.

Взаимосвязь развития общества и поиск методов, разрешающих возникающие конфликты, – это дополняющие друг друга истины. Современная эпоха – «информационное общество», отчасти закрытого типа, с размытостью ценностных мироощущений и, во много, мозаичном представлении о мире. В информационный период социокультурной истории конфликт приобретает

«плавающую структуру» и органично интегрируется в принятые обществом процессы регуляции своей жизнедеятельности. Феномен тревожен в связи с трудной идентификацией и выстраиванием стратегии его разрешения, поскольку сказывается разница между новейшей структурой конфликта и применяемых для его локализации методов. В связи с этим необходимость дальнейшего использования конструктивных возможностей социальных функций медиации только актуализируется, а общественное доверие будет заметно расти. Общественное согласие – это не привилегия, это необходимость. Текущий этап развития медиации должен основываться на развитии общественных связей и понимании того, что преодолеть конфликтные противоречия можно только с помощью социального взаимодействия. Условно социальное взаимодействие (относительно сферы медиации) можно разделить на уровни: 1) личностный уровень, обозначенный индивидуальной ответственностью за активные действия в конфликте и развитие в себе мер адекватного противодействия (в том числе навыка поведения в конфликте) возникающим социальным разногласиям; 2) общественный уровень: кроме субъективной социальной ответственности за свои действия есть и ответственность за социальное обеспечение новейших эффективных методик разрешения конфликта. Общество заинтересовано в методиках, обеспечивающих ему успешное и поступательное развитие и обладающих доступностью и широтой применения; 3) экспертный уровень представлен экспертным сообществом, заинтересованным в поиске ненасильственных методов обеспечения в обществе согласия, и непосредственно медиаторами и посредниками, благодаря которым снижается уровень социального напряжения и отношения приходят в гармонию. Подобная градация позволяет оценить соотношения медиации и ответственности заинтересованных в ней субъектов. Данная градация, равно как и культивирование современных (с учетом социокультурных изменений) социальных функций медиации, необходима для происходящего процесса институционализации медиации¹.

¹ См. об этом подробнее: Чхартишвили Д.А. Проблемы институционализации медиации в России // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 3. – С. 262–270.

На сегодняшний день медиация обретает все присущие институционализации черты: закрепление соответствующего поведения и норм, придание структуры, систематизация и др. Однако один аспект – закрепление социальных норм – находится еще на стадии всесторонней модерации. Как известно, процессу институционализации присуща интеграция ожиданий с различной степенью социального контроля, например, духовного или материального. При этом роль культуры в ее различных ипостасях в этом процессе основополагающая, поскольку культурное пространство есть источник непосредственного образования социального института. Формируется определенная система ценностей и образцов деятельности с учетом специфических особенностей социального института¹. В медиации под ключевой ценностью мы понимаем установление согласия, а социальные функции медиации способствуют объективации этой ценности. В современной гуманитарной науке есть исследования, осмысливающие специфику институционализации, характерной для российской социокультурной реальности², которые позволяют выявить соотношение медиации и степень институционализации на данный период: 1) возникновение потребности (требует совместных и организованных действий) – конфликт отягощает социальные отношения несмотря на положительные черты, поэтому общественная потребность в минимизировании этого явления и выработки эффективных методик урегулирования конфликта обозначена как в теоретическом, так и практическом аспектах; 2) формирование общих целей – в данном контексте общей целью для всех участников социальных отношений будет согласие, достижение гармоничных отношений, основанных на гуманистических принципах, нормах морали и взаимном уважении; 3) появление социальных норм в ходе взаимодействия (методом проб и ошибок) – процесс совершенствования процедуры медиации. Используя метод проб и ошибок,

¹ См. об этом подробнее: Давыденкова А.Г., Туфанов А.О. Институционализация социокультурной и экономической жизни общества: социально-философские аспекты // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 4. – С. 98–107.

² См. об этом подробнее: Баранов Н.А. Институционализация в России: особенности национальной модели // ПОЛИТЭКС. – 2007. – № 4. – С. 68–86.

медиация продолжит дальнейшее становление и поиски удачного сочетания своих алгоритмов; 4) принятие – во многом главная степень институционализации, поскольку имеет строгое направление к аудитории и должно получить такое же строгое подтверждение нужности управляемых медиацией процессов; д) система ролей для участников – в структуре медиации действующие субъекты приносят свой вклад в результат примирительной деятельности согласно своей роли.

Активизация социальных функций медиации позволит преодолеть проблемы, с которыми сталкивается медиация в процессе интеграции в российскую социокультуру: это проблема недостаточности просветительской деятельности о новейших социальных технологиях, несистемность в сфере подготовки специалистов, слабое консолидирование гражданского общества и недоверие к институту медиации, сильно развитое мифологическое отношение к конфликту, неспособность объективно оценивать свои способности и суть разногласий и др.

Безусловно, определённые нами функции медиации ориентированы на ликвидацию разрыва между процедурой медиации и обществом, призваны адаптировать модель примирения к некоторым особенностям отечественной социокультуры, сделав ее доступной, информативной, понятной. Принимая предложенную в литературе систематизацию функций медиации и с учетом проведенного анализа социальной роли медиации, нами определены следующие социальные функции медиации: 1) функция обеспечения социального согласия – главная социальная функция медиации, направленная на согласование социокультурных различий в процессе принятия решений; 2) функция информационно-культурной адаптированности нивелирует разницу уровней индивидуальной медиакультуры субъекта, сформировавшуюся в процессе доступности разнонаправленной информации. Локализует конфликты информационного характера (интернет-конфликты); 3) функция коррекции окружающего пространства представлена процедурой медиации, в ходе которой достигается общественное согласие. Анализ данной функции проведен нами в границах важных для субъекта и общества социальных взаимоотношений

(молодежных, семейных), где разногласия имеют либо разницу идеологических, духовных, культурных норм, либо представлены как сдерживающий фактор; 4) преобразовательная функция применяется для обнаружения грядущих зон напряженности (мониторинг), а также для поиска точек соприкосновения, одинаково комфортных для представителей разных поколений, социального статуса и т.д.; 5) воспитательная функция помогает самой медиации сохранить свое исконное предназначение (установление согласия) и способствовать принятию обществом медиации как эффективной технологии урегулирования конфликта. Проведенная нами систематизация – возможность разнообразить теоретическое осмысления социальных функций медиации.

Таким образом, подводя итог данного параграфа, логично отметим следующее:

Социальные функции вырабатываются посредством объективно проходящего исторического процесса, обусловленного поиском актуальных средств влияния на ход общественного развития, раскрывающих социокультурный потенциал и обеспечивающих устойчивое, качественное, поступательное движение общественного «организма». Сложность социального явления неизменно коррелирует с разнообразием его социальных функций положительных и негативных, конструктивных и деструктивных. Медиация обладает историческим базисом, имеет собственную биографию становления, что закономерно предполагает формирование специфических социальных функций, требующих осмысления и систематизации.

Поиск функционального поля – поиск соответствия изучаемого явления определенной общественной потребности. Успешность медиации объясняется соизмеримостью восстановления нанесенного вреда. В связи с чем, акцент на социокультурное измерение механизма медиации, дает возможность поиска не только структурных ошибок, полученных при интеграции медиации в российскую социокультуру, но и духовных факторов, способствующих эффективному достижению задач медиации.

Социальные сообщества не утрачивают связи с определенными нормами и парадигмами, остаются хранителями социокультурных особенностей, но находятся в свободе выбора построения образа бытия будущего. Медиация в своем стремлении обращена к эффективности реализации свои функциональных возможностей, которые не возможны без учета изменчивости социокультурного состояния общества. Социальные функции медиации ориентированы на ликвидацию разрыва между процедурой медиации и обществом, призваны адаптировать модель примирения к некоторым особенностям отечественной социокультуры, сделав ее доступной, информативной, понятной, а также способствовать минимизации моментов, осложняющих процесс институционализации. Социальные функции медиации необходимы для реализации тех свойств медиации, которые имеют общественную ценность, – это та константа, с которой и будет происходить дальнейшее развитие медиации вне рамок сугубо правового применения.

Таким образом, подводя итог I главы, можно отметить следующее:

Философская интерпретация позволила оценить медиацию как технологию совмещения этико-гуманистического, социокультурного и юридического подходов в целях легитимного и адекватного, учитывающего человеческий фактор разрешения конфликтной ситуации. Укрепление общественного виденья миротворческого потенциала данной технологии, привело к методологическому развитию, поиску идей и определения функционального поля.

Конфликт как хранитель противоречий является условием, в которых раскрывается гуманистическая предрасположенность медиации, приближая субъекта к ощущению счастья через добродетельные поступки, лишая страха неопределенности и способствующие формированию «доброй души» в следствии творческой деятельности, «правового разума» в следствии осознания субъектом гуманистического начала, его верховенства над поведенческими паттернами и от закономерного отказа «войны всех против всех». Возможность совершения действий субъектом в категориях морали, актуализирую постановку идеи «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов», реализуемой через

восприятие разрешения конфликта через гедонистическую призму. В таком случае, логично добиваться мира пока есть на то надежда.

Эволюционному развитию практик медиации способствует превалирование «доброй совести», связанное с уважением, доверием, уверенностью в нравственных основах в действиях индивидуальной и групповой работы со смыслами обретения гармонии, с механизмами восстановления ущерба. Идея неовитализма, раскрывающаяся в медиации, предоставляет обществу надежду, что «жизненная сила» подкрепляемая гуманистическими ценностями, станет опорой в строительстве мира, практик междисциплинарного единства и коммуникативного преимущества. Глубина конструирования идеи обеспечиваются предложениями сторон и социальным опытом, что ведет к совершенствованию общественного договора, через компоненты «благоразумия», «справедливости», которые проявляется через гуманистическое измерение медиации и подкреплено экономическим интересом.

Идея медиации – построение реальности, в которой осмысленность примирительных решений продиктована свободой социального взаимодействия. Сложность социального явления неизменно коррелирует с разнообразием его социальных функций положительных и негативных, конструктивных и деструктивных. Медиация обладает историческим базисом, имеет собственную биографию становления, что закономерно предполагает формирование социальных функций. Поиск функционального поля – поиск соответствия изучаемого явления определенной общественной потребности. Медиация в своем стремлении обращена к эффективности реализации свои функциональных возможностей, которые не возможны без учета изменчивости социокультурного состояния общества. Социальные функции медиации необходимы для реализации тех свойств медиации, которые имеют общественную ценность, – это та константа, с которой и будет происходить дальнейшее развитие медиации вне рамок сугубо правового применения. В связи с чем, предлагается следующее определение: медиация (медиативная технология) – это эффективная, трансцендентальная, имеющая в своей основе этико-гуманистическое измерение

социальная технология урегулирования конфликтов, исходящая из принципа добровольности, особенностей социокультурного развития современного общества и норм действующего законодательства.

ГЛАВА 2. ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕДИАЦИИ КАК ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

2.1. Современный российский социокультурный контекст практик медиации

В современном российском обществе растет запрос на изучение конфликта как неразрывной составляющей социальных и межличностных отношений. Интерес вызывает и проблематика возникновения новых стилей конфликтного поведения и, как следствие, – необходимость поисков эффективного алгоритма по выходу из зоны конфликта. Актуализирующийся социальный запрос обусловлен, прежде всего, осознанием деструктивной составляющей конфликта для общественных и личностных отношений особенно при социальной опасности конфликтного процесса или при некомпетентном им управлении. Отсутствие единой системы ценностей сказывается не только на построение новой модели доверия в обществе, но и демонстрирует либо не готовность, либо неумение препятствовать конфликтному напору в свой адрес.

Особо отметим, что медиация для российского общества как социальный факт и понятие не «чужеродное», а вполне закономерное явление, потому этот механизм отвечает требованиям и социокультурным запросам любого общества, претендующего на статус демократического, успешного, экономически развитого, культурно и духовно состоятельного. При формировании социального самосознания и развития форм коммуникации, актуализируется потребность в векторе социального развития, способном не просто указать путь преобразования социальной формации, но и удовлетворить внутренние потребности каждой личности. Результат конфликтной действительности имеющий гносеологическое и идеалистическое значение, требует от субъекта и общества осознанности и

самостоятельности в принятии решений и определенной стратегии конфликтного взаимодействия¹.

Отечественная медиация – совершенно отличный от зарубежного опыта подход к установлению согласия. Главным образом, отличия обусловлены применением русского языка, культурной составляющей, ценностей, присущих современному представителю российского общества. Медиация в Российской Федерации «говорит» на языке и смыслах, содержащих свой уникальный ценностный код понятный россиянину, не вызывая состояния фрустрации. Субъективное осознание ценностей – снижение дистанции взаимного понимания, поскольку стороны понимают единство ценностей и лишь разницу персональных потребностей. Исследователями отмечается факт только лишь становления конфликтологии и медиативной практики с учетом российских смысловых акцентов. В настоящее время воззрения на конфликт и медиацию представлены гуманитарной междисциплинарностью, с общей философской и методологической основой, с особой границей для мышления, творчества, деятельности.

Исследование противоположностей имеет фундаментальную задачу для современной социокультурной практики. Медиация имеет возможность культивирования гуманистических ценностей, главным образом, благодаря принятию противоположностей и замены процесса «борьбы» с ними, на «согласование». В таком случае, медиативная практика как концептуальный формат, должна быть представлена в выработке видов и форм реализации комплекса внешнеполитических методов, называемых «мягкой силой».

Как известно, «мягкая сила» основывается на трех ресурсах: 1) положения внешней политики; 2) политические ценности; 3) культурная составляющая. Следовательно, если мы говорим об окончательном установлении «мягкой силы» как концептуальной модели, например, принятия решений, то медиация как технология может быть интегрирована именно через этический контекст

¹ См. об этом подробнее: Цой Л.Н. Практическая конфликтология. – М.: Социол. шк. конфликтологии, 2001. – С. 30.

установления согласия. В контексте озвученного, проведем аналогии «мягкой силы» и медиации, как метода способного содействовать реализации некоторых положений. Итак, положения внешней политики через медиацию могут быть созвучны с дипломатической деятельностью (особенно с кризисной дипломатией) в части создания условий, способствующих договорному процессу. Политические ценности современного российского общества – тема отдельного исследования, в качестве перекрестных смыслов с медиацией можно выделить мир, свободу, равенство, законность. В своем роде, это необходимые условия как для политической миссии, так и для дальнейшей интеграции медиации. Логично, что обеспечение этих условий на практике переплетается с обозначенной выше культурной составляющей. Культура, как процесс, предполагаем, может создавать определенные системы-условия для оценки обществом идей, определенной исторической, этической и иной содержательной фрагментарности. Дополнительным направлением отметим информационный блок, работающий со входящими и исходящими смыслами, обеспечивая замкнутость работоспособности системы общество-теория (инновация, идея). Отказ от насилия в информационной плоскости необходимый тренд становления новейшей культурной повестки, а в плоскости самой культуры – один из идеалистических ориентиров развития современного российского общества. Информационное оповещение общества о возможностях конструирования комфортного бытия без конфликтной зависимости – один из программных шагов стратегии реализации «мягкой силы».

Отечественный опыт исследования сущностных характеристик «мягкая сила» представлен многими авторами: Ю.П. Давыдовым, В.С. Изотовым, Э.Г. Соловьевым, С.В. Чугровым и др.¹ Однако перед возведением стратегических

¹ Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 1 (4). – С. 69–80; Изотов В.С. «Мягкая мощь»: обновленный теоретический концепт и российская модель для сборки // Вестник РУДН. – 2011. – № 4. – С. 146–155; Соловьев Э.Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 72–77; Чугров С.В. Внешняя политика опоры на «мягкую силу» in statu nascendi // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. – С. 134–136.

программ, необходимо проанализировать, чем являются противоречия в жизни общества. Избытком потребности над смыслами, методом сообщить обществу о индивидуальном начале, механизмом развития этого общества, если конечно, общество слышит своих представителей.

Один из законов диалектики, единства и борьбы противоположностей, раскрывается в медиативном регулировании через социальное содержание. В диалектической картине кроме отражения проблем экзистенции жизни и детерминантов деятельности, кроются и смыслы совершаемых поступков. Стараться победить процесс противоречий в духовной, культурной и социальной плоскостях, означает заведомо проиграть, поскольку противоречивость часть природы человека. По мнению П.А. Кропоткина, взаимная помощь – это настолько же закон природы, как взаимная борьба¹. Другими словами, если субъект использует противоречия для отождествления себя с конфликтом, для угнетения оппонента, для злого умысла, то с тем же рвением, может использовать противоречия в своем позитивном, миро строительном творчестве. Обеспечение данного трансформационного процесса – вопрос лишь методологии.

В процессе движения, противоречия обладают разным вектором, порождая разный результат, одно из них отвечает за сохранение системы, в это же время, действия другой направлены на изменения. Теоретическая предпосылка единения направлений осознанных изменений, при сохранении общей системы, предоставляет возможность медиации проявить свой потенциал на этом поприще. Учитывая, что единым может выступать стремление изменений породить определенный результат. Умелое управление методологическими средствами, содержащими в себе диалектический механизм, это возможность локализовать негативные влияния от процесса поиска противоречий, которые могут найти отражение в социальной плоскости.

Как известно, борьба противоположностей порождает результат соотношений, представленных: 1) противодействию друг другу, взаимозаменяя

¹ Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции: Редакция журнала «Самообразование». – М.: Самообразование, 2007. – С. 23.

компоненты содержания; 2) взаимоисключение путем обострения конфликта; 3) отождествление взаимоналичия противоположностей. Однако учитывая опыт конфликтологического развития, на сегодняшний момент не предложено такого соотношения, которое бы замыкало противоречия на общем для сторон идеале, главным образом, для того чтобы субъекты понимали свою разность в противоречиях, но единство в служении идеалу. Отсутствуют модели борьбы противоположностей в формате сотрудничества, где наблюдается синергия, а не замещение, вытеснение. Эклектическое дополнение незавершенных противоречий, с точки зрения завершенной гармонии, не одно и то же, что синергия процесса, обладающая более интегративным преимуществом.

Как известно, российское общество 19-го века предоставляло общественному сознанию два ключевых направления философской мысли как варианты дальнейшего социального развития. Наиболее выдающиеся представители «западников» (П.В. Анненков, М.А. Бакунин, В.П. Боткин, Т.Н. Грановский, А.И. Гончаров, К.Д. Кавелин, И.С. Тургенев, П.А. Чаадаев и др., а по некоторым положениям к ним примыкали В.Г. Белинский, А.И. Герцен) считали, что Россия развивается по единому с Западной Европой пути. В части государственного устройства, по мнению западников, конституционная монархия (имеет схожесть с монархиями Западной Европы) – неоспоримое благо для развития России. Славянофильство (И.С. Аксаков, К.С. Аксаков, В.И. Даль, П.В. Киреевский, М.П. Погодин, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, Ф.В. Чижов, С.П. Шевырев) отстаивало особый путь развития отечественной социокультуры, во многом отличный от западного. В части государственного устройства славянофилы допускали самодержавие, но при этом право народа на выражение своего мнения было неотъемлемо¹. Их выбор касался будущего развития российского общества и принятия определенных социокультурных норм. Неудивительно, что в социально-политической, духовной и культурной жизни общности произошел раскол, повлекший рождение двух противоборствующих

¹ См. об этом подробнее: Беленчук Л.Н. Просвещение в России. Взгляд западников и славянофилов. – М.: ПСТГУ, 2014.

мировоззрений, где одни считали социокультурным курсом наследие «фаустовской культуры», а другие придерживались самобытной модели развития отечественной социокультурной истории. В своем противостоянии две философии, две идеологии, «западничество» и «славянофильство», вышли за пределы временных рамок, оставив разнообразие подходов и воззрений не только на мировоззрение и ценностную сферу человеческой жизнедеятельности, которое находит отражение и в современном сознании, но и на конфликты, их сущность.

При самобытном пути национального развития, предложенном славянофилами, ключ к разрешению конфликтов таится в учете и глубоком анализе структурных признаков конфликтной ситуации (мнения сторон, условий возникновения конфликта, действий сторон и т.д.) Вариант, предложенный западниками, а именно ориентация на западноевропейский путь развития, существенно экономит время в виду своей строгой алгоритмичности, но лишает той привязки к социокультурным надстройкам общности, необходимым для оценки поведения субъекта в конфликте и протекания самого разногласия. Строгая алгоритмичность допускает пренебрежение к некоторым специфическим признакам конфликта, поскольку ставит в приоритет «конвейерность» решения проблемы зачастую без траты ресурсов, времени и вмешательства посреднической стороны. Риск состоит в серьезных столкновениях интересов, где алгоритмичность не сможет привести к положительному результату, а это значит, что противоречия перейдут в латентную стадию даже с учетом разработанных шаблонов по острым социальным темам. Вместе с тем рассматривая предложенную систему в плоскости взаимоотношения личности и государства, можно сделать иной вывод. В процессе разбора конфликтной ситуации подход западников, заключающийся в первичности и свободе личности перед обществом, наиболее действенен, поскольку позволяет услышать интересы сторон и попробовать достигнуть на этой основе удовлетворяющий стороны результат. Недопустимо исключение вероятности выстраивания примирительной линии, основанной на персональных требованиях и взаимных личностных интересах (без

учета интересов общности). Славянофилы же такую возможность не закладывали, отводя обществу главенствующую роль, а личности – служение общей идее.

Общим в данных идеологиях выступает понимание необходимости изменений, а также вера в возможности движения России к процветанию. Представители сторон схожи и в основе изменений, подчеркивая их планомерный и мирный характер. Изменения – часть прогресса, именно этим и обусловлен сравнительно-субъективный анализ по отношению к конфликтному примирению на основе базисных положений двух отечественных философско-идеологических систем 19 века. В современной России, в обществе актуализируются идеи развития, культурного становления, преодоления любых форм общественной стагнации. Философское наследие славянофилов и западников, может быть востребовано на современном рубеже, преисполненным нестабильным политическим и социальным уровням развития. Казалось бы, единение противостояния двух идеологических, важных для современного российского общества, направлений мысли невозможно, но можно выявить некоторые предпосылки к этому. Опыт такого синтеза, можно рассмотреть в наследии А.И. Герцена, соединение идей западничества и славянофильства, стало основой нового учения, в котором идеи прогрессизма, значения личности, гуманизма сочетаются с солидарностью и чувство общности, и вектором к социалистическим идеалам справедливости.

Вне всяких сомнений, подобные сравнительные аналогии преисполнены субъективным восприятием. Однако в ретроспективной субъективной оценке подобное сравнение может помочь в выстраивании фактов относительно проблем медиации, осмысления причин возможности или же, напротив, невозможности более раннего использования медиации для разрешения конфликта. Ценность сопоставительного анализа в актуализации внимания дальнейшего осмысления конфликта ценностей, образов, устройства жизни, а также предпринятых действий сторонами уже в ретроспективной оценке. На наш взгляд, со времен идейного раскола западничества и славянофильства так и не удалось создать свою концепцию или идеологию, устойчивую во времени и без изъянов. Конфликт

идеологического совершенства, отразился в конфликте идей, а не практических масштабных пертурбациях, позволяющих обществу оценить предлагаемые изменения и сделать осознанный выбор. Теоретическое оформление совокупности идей, лишенное практической концептуальности, отдаляет субъекта от обозначенной социальной повестки. Происходит борьба эталонов и идеалов, далеких, главным образом, от жизни отдельно взятого человека. Сегодня нами перенимается опыт, уже прошедший апробацию в западной социокультуре, но перенимается без творческого осмысления. Предположим, что путь новой социальной мысли современной России, может строиться на идеях прогрессизма и этико-гуманистического измерения, как необходимой надстройки для регуляции процессов, порождаемых этапами развития. В нашем случае, регуляции подлежат конфликты современного российского общества, прежде всего, за наличие своих, отличных от западного общества, причин и характеристик. В данное время необходимы структурированные аналитические работы, вбирающие в себя осмысление моделей политического устройства, сравнение предложенных политических курсов и последующее изучение их результатов для того, чтобы примирительные технологии сделали свой инновационный виток уже в пределах современного российского общества с присущими ему убеждениями. Дополнительным подспорьем, раскрывающими в полной мере замысли примирительной процедуры являются корреляционные точки с отраслями и сферами жизнеустройства, близкого и понятного человеку. Методологические новеллы, должны ориентироваться на иную группировку используемых субъектом и обществом компонентов, уже удовлетворяющих основные потребности. Привносить в российскую ментальность методологическое новшество, нужно не с позиции борьбы эталонов и идеалов, заключенных в ней, а с позиции борьбы за качественное улучшение жизни и эффективное достижение целей. Практическая польза медиации, обусловлена именно ответом на вопрос, как именно сотворить мирный сценарий в возникшей конфликтной ситуации.

В 80-е годы американскую и западную социокультуру охватывает появление центров конфликтологии. Развитие подобных центров в

социокультурной плоскости российского общества еще только подлежит оценке: период их становления пришелся на 90-е годы, но носил, по нашему мнению, бессистемный характер. Под эгидой развития научно-теоретических и практических знаний о социальных конфликтах в 1992 г. в отделении общественных наук Российской академии наук был создан первый в пореформенном российском обществе Центр конфликтологии.

Отечественная социокультура сегодня идет по пути строительства правового общества. Обращение не только к правовым механизмам для поиска истины, но и задействование этических, гуманистических, социально-культурных возможностей при решении вопросов – актуальный, результативный и конструктивный путь. Эталонные взаимоотношения необходимо строить исходя и из принципа взаимной договоренности, а не исключительно компромиссов, продиктованных порой нормой закона. Речь идет о том, что не во всех случаях правовое решение олицетворяет справедливость. Зачастую это разные вещи, и уравнивать их может именно медиация. Ограничивая субъекта через такой регулятор социальных отношений как закон, не удастся добиться этического благополучия в масштабах всего социума. Обществу знакомо несовершенство закона, но такая ситуация может трактоваться и не совершенством общественного контроля за поступками субъектов. Отсутствие должного этического внимания к действиям отдельных субъектов, порождает диспропорцию социальной справедливости в правоприменении. В обществе, возможно говорить и создавать ореол тождества справедливости, но справедливость, порой, не всегда объективна относительно потребностей оппонентов, в определенных обстоятельствах, она может сохранять разную позицию, относительно применения закона. В таком случае, мы можем говорить о гаранте справедливости в социальных системах, благодаря присутствию этических практик, включая медиацию.

Философией и методологией современного изучения медиации можно считать исследования Ю.А. Вирченко, В.В Коломытцевой, О.В. Исаенковой¹.

¹ См. об этом подробнее: Вирченко Ю.А., Самохвалов Н.А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. –

Осмысление медиации с позиции ее этико-социальной природы позволяет выявить ее истинные, действительно тайные смыслы, имеющие огромное значение для современного российского общества. Роль медиации в отечественной социокультуре сегодня – в выявлении взаимосвязи и взаимообусловленности правовых норм и этических ценностей в противоречивой социокультурной реальности, в разрешении социальных проблем, обусловленных не только объективными причинами экономического, политического, идеологического характера, но и особенностями стереотипного и мозаичного мышления, а также тем, что называется менталитетом. В частности, И.Г. Яковенко, А.И. Музыкантский в качестве факторов, тормозящих повсеместное культивирование медиативных технологий, определяют не только слабую подготовку отечественных медиаторов, «нетворческое» заимствование правил самой процедуры, зародившейся в фаустовской социокультуре с ее специфическими духовными, этическими и религиозными смыслами, в корне отличающимися ее от отечественного личностного поведения и особенностей менталитета российского общества¹.

Медиация как этико-гуманистическая технология регулирования социальных конфликтов уже на текущий день необходима современному российскому обществу. Сфера ее применения представляется достаточно обширной: от личностных конфликтов до межнациональных, когда умышленно «стираются» основы уважения к личности человека. В частности, в данном контексте особый интерес представляют работы И.С. Бубновой «Медиативные технологии в профилактике экстремизма и конфликтов в условиях полиэтнической среды школы» и С.С. Шуренковой «Социальный опыт

2016. – № 4 (13). – С. 16–20; Коломытцева В.В. Социально-юридическая природа медиации как способа разрешения правовых конфликтов // Юридическая гносеология. – 2016. – № 3. – С. 38–41; Исаенкова О.В. Развитие медиации в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. – 2013. – № 3. – С. 69–90.

¹ Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. – М.: Русский путь, 2011. – С. 116.

представленности феномена медиации в современном российском обществе»¹. Проведенный нами анализ присутствия этического начала в медиации, создает предпосылки для применения миротворческой технологии в междисциплинарном охвате.

Социальная жизнь всегда испытывала потребность в альтернативных методах разрешения возникающих споров. Сегодня медиация идет по пути интеграции прежде всего в социальную сферу, и здесь многое зависит от позиционирования в обществе данной формы управления конфликтами как результативного и «мирного», придерживающегося этических и духовных критериев и принципа безболезненного разрешения противостояния социальных и личностных потребностей. Посредничество всегда существовало в отечественной социокультурной истории, возможно, не в таких привычных современных форматах, но очевидно, что согласие, солидарность – это безусловная ценность в социальных отношениях. Полагаясь на изложенные научно-философские исследования современных социальных явлений, солидарное отношение представляет собой состояние взаимного интеллектуального, духовного согласия, процесс согласованной жизнедеятельности, при которой идентичность и личные интенции индивидуума интегрируются в интересы сообществ, превращаясь в единый общий интерес, выраженный стремлением каждого к осуществлению общей цели и гармонии².

Социальная роль медиации заключается не только в восстановлении и сохранении общественного согласия, «но и в культивировании чувства стабильности и уверенности участников общественных отношений в

¹ Бубнова И.С., Рерке В.И. Медиативные технологии в профилактике экстремизма и конфликтов в условиях полиэтнической среды школы // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 3 (116). – С. 52–57; Шуренкова С.С. Социальный опыт представленности феномена медиации в современном российском обществе // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. – Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 233–237.

² Барлыбаев Х.А. О философии солидарных отношений // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 41.

существующем правопорядке»¹. Социальная ценность медиации – в пользе, благе, конструктивности, положительном влиянии как эффективной социальной технологии урегулирования конфликтов, культивирующая гуманистический и этический методы разрешения социальных противоречий. Социальная ценность медиации – в формировании уважения и нацеленности оппонентов на взаимный диалог, в эффективности при обеспечении взаимопонимания и согласия.

На медиацию в ее современной действительности, возлагается миссия по работе с социальными изменениями, носящими травмирующий характер. Данный процесс может быть осложнен: 1) глубиной полученной травмы и ее субъективной оценкой; 2) вариативностью конечного результата социальных изменений, проявляющихся по-разному в плоскостях многообразия идеологий современного российского общества; 3) индивидуальной культурной развитостью. Крайний компонент особенно ценен в вопросах изучения медиативной компетентности, поскольку профилактическая функция медиации, должна порождать результат культурной подготовки субъекта к вопросам пребывания и управления конфликтами. По мнению П. Штомпка готовность к травме, является следствием дезорганизации, смещения, а также несогласованности в социальной структуре или культуре. Контекст жизнедеятельности субъекта и социальных действий утрачивает согласованность и стабильность, трансформируясь в противоположный культурный комплекс. Травматическое событие может определяться состоянием напряжения, вызванным конкретными социальными изменениями, и имеет ряд характеристик: 1) фактор времени: неожиданность и быстрота; 2) фактор содержания и размаха: радикальное, глубинное, всестороннее; 3) фактор первоначала: истоки, воспринимаемые как пришедшее извне, исключая возможность нашего влияния на них; 4) фактор мыслительного контекста: воспринимается как нечто

¹ См. об этом подробнее: Чернышева Т.В. Понятие и виды примирения в российском праве // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 121.

непредсказуемое, шокирующее, отталкивающее, неожиданное¹. Набор травмирующих событий обширен: государственные волнения, экономические проблемы, асоциальные проявления, личные трудности. По нашему мнению, отсутствие культурной подготовки влияет на своевременность и возможность локализации индивидуального непонимания новой жизненной траектории, основанной на соотношении социальных травмирующих событий и потребностей субъекта. Субъективные интересы встраиваются в систему, определяющую доминирующие (актуальные) и вспомогательные (потенциальные) потребности. При анализе потребностей и интересов сторон необходимо опираться на следующие факторы: общие интересы и потребности, присущие большому числу людей; особенные (индивидуальные) потребности и интересы личности (культурные, религиозные и др.); специфические потребности и интересы конкретного человека, обусловленные его индивидуальностью (интерес к спорту, моде и т.п.). По мнению И. Зульцера, тёмные представления души сводятся к ощущениям её собственного состояния, а в этих ощущениях замечается нечто, усредненное между представлениями и желаниями². Человек может испытывать душевные страдания, поскольку осознает собственное положение, на нашем примере от участия в конфликте, при этом ощущение строится на желании, т.е. публичном высказывании своих целеполаганий. Медиация за свое этическое содержание, может уравновесить представления с желаемым и прекратить митарство души, прекратив противоборство. На практике это можно представить через реакции, сформированные П. Штомпка: возможные реакции общества представлены либо разрушением культуры, либо культурной реконструкцией. В первом случае, общество выбирает контрпродуктивные стратегии, поддерживая устаревшую культуру в виду культивирования воспоминаний, должно быть, о чувстве спокойствия и защищенности. Во втором случае, отмечаются благоприятные изменения, в виду облегчения травматической ситуации

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // СОЦИС. – 2001. – № 1. – С. 8.

² См. об этом подробнее: Мальцев А.А. «Взгляд» и метафора взгляда в сочинениях А.Т. Болотова // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 15–48.

эффективным управлением, через культурный поколенческий сдвиг, упрочнения новой культуры и конфигурации иных переменных¹.

Продуктивное будущее, побуждает к отказу от «парадигмы человеческой исключительности». Констатация якобы безграничной силы человека зародилась во времена Просвещения, а суть ее, как известно, – в использовании человеческого разума для прогресса. Квинтэссенцию составляет идея антропоцентризма, в которой человек может проявить гуманистическое начало, реализовать свой потенциал во благо социального развития. Однако мы замечаем, что ресурсы природы и ее восстановительные способности заметно осложнены техногенным влиянием человека. Такой прогноз должен внушать субъекту как представителю разумной цивилизации, что деятельность должна быть пересмотрена во имя настоящего и будущего, гарантированного бытия. Именно социокультурные и этико-гуманистические принципы должны выступить в данном контексте основой для гармоничных межличностных отношений, а медиативное регулирование – выступать методом, осуществляющим необходимую коррекцию. Очевидно, что мера подобной коррекции контролируется обществом исходя из степени принятия жизненно необходимых изменений.

В настоящее время общество ищет инновационные технологии социального регулирования и желает обрести действенные методики противодействия или же придания конструктивности конфликтам, которые, особенно в новейшей социокультурной истории, в силу ряда причин (объективных и субъективных), все чаще заявляют о себе. Гуманитарная наука пребывает в постоянном движении, в поиске оптимальных условий для разрешения конфликта и предлагает инновационные решения, направленные на сохранение согласия и укрепление общественных взаимоотношений. Философия как особая форма познания мира, призвана не только выявить социокультурные и

¹ Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // СОЦИС. – 2001. – № 1. – С. 16.

системные предпосылки возникновения конфликта¹, но и предлагать духовные механизмы его преодоления.

Социальная ценность медиации как социальной технологии профилактики и разрешения конфликтов в современном российском обществе заключается прежде всего в том, что: 1) медиация необходима во многих актуальных сферах жизнедеятельности, поскольку уберегает стороны от дискриминаций и притеснений, разъясняя и регулируя социальные действия, которые могут к этому привести; 2) установление и поддержание общественного согласия нуждается в отлаженной коммуникации между социальными институтами. Социальная ценность медиации именно в том, что это всегда диалог, иногда трудоемкий, но важный с точки зрения социальной защищенности; 3) этическом компоненте способным обеспечить эффективность применения медиации в социальной сфере.

Главное для медиации в современной российской социокультуре – сохранение заинтересованности не только экспертного и научного сообществ и конкретного субъекта в поиске и совершенствовании примирительной технологии в тесной связи с социокультурными надстройками современного российского общества, с этическими нормами и смыслами отечественной культуры. Озвученные положения коррелируют с ценностями «мягкой силы», в которой заложены аспекты мирозидания, опыт добрососедства, проявления уважения и сострадания как национальной идеи. Да, сегодня исследователями признается, что конфликтология в Российской Федерации, пока имеет вид некоторой программы, а не выступает в формате науки с завершенным структурным построением. Более того, отмечается, что одной из весомых причин медленной институционализации медиации, является все также научная незавершенность². Однако образовавшийся феномен может быть положительно использован в процессе институционализации медиации именно в российском обществе. Консолидация научного и социального сообществ вокруг проблематики конфликтологии в

¹ См. об этом подробнее: Межуев В.М. Философия в системе знания о культуре // *Epistemology & Philosophy of Science*. – 2005. – № 1. – С. 47–54.

² См. об этом подробнее: Цой Л.Н. *Практическая конфликтология*. – М.: Социол. шк. конфликтологии, 2001. – С. 30.

России, позволяет сформировать диапазон смыслов, которыми должна обладать наука, попутно решая вопросы с подготовкой кадров, образовательными стандартами, критериями и прочими атрибутами, присущими той или иной дисциплине. Необходимо рассматривать сложившийся прецедент как уникальную возможность всеобщего участия, отражения общественных запросов, постановки потребностей перед медиацией. Может решаться вопрос о том, что есть медиация для современного российского общества, а не наоборот. Ряд исследователей относят к финалу процесса институционализации сформировавшуюся статусно-ролевую структуру, основанную в соответствии с существующими нормами и вызывающую одобрение большинства представителей общества¹. Для завершения процесса институционализации не хватает единых подходов к оценке социальной роли медиации и окончательного принятия медиации российским обществом. Консолидированного формирования тех самых норм, базисом для которых выступает упоминаемый нами этический компонент, способный определить и полезность, и применимость, и степень ожидания. Открытый диалог позволяет вывести смыслы и образы последующего развития медиации в России. Время, социальное доверие и процесс институционализации, позволять прояснить, чем является медиация, ступенью к новой методологии, или средство высвобождающие естественную гармонию миротворчества, принятие несовершенства мира, пространство гуманистических идей для жизни человека и общества, но постановка этих компонентов должна происходить сообща, в единой канве российской культуры. Медиация – это найденное разумом общее правило, которое должно отражать ожидания субъекта и общества ожидания от данного метода построения, наполненного миротворческими смыслами бытия. Происхождение естественных законов обусловлено социальным опытом и если мы исходим из того, что естественный закон достиг добродетели, то конфликт – признак противоречия с естественным законом. Однако моральная дилемма

¹ Лукашенок И.В. Социологические исследования процессов институционализации // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 62–66.

заклучена в том, что если защита себя и ближнего считать добродетелью тоже, то конфликт видоизменяет социальный опыт. Данный пример лишь демонстрирует нуждаемость общественного обсуждения, социального участия и помощи в становлении медиации.

В части интеграции медиативных компонентов, вниманию подлежит не только социокультурная интеграция и сопровождение этого процесса со стороны научного сообщества, но и внимания заслуживает посредничество в переводной работе. Дело в том, что перевод трудов зарубежных авторов, подразумевает некоторую субъективность переводящего и не всегда является безобидным для конечного исследовательского результата. Безусловно, труд по переводу и адаптации знания заслуживает уважения и расширяет границы познания, однако в случае упущений, ставит нововведение в иные концептуальные рамки, чуждые как для зарубежного опыта, так и для отечественной действительности.

Таким образом, подводя итог данного параграфа, можно отметить следующее:

Отечественная медиация – отличный от зарубежного опыта подход к установлению согласия, обусловленный применением русского языка, культурным контекстом, ценностным кодом и иных факторов. Российский социокультурный контекст – представлен междисциплинарным, гуманитарным изучением конфликта и практик медиации, с особой границей для мышления, творчества, деятельности.

Отсутствие единой системы ценностей, зачастую, приводит к несостоятельности принятия решений обществом. Не хватает предложений соотношений, замыкающих противоречия сторон общим идеалом, чтобы субъекты понимая разность в противоречиях, осознавали единство в служении идеалу. Отсутствует практика борьбы противоположностей в формате синергии сотрудничества, в котором эклектичность противоречий не вытесняются или замещаются, а дополняются до завершенности гармонии. Как результат – конфликтная действительность гносеологического и идеалистического значений, требующих от субъекта и общества осознанности и самостоятельности.

Медиация – это найденное разумом общее правило, которое должно отражать ожидания индивида и общества ожидания от данного метода построения, наполненного миротворческими смыслами бытия. Воссоздание основ договорного процесса возможно и с помощью кризисной дипломатии, однако преимущество реализации положений «мягкой силой», через медиативное управление в задействие гуманистического содержания для культивации чувства стабильности, общественной безопасности, уверенности и доверию субъектов относительно существующего правопорядка. Социальное применение медиации может быть расширено до работы с социальными изменениями, носящими травмирующий характер. Актуализируется процесс культурной подготовки как возможности на уровне субъекта локализовать непонимания изменений социальной траектории, причиной которых являются травмирующие события и потребности индивида.

Современный российский социокультурный контекст медиации, сводится к соотношению процессов институционализации и приобретения социального опыта.

2.2. Личность медиатора в философском дискурсе

Медиатор – это фасилитатор, педагог или коммуникатор, помогающий прояснить проблемы, выявлять и управлять эмоциями, а также создавать варианты, тем самым позволяя достичь соглашения, избегая состязательной битвы в правовом поле¹. Необходимость использования примирительных технологий продиктована реалиями нашего времени. Однако для эффективного использования действенной технологии социального регулирования необходимы комплексное изучение проблем общества и апробация инновационных механизмов их разрешения. Медиация не только предоставляет альтернативу

¹ Webel C., Galtung J. Handbook of Peace and Conflict Studies. – New York: Routledge, 2007. – P. 51.

насильственному решению спорных ситуаций, но и требует обратной связи от главных субъектов примирительной техники. От сторон обратной связью могут стать открытость, вовлеченность в процесс, заинтересованность, сообщение возможных дискомфортных состояний. Совершенно иной спектр обратной связи предполагает статус посредника. Являясь центральной фигурой, на которую возложена профессиональная задача своей деятельностью оказать помощь в разрешении конфликта, медиатор должен постоянно совершенствоваться и обучаться. Отметим, что под центральной фигурой понимается сугубо профессиональная траектория, никаким онтологическим преимуществом медиатор перед сторонами не обладает, каждый строит коммуникацию на равных и находится на одном уровне бытия. Обучение – важнейшая составляющая медиативной компетенции. Современная медиация нуждается в квалифицированных кадрах. Медиатор – не просто посредник в примирительном процессе в виду сочетаемости нескольких компетенций: это востребованная социальная деятельность в будущем.

Конфликтологическая компетентность – это профессиональная осведомленность о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умение оказать технологическое содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации. Характеристики конфликтологической компетентности могут быть структурированы по группам: целелеустремленность, рефлексивность, коммуникативность, социальная ответственность, способность к развитию¹.

Конфликтологические компетенции, как известно, – ответы на вызовы противоречивого постиндустриального общества, умножающего личностные и социальные проблемы. Постиндустриальное общество «подарило» человечеству информационное наследие, с которым современный человек не знает, что и делать. Следующее поколение не будет озадачено таким вопросом в виду совершенно иного, отличного мировоззрения и образности мышления, чем у

¹ Цой Л.Н. Практическая конфликтология. – М.: Социол. шк. конфликтологии, 2001. – С. 140.

человека современного. Работа с многообразной и объемной информацией, ее хранение, усвоение, анализ и осмысление требуют разнообразных компетенций, которые будут совершенно иными у следующих поколений. Мир ориентирован на индивидуальность, конвертируя все и вся в доступные и адресные услуги. Ориентир на конечного потребителя делает жизнь не только удобной, но и иной, другой. Вслед за изменениями спешит трансформироваться и структурный компонент конфликта. Мы становимся свидетелями такой ситуации, когда мышление в анализе конфликта приобретает важный статус; значимость мышления в медиации обусловлена тем, что становится важным средством в работе посредника. В примирительном процессе медиатор может работать сразу с несколькими мышлениями участников конфликта, что требует специальной компетенции работы с модусами мышления. Дело в том, что мышление субъекта находится в определенном режиме, именуемом модусом, что и влияет как на процесс самого мышления, так и на результат¹.

Модели конфликтной регуляции скрыты в самом человеке, но сможет ли он верно распознать все «отправные точки» информационного посыла конфликта? На этот вопрос предстоит ответить уже современной конфликтологической философии. Важно понимать, что несет за собой обращенность всего мира к индивидуальному человеку, сможет ли сам человек что-то противопоставить нарастающей персонализированности конфликта. Так или иначе, на текущий момент, в медиативном регулировании роль посредника отводится опытному специалисту, который противопоставляет конфликту решения, продиктованные сторонами примирительного процесса. При отсутствии выработанного действенного аппарата оценки и противодействия конфликту только специалистам, обладающим соответствующими компетенциями, можно доверить сопровождение конфликтного регулирования и представление не столько личных интересов, а сколько заинтересованности в разрешении разногласий. Уровень саморегуляции должен достигать такого понимания, при

¹ Мельниченко Р.Г. Модусы мышления в медиации // Legal concept. – 2019. – № 1. – С. 16.

котором сторона отдает отчет, что посредник – это не нанятый им специалист, а нейтральная сторона, защищающая стороны от негативных результатов конфликтного взаимодействия. Сторонам важно понимать, что в сложившейся ситуации они являются наибольшими союзниками чем кто-либо на всем протяжении примирительного процесса. Проблема, актуализирующая осмысление статуса посредничества, кроется в том, что не все виды посредничества применимы к процедуре медиации в виду нарушения регламента и организационной структуры самого примирительного процесса. Более того, границы посреднической деятельности расширяются и перед научным сообществом: возникают новые вопросы, требующие повышенного общественного внимания: место посредника в медиации, границы дозволенности действий, междисциплинарные функции. Для подобных явлений отсутствует какая-либо «структура», задающая границы процессу медиации, а задача медиации и заключается в создании подобных «структур»¹.

Медиатор оценивает риски благодаря проведению первичной оценки на основе прикладных знаний и практико-адаптированных навыков работы с конфликтом. То, что делает посредник, очень похоже на концепцию, предложенную Ж. Деррида, о деконструкциях, согласно которой, смысл контекста конструируется в процессе прочтения, а привычное представление либо лишено глубины (тривиально), либо навязано репрессивной инстанцией автора². Бинарная оппозиция, по сути, самого конфликта и медиации, нуждается в применении деконструкции, в части уравнивания этих компонентов, для последующего этапа – возможности их существования.

Специфика посреднической деятельности предполагает не строгое соблюдение алгоритма, а целевые действия, направленные на установление истины, принимаемой всеми вовлеченными в примирительную процедуру. Медиатор – ключевая фигура для медиативного, мирного регулирования,

¹ Fuller L.L. Mediation: Its Forms and Functions // Southern California Law Review, 1971. – Vol. 44. – P. 330–331.

² См. об этом подробнее: Вдовина А.В. Жак Деррида о двойственности философских текстов и этике деконструкции // Дискуссия. – 2012. – № 1. – С. 12–14.

поддерживающая стабильность существующих в рамках примирительного процесса взаимоотношений. Стабильность и выстраивание приемлемой коммуникативной атмосферы позволяет объединить под медиативным регулированием людей, представляющих различные профессии и социальные статусы. При этом не стоит расценивать стабильность как «состояние покоя», поскольку позиционный сдвиг, применяемый медиатором, не может быть достигнут исключительно посредством этики, логики, юридических доводов или рационального рассуждения¹, а значит предполагает некоторую степень дискомфорта для сторон. Стабильность прослеживается именно в самом алгоритме проведения примирительной процедуры, при которой каждая сторона осведомлена как о своих, так и о действиях оппонента и посредника на ближайшее время. В этом плане медиация обладает возможностью выстраивания гибких связей с приоритетными взаимоотношениями в социуме: социальными, семейными, производственными и т.д. Данные направления имеют сложную медиабельность, поскольку в них отсутствует ярко выраженная причина спора. Однако, даже с учетом неполного объема разрешаемой конфликтной ситуации, с помощью медиации конфликт может быть лучше понят сторонами и переведен на управляемый уровень². Посреднику предстоит решить ряд сопутствующих макропроблем, прежде чем подойти к самой сути разногласий. Усугубляется ситуация и требованиями сторон к предпочтениям и удовлетворению именно их интересов. Назревает вопрос необходимости введения свода правил, позволяющих трактовать действия, совершаемые социальными субъектами, в соотношении причиняемого вреда субъекту конфликтного взаимодействия. К сожалению, кодифицировать все социальные взаимоотношения невозможно так же, как и спрогнозировать вариации дальнейшего развития событий. В условиях медиативного регулирования наиболее близким по смысловому значению

¹ Курганская М.Я. Профессионально-личностные компетенции медиатора и его роль в процессе внесудебного урегулирования споров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 7А. – С. 163.

² Пономарева Н.Г. Проблема медиации: структурный и историко-генетический аспекты. URL: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2011/02/02/?print> (дата обращения: 12.12.2019).

является именно посредническая деятельность. Медиатор не дает оценочных суждений о правоте позиций, а способствует установлению согласия между субъектами, вовлеченными в конфликт. Задача посредника – создавать границы этического комфорта, физической, духовной и психологической безопасности для участников примирительного процесса. Также для посредника имеют значение подлинное и законное расширение прав, признание человеческих качеств как личности и значимости всех сторон медиативного процесса¹. Вследствие этого стороны приобретают эмоциональную стабильность, повышая продуктивность совершаемых ими действий. Медиация – не только факт примирения, но и начало большого коммуникативного процесса по установлению взаимоуважительных, добрососедских, доброжелательных отношений на основе этизма. Удачное сочетание обеспечения личных интересов и уважение к оппоненту – залог долгосрочной бесконфликтной коммуникации. По нашему мнению, посредническая деятельность, в отличие от переговорного формата, исходит из стратегии «выиграть-выиграть»². Для медиации мало найти компромисс, при котором все стороны идут на уступки, ущемляя или сдерживая себя. Достигается иной, более качественный результат, основанный на взаимном удовлетворении интересов. От медиатора требуется «сопроводить» стороны к осмыслению предмета спора, раскладыванию его на структурные компоненты и на основе этого – принятию взаимоприемлемых решений. Медиатор может «возвращать» реплику стороны, не комментируя, а лишь акцентируя внимание на необходимых для примирительной процедуры фактах³, и благодаря такому способу удается актуализировать факты конфликтного события без субъективной оценки, интерпретации и присущих конфликту эмоций. О.В. Аллахвердова, в частности, отмечает особую значимость медиатора в посредническом процессе, так как он

¹ The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict by Joseph P. Folger and Robert A. Varuch Bush // Hardcover, Revised edition. 2004. – P. 85.

² См. об этом более подробно: Носырева Е.И., Стернин И.А. Посредничество или медиация: к вопросу о терминологии // Третейский суд. – 2007. – № 1 (49). – С. 13.

³ Киндеркнехт А.С., Яковлева Ю.А. Вербальные и невербальные средства выражения нейтральности в коммуникативном поведении медиатора // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С.87.

управляет переговорами так, чтобы стороны остановились на наиболее выгодном и реалистичном соглашении, в рамках которого конфликт и будет урегулирован¹.

Посредничество – гибкий процесс, поскольку ставит целью решение конфликтной ситуации исключительно ненасильственным путем. Мирные средства разрешения вырабатываются сторонами, что особенно ценно, поскольку создается паттерн возможности мирного разрешения на основе согласия, даже если споры повторятся в будущем. Деятельность медиатора, отчасти, сводится к работе с мировоззренческим компонентам субъектов, а если быть еще точнее, то роль посредника в трансформации исходной воли субъекта и конвертации ее в мировоззрение, сформированное из ценностей (внутри конкретной процедуры медиации), скрытых от субъекта до этого момента. Мы склонны предположить, что воля субъекта, оказавшегося в замкнутом пространстве конфликта, уже содержит вариации развития событий, в том числе, основанные и на медиативной процедуре.

Знакомое нам от А. Шопенгауэра понятие слепая воля, по мнению Ю. Банзена выступает единственной реальностью и способна распадаться на множество отдельных волей, при этом, отмечается и их возможная противоречивость. Диалектика Ю. Банзена, соприкасающаяся с гегелевскими воззрениями, приводят к метафизическому плюрализму и индивидуализму, где сущность мира заключается в самораздвоении мировой воли, выраженную в разобщении взаимопротиворечащих субъектов и в раздвоении воли каждого из них. Философ отмечает, что противоречия между индивидуальными волями и внутри каждой из волей разрешены быть не могут, но не исключает того, что нравственность субъекта предполагает действия, исходящие из своей воли при согласовании с волей других людей². Подобная противоречивость может быть вызвана и отсутствием структурных предпосылок для появления технологий социальной регуляции, в которой посредником уравниваются возможные

¹ Аллахвердова О.В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Социальные коммуникации. – 2010. – № 4а. – С. 2.

² См. об этом подробнее: Огурцов А.П. Банзен // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.

вариации индивидуальных волей и порождается, то самое соглашение для совершения действий под воздействием воли в рамках материального мира. У любого противостояния, противоположности у мира или борьбы мотивов у субъекта, есть конечный результат или множество интерпретаций такого результата, что позволяет увидеть социальный мир способным к общественным изменениям. В конечном результате, преуспеть в синхронизации воли и разума субъекта с действиями примирительного характера – значит использовать социально-созидательный потенциал. По мнению В.С. Барулина, учитывая такую значимую человеческую возможность, модусы человеческого бытия, например, смысло-ценностное самоутверждение, будет иметь стремление к абсолютному. В нашем контексте, к абсолютному согласию.

Видение А.С. Арсеньева на отношение «Человек – Мир» содержит личностное размышление об опосредованной разумом форме привычного, выступающем началом антропогенеза. Такое отношение представлено философом в форме потенциальной бесконечности (Эволюция, развитие, творчество), как «снятии» во времени конечных определенностей в чувственно воспринимаемой «проявленной» области бытия, и актуальной бесконечности (телеологичность, целеполагание), содержащей все, что может быть достигнуто в потенциальной бесконечности в будущем, связанной с областью непроявленных форм, образов, смыслов. По мнению А.С. Арсеньева взаимодействие этих отношений приводит к представлению о развитии как интерференции сменяющих друг друга фаз различной глубины и длительности. Связано это, как правило, с преобладанием рефлексии (погруженностью в себя, выработкой устойчивого основания, способного противостоять внешней среде) или трансцендирования (экспансии во внешнюю среду). В медиативной процедуре, по нашему мнению, задействованы эти отношения при работе воли над поиском удачного решения. Творческая составляющая может отвечать за вид и формат примирительного соглашения, тогда как телеологичность будет отвечать за необходимость применения отношений, в рамках единого примирительного процесса, осложнённого разнообразием предпринятых субъектом действий.

Такой путь организации примирительного процесса, возможен благодаря навыкам саморефлексии, которые присутствуют в профессиональном поле медиатора, а еще и уникальных компетенциях прослеживания конечного пути такой рефлексии. Важно, чтобы медиатор состоялся не только в трудовой сегментации, но и «исполнился в качестве Человека». М.К. Мамардашвили описывает субъекта в виде существа, возникновение которого непрерывно возобновляется и чувство, например, «уникальности» свойственно человеческому естеству¹. Предложенная философом «реальная философия», это альтернатива имеющимся философским системам и затрагивает более практическое применение самой философии: «философия позволяет нам понять, какими будут наши чувства после того, как мы установили, что наши чувства означают на самом деле». Т.е. чувственное состояние личностей, мы можем экстраполировать на функциональное поле и разъяснив чувственные аспекты сторон, приблизиться к конкретным примирительным действиям. Именно чувство уязвимости оказывает воздействие на качество и характер коммуникации в процессе медиации².

Идеальный тип как методологическое средство социально-исторического исследования, как известно, призван сформировать представление об идеальной модели социальных явлений, а в случае проводимого нами исследования – об идеальном типе медиатора. В концепции «идеального типа» определенные социальные явления (для последующего корреляционного анализа) сопоставляются с теоретическими идеалами (в случае нашего исследования это качества медиатора, которыми он должен обладать) и практическими, уже сложившимися, сторонами определенного явления. Наше осмысление «идеального типа» медиатора основывается на философском значении идей М. Вебера, в частности, его концепции «понимающей социологии». Категории,

¹ Высоцкая Н.М., Цыплакова Е.Ф. Сознание философа (на основе анализа творчества М.К. Мамардашвили) // Вестник ТГУ. – 1997. – № 3. – С. 70–75.

² Bader E. The Psychology of Mediation (II): The IDR Cycle, A New Model For Understanding Mediation [Digital resource] // Everything mediation. 2011. URL: <http://www.mediate.com/articles/baderE3.cfm> (дата обращения: 03.06.2020).

составляющие «понимающую социологию», это прежде всего поведение, социальное доверие и действие. В основе социального действия кроется смысл, заложенный самим субъектом. В связи с этим в социальном действии заключен калейдоскоп смыслов, оказывающих воздействие на общественные взаимоотношения.

Согласно М. Веберу, идеальный тип формируется односторонним акцентированием одной или более точек зрения и синтезом очень многих расплывчатых, более или менее разрозненных, имеющихся налицо или отсутствующих конкретных индивидуальных явлений, которые организуются в соответствии с этими односторонне подчеркиваемыми точками зрения в единую логическую конструкцию. Исследователь отмечал, что «идеальный тип» не может быть найден в эмпирическом мире, но стремление к нему – это актуальная социальная задача.

Остановимся более детально на концепции «идеальный тип», предложенной М. Вебером: 1) извлечение «идеального типа» не осуществляется непосредственно из процесса наблюдения, а выстраивается как единая теоретическая смысловая конструкция, основанная на усилении логических связей всех элементов, встречаемых в различные периоды и в различных общественных формациях; 2) построение «идеальных типов» обусловлено выдвижением гипотез. Определенный факт необходимо проанализировать, выделив его взаимосвязи. Установив «идеальный тип», сделать это становится сравнительно проще, и выбор взаимодействия с анализируемыми параметрами становится шире; 3) «идеальные типы» по своему смыслу далеки от реальности, поскольку представляют собой мыслительные конструкции, редко встречаемые в действительности, однако представления, воздвигнутые в абсолют, чрезвычайно важны как ориентиры для качественного развития; 4) М. Вебер отмечает, что используемые в науке категории по смысловому значению ближе к идеальным типам, нежели моделям определенной исторической системы; 5) «идеальный тип» призван фиксировать «культурный смысл» определенного явления. Став

эвристической гипотезой, «идеальный тип» упорядочивает многообразие материала без согласования к заранее заданной схеме¹.

Принимая во внимание вышеуказанные структурные компоненты «идеального типа» предложенные М.Вебером, выстроим «идеальный тип» медиатора, от роли которого зависит обеспечение социального согласия в общем смысле и урегулирование конфликта, в частном.

Ситуации, происходящие в мире и в современном российском обществе, напоминают субъекту о вечном, о том, что когда-то говорил Протагор: «Человек есть мера всех вещей». Все чаще субъект вынужден обращать внимание на себя. Интроспективная оценка не всегда находит внутреннее одобрение, что неминуемо вызывает конфликт, отказ от привычных моделей поведения и социокультурного базиса. Логично, что субъект пытается «заместить» то, что ему не достает, или то, что не получает внутреннего одобрения. В таком случае намечается упадок общего состояния, изменяется бытие субъекта как таковое. Замещение осуществляется бесконтрольно, без оценки и критического взгляда, поскольку в той или иной сфере жизнедеятельности присутствует острая нехватка эталона, «идеального типа», по которому можно осуществлять сравнение. В конечном итоге субъект остается беспомощным перед многовариативностью мира, поскольку нагромождение мировоззренческих смыслов не приводит к единообразию и согласованности. Намеченная тенденция неутешительна, поскольку субъект не подходит осознанно к выбору нравственных установок, соблюдению этики и других особенностей, присущих гармоничному человеку. Мода «играет» с субъектом, отбирая его будущее. В обществе потребления коммуникация строится не на желании поделиться красотой внутреннего мира, а на точках соприкосновения в коллективной гонке за «модными» идеалами. Игнорируя сигналы собственной души, субъект выбирает себе идола, веру, вектор развития, рекламируемый для него другими. Казалось бы, «идеальный

¹ Социология, антропология М. Вебера // Территория корпоративной культуры. URL: <http://www.trkk.ru/data/articles/104-sociologiya-antropologiya-m-vebera.html> (дата обращения: 12.01.2021).

тип» в каком-то роде также является рекламным, однако это не так, и причина в том, что «идеальный тип» не ищет своих протагонистов. Важно понимать, что у субъекта, занимающегося собственным физическим и духовным развитием, должен быть пример гармоничного сочетания социокультурных установок. Перенасыщение в чем-либо ведет к образованию конфликтов, прежде всего, внутриличностных. Результат вышеизложенных «стремлений» современного человека сформулирован З.Я. Рахматуллиной: «Современная жизнь демонстрирует судьбоносную аксиому: интеллектуализм без этизма, ум без добродетелей, знания, не одухотворенные высшими моральными ценностями и ответственностью, мировоззренческий кругозор, не преломляющийся через гуманизм, экологизм, патриотизм и гражданственность, могут стать разъединяющим и разрушительным, а не консолидирующим и созидющим началом»¹. Однако, что сильнее послужило образованию данной тенденции: безразличие человека к саморазвитию или образовавшаяся социокультурная среда? Бесспорно, процесс саморазвития – это персональная ответственность каждого, но социокультурное состояние общества — это всегда ответственность коллективная. Если общество пребывает в культуре потребления, значит представляется возможным сменить «потребление» на «созидание» с помощью определения социокультурных «ключиков» современного субъекта. В связи с этим общество нуждается в определении такого идеально-типологического образца, которое бы служило ориентиром в формировании духовных, физических и др. характеристик личности. М. Вебер под «идеальными типами» понимал идеальную модель, придерживаться которой было бы целесообразно, поскольку в ней заключены как интересы личности, так и общества в определенный исторический отрезок времени. По мнению М. Вебера, «идеальные типы» будут представлять ценность для общества, являясь поддержкой на пути и личных, и социальных позитивных преобразований. В данном контексте «идеальный тип»

¹ Рахматуллина З.Я. Знания без воспитания – меч в руках сумасшедшего // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 3-1. – С. 1221.

медиатора также является «эталонным образцом» для осуществления качественной и эффективной миростроительной деятельности.

Посредническая деятельность – это не только приведение нарушенного социального закона в его первоначальное состояние, но и кропотливая работа по профессиональному, личностному совершенствованию. Медиатор в условиях кризисного периода для конфликтующих сторон выступает неким гарантом коммуникативной теории справедливости, в связи с чем интеграция норм этики в совершаемые им действия – компетенция самого посредника. К примеру, само понятие естественного закона изначально имело нормативный посыл (Закон Божественный, Разумный и Справедливый), позже заполнило область когнитивного, став законом не должного, а сущего, обретя форму социального закона¹. Другими словами, то, что возвращает «социальный закон» на круги своя (а это этика, гуманистические компетенции, справедливость) должны для медиатора стать понятиями, описывающими его отношение к делу. В частности, А.Б. Гофман отмечает, что справедливость, включающая в себя «естественные, неотчуждаемые и священные» права человека, неотделима от них и как бы в них встроена². Справедливость для каждого человека – понятие субъективное, и здесь видна особая связь с конфликтом. Общими для справедливости и конфликта будет неотчуждаемость от социальных взаимоотношений, что и приводит к необходимости в медиации понять одновременно и конфликт, и установление, зачастую субъективной, справедливости. Проблемы справедливости волновали сообщество на всем протяжении его развития, поэтому философия как особая форма мыслительной деятельности, направленная на осмысление явлений бытия, не осталась в стороне от исследования справедливости. В частности, в качестве современного теоретического осмысления философских аспектов справедливости можно привести исследования Е.С. Матвеева и О.А. Останиной, в которых

¹ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии (1995). – 9-е изд. – М.: КДУ, 2008. – С. 41–49.

² Гофман А.Б. Справедливость как социологическая идея: от классики к современности // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Т. XIX. Вып. 1-2. – 2017. – № 93–94. – С. 67.

комплексно проанализированы концепции понимания справедливости как социально-культурного явления¹.

Социальная справедливость – это границы медиации, а вот этическая сторона – уже персональная ответственность медиатора за конкретный конфликт. Предположим, что общественное обсуждение модели, а именно модели, а не конкретной ситуации, встречает ряд споров и не освобождает от предвзятости к личности выступающего со стороны публики. Другими словами, медиатор оперирует принципами философии конфликта, опираясь на свой мировоззренческий и культурный кругозор, социальную мораль, нормы законодательства и общественное мировоззрение. В таком случае этической стороной вопроса для медиатора будет ежедневное саморазвитие, совершенствование не только в конфликтной плоскости. Стагнация в мыслях будет отражаться на результатах, что и станет спорным моментом соотношения медиации и конфликта. Используемые при этом компетенции резюмируются в медиативную компетенцию². Этика посредника – выборка из социокультуры таких отношений, как «человек-человек», «человек-конфликт» и применение этих положений к реалиям сложившейся конфликтной ситуации. Этическая основа – еще один действенный механизм конвертации неуправляемого конфликта в русле консолидации общих усилий во благо выработки решений прекращения активной формы эскалации конфликта.

Современное общество многогранно, а социальное развитие разнонаправленно. Так, медиация превращается в инновационный механизм пресечения деструктивных последствий на месте стыка социальных направлений. Одним из таких новейших направлений может служить урегулирование конфликта между органами государственной власти, институтами гражданского общества, субъектами. По своей сути структурный компонент конфликта един,

¹ См. об этом подробнее: Матвеев Е.С. Философские трактовки идеи справедливости (эпоха Античности – Новое время) // Молодой ученый. – 2019. – № 29 (267). – С. 161–164; Останина О.А. Справедливость: философские аспекты исследования // Вестник ВятГУ. – 2016. – № 10. – С. 5–7.

² Хертель А. фон. Профессиональное разрешение конфликтов. Медиативная компетенция в Вашей жизни. – СПб.: Изд-во Вернера Регена, 2007. – С. 9.

несмотря на разницу его участников. Медиация помогает выстраивать коммуникацию, решая идеологические, этические, социальные, личностные, социокультурные задачи. Социальный конфликт осложнен вероятностными ошибками в принятии решений, поэтому компетентность медиатора – ключевой параметр медиативного процесса. Как известно, в условиях полного примирения в социальном взаимодействии конфликт прекращается как объективно, так и субъективно. Происходит «перестройка» всего образа конфликтной ситуации, в результате которой «образ врага» вытесняется «образом партнера», а психологическая установка на противоборство сменяется ориентацией на сотрудничество¹. Взвешенные решения медиатора, продиктованные стратегической диспозицией, сохраняют консенсус даже у сложных по своему коммуникативному признаку сторон, втянутых в конфликтное разбирательство. В рамках состоявшегося медиативного процесса конфликт может и не перейти в завершённую стадию, но тогда конфликт обретает границы, что, в свою очередь, выступает как сдерживающий фактор апогея конфликтного противостояния. К сожалению, не все конфликты медиабельны, и тогда перед конфликтологом возникает «патовая ситуация», создающая иллюзию бездействия в постконфликтном участии. Однако сеанс медиации можно рассматривать как первый и самый значимый шаг к примирению. В рамках одной территории, под наблюдением посредника, обговариваются положения, составляющие основу медиативного соглашения в будущем. Создание безопасных условий для обсуждения – успех, сравнимый только с разрешением самого конфликта. При наличии желания снять беспокойный вопрос и для сохранения ресурсов необходима безопасная зона, где медиатор – часть констатации начала доверительной беседы. Попадая в ситуативную «вилку», при которой, с одной стороны, конфликт не решается по ряду объективных признаков, а с другой стороны, сохраняется слабый, но все же сигнал, побуждающий стороны решить обоюдные претензии, у медиатора остается возможность для смягчения пикового

¹ Спилман К. Образы врага и эскалация конфликта // Международный журнал социальных наук. – 1991. – № 3. – С. 61–82.

состояния конфликта. Другими словами, при невозможности решить конфликт стоит приложить усилия для еще одной попытки примирения.

Предлагаемый нами «идеальный тип» медиатора должен состоять прежде всего из знаний и навыков, а также культурного, социального, эмоционального и этического интеллектов, существенно помогающих посреднику в реализации примирительных задач. Посредник должен быть авторитетным в плане знаний и компетенций, но и в то же время должен быть «обезличенным», чтобы его авторитет не влиял на результат и принятие решений людьми. Логично, что авторитет должен помогать сторонам, а не становится сдерживающим фактором примирительного процесса, однако грань дозволенности остается на усмотрение медиатора и не может быть регламентирована.

В работе медиации, особенно для своевременного декодирования информации и установления коммуникационных связей между сторонами, необходим социальный интеллект. Выстраивание коммуникативных условий имеет весомое значение для ряда социальных противоречий. В такой деятельности не обойтись без коммуникативной технологии, под которой понимается система из способов и средств, составляющих алгоритмы, комплексное применение которых позволит оптимизировать задействованные коммуникативные ресурсы¹. К примеру, в условиях этнополитических конфликтов «язык ненависти» должен получить осмысление с разного ракурса на эту проблему. В таких условиях надломы коммуникации становятся средством разобщения людей и началом длительной эскалации, насильственного угнетения, создания поглощающей атмосферы ненависти.

Наравне с коммуникативными предпосылками для медиатора важны и чувственный аспект, его стремление понять и, при своевременной идентификации, нивелировать возможные острые моменты примирительного процесса. Чувственный аспект способен помочь в интерпретации значимых для сторон культурных обычаев и этических установок. Незаменим чувственный

¹ Макович Г.В. Коммуникативные технологии в деятельности профессиональных групп // Вопросы управления. – 2014. – № 3 (9). – С. 156.

аспект и в процессе улавливания скрытых переживаний, вызванных как условиями проведения медиации, так и другими факторами. Учет обозначенных нюансов позволяет наиболее полно сосредоточить усилия на конечном результате примирительного процесса. Как правило, результат диспозитивен: прийти к нему можно разным средством и основываться на совокупности требований культуры, этики, традиций. Нередко субъективное поведение в конфликте и последующие средства конфликтной регуляции сдерживаются нормами морали или обычаями. Для медиатора это перерастает в потребность дополнительного изучения основных норм традиций и культурных предпосылок всех сторон конфликтного взаимодействия, используя потенциал культурного интеллекта. Стороны не имеют возможности адекватно и объективно противиться сдерживающим их действия факторам. Причин здесь несколько: это личная парадигма, которая соотносится с зоной комфорта, и неспособность оценить свое положение отвлеченно и независимо. В условиях медиации такие ограничения обозначены широким спектром задач внутри самих сторон, поскольку совершаемые действия проходят стадию внутриличностного одобрения, прежде чем воплотиться в материальном мире. При этом не имеет большого значения действие культурных норм на момент проведения медиативного процесса, и это стоит учитывать при разработке примирительного сценария.

Еще один нюанс, о котором должен быть осведомлен медиатор, это кросс-культурные ловушки в рамках процесса медиации. Заинтересованность в культурных проблемах в геополитическом масштабе снижает возможные риски, поскольку анализируются динамика и потенциальные зоны риска, вызванные различным «культурным фоном». Данный фактор влияет на дальнейшее развитие как самого конфликта, так и на выработку посреднических компетенций. Важно не допустить «проседания» коммуникативного процесса и сделать все возможное, чтобы диалог привел к позитивному решению. Используют ли участники различный понятийный аппарат, усугубляя коммуникативный казус или используя не совсем уместные средства, – все это не столь актуально, поскольку именно на медиатора возлагается ответственность по полному коммуникативному

сопровождению конкретной примирительной процедуры. Медиатор должен сгладить пробелы в социальных навыках, если таковые есть, у той или иной стороны. К примеру, нивелирование отсутствия навыков стороны отстаивать себя в равной степени либо отсутствия представлений о механизмах коммуникации, общественного устройства – дело именно посредника в медиативном процессе.

Эмоциональный интеллект представляет собой сложную организацию чувственных ощущений и индивидуально-развитых способностей «прожить» конфликтную ситуацию, понять глубину разногласий и с вниманием к эмоционально-психологическому состоянию сторон перейти к процессу медиации. Существенным преткновением для самого медиатора является убеждение сторон в шаге навстречу примирению. Препятствием на использование посреднической деятельности зачастую выступает уговор сторон, который и может стать основой внутриличностного конфликта для самого медиатора. Здесь же можно отметить проблему уровня эмпатичности или вовлеченности в конфликт. Разница в том, что степень вовлеченности или же, напротив, абстрагированности трактуется исходя из опыта медиатора и конкретной конфликтной ситуации. В связи с этим закономерным является вопрос о той самой степени эмпатии в деятельности медиатора. З. Фрейд в работе «Остроумие и его отношение к бессознательному» описывал эмпатию, как диспозицию относительно психическое состояние пациента, стремление понять его, сравнивая со своим собственным¹. Акцентом в процедуре эмпатии является объективная сторона исследуемого процесса. Именно эмпатия предоставляет возможность сбора наиболее достоверной (приближенной к реальности) информации о мыслях и чувствах относительно сложившейся конфликтной ситуации. Медиатор ищет точки соприкосновения, старается познать природу конфликта и прекратить разногласия в точках, наиболее близких к внутренним позициям каждой из сторон. Поэтому эмпатия в деятельности медиатора – это ключ к пониманию другого человека, находящийся непосредственно внутри самого медиатора.

¹ См. об этом подробнее: Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – М.: АСТ, Минск: Харвест, 2006.

Этический интеллект заключен не только в строгом соблюдении регламента медиации, этических норм, но и в создании взаимоуважительной атмосферы. Общение, которое выстраивает медиатор, необходимо для понимания того, что хочет извлечь каждая сторона из сложившегося конфликта. При этом медиатор не выходит за границы сопровождения конфликта и не предлагает, как стоит поступить. Только в одном случае медиатор вправе высказать мнение. Особенность консультационного посредничества скрыта в том, что противоборствующие стороны получают предварительное согласие медиатора относительно ситуации, когда самостоятельно найти решение не представляется возможным. В таком случае медиатор может высказать мнение в формате консультационного посредничества. Однако следует помнить, что медиатор не принимает решений, они вырабатываются сторонами самостоятельно¹, при этом мнение медиатора не является обязательным к исполнению, но стороны могут использовать предложенный механизм разрешения спора.

В примирительных технологиях важно понимание, что спорят конкретные субъекты социальных отношений, представляющие определенные стороны. Медиатору необходимо деликатно настроить стороны на то, что «статусное информационное сообщение о субъекте» в рамках примирения будет не помогать, а существенно сдерживать сеанс медиации. В примирительном процессе стороны не должны представлять свой статус, возраст, пол, профессию и все то, что может оказать влияние на конфликтное разбирательство и внести в него неактуальный, дополнительный информационный посыл. Медиацией занимаются стороны, а не статусы, негласное соревнование которых приводит к вполне ожидаемым проблемам обоюдного восприятия субъектов и их позиций. Безусловно, принадлежность человека к чему-либо льстит ему, сообщает уверенность или придает иную форму внутренней поддержки, но лишает возможности объективно рассуждать о случившемся конфликте, а так называемый «памятник человеческой

¹ См. об этом подробнее: Аллахвердова О.В., Павлова М.В. Опять о конфликтах и почему медиация не популярна? // Медиация (Практическое издание). Новый подход к разрешению конфликтов. – Пермь: РЕСУРС, 2009. – С. 7.

глупости» одинаково применим для двух спорящих сторон. Сохранение критичного взгляда предоставляет возможность взглянуть на проблему не локально, непосредственно, а абстрагировано, с оценкой всей проблематики конфликтного взаимодействия в обществе, что могло бы оказать влияние на желание сторон искать приемлемые варианты для заключения договоренностей.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод об актуализации вопросов медиации в современных условиях. Именно этико-гуманистическое наполнение этой процедуры является неким сигналом, призывающим общество к активному знакомству с институтом медиации, использованию без сомнений и предубеждений. В связи с этим актуализируются темы подготовки кадров, ориентации на «идеальный тип» медиатора.

Начавшиеся шаги интеграции медиации в современную российскую действительность закономерно обуславливают необходимость решения организационных вопросов в рамках самой медиации. К примеру, в силу того, что медиация охватывает практически все социальные отношения, прогноз возможности перехода медиации в социально-правовую культуру достаточно велик, особенно если учитывать развитие и активное применение диспозитивных начал участниками правоотношений как демократических начал, заложенных в политическом режиме государства¹. Вследствие этого необходима выработка форматов урегулирования разногласий и создания полноценного социального института. Данная задача требует, как минимум, решения вопроса укомплектования и подготовки высокопрофессионального корпуса медиаторов на постоянной основе. Безусловно, это трудоемкая работа, вмещающая как познания в области философии и этики конфликта, так и создание критериев оценки уровня подготовки медиатора. Значимым в этой деятельности будет создание «зон обмена», благодаря которым произойдет развитие сосуществования многообразия

¹ Кузбагаров А.Н. Причины возникновения юридического конфликта и примирение конфликтующих как способ их разрешения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 3. – С. 27.

видов научных подходов, взаимосвязи теории и эксперимента¹. Актуализируется необходимость и в дальнейшем совершенствовании и корректировке процессуальных механизмов для регулирования медиации без казусов и правовых коллизий. Однако кадровый вопрос на сегодняшний день – приоритетная задача для медиативной деятельности. Просветительская и практическая деятельность невозможны без профессионалов своего дела. Для озабоченности по поводу состояния кадрового вопроса есть свои причины. К сожалению, по мнению Б. Марша, в части академических знаний обучающимся предлагаются курсы медиации: «Он (курс), главным образом, не касается навыков медиатора, скорее – теоретической базы медиации»². Данную цитату мы привели для того, чтобы продемонстрировать претензии экспертного сообщества к практической части преподавания курса медиации. В нашем контексте имеет смысл не профиль обучающихся, а именно отсутствие комплексного подхода в подготовке конфликтологов, основанного на этико-философских подходах. Фактически отсутствует полноценная система, в своем классическом виде, профессиональной подготовки медиаторов. Безусловно, это процесс, требующий системных мер, и за короткое время проблему не решить. Однако именно полноценная подготовка специалистов (теоретиков и практиков) с сопровождением, обучением и последующим трудоустройством будет целенаправленно работать на культивирование бесконфликтного взаимодействия, совершенствовать не только саму процедуру медиации, но и социально-правовую сферу общественных отношений. Более того, вопрос подготовки медиаторов соотносится с предложениями по развитию медиации на территории России, а именно по формированию российской национальной модели примирительной процедуры, имеющей комплексный характер³. В организационном плане сформированный

¹ Баранец Н.Г. Проблема медиаторов «зон обмена» // Эпистемология и философия науки. – 2017. – № 4. – С. 40.

² Марш Б. За 20 лет я сказал сторонам, что их дело не готово к медиации лишь дважды // Юридический портал. URL: <http://pravotoday.in.ua/ru/press-centre/legal-style/ls-71/> (дата обращения: 11.03.2020).

³ Хахалева Н.В., Кучма Е.А. К вопросу о создании российской системы примирительных процедур // Достижения науки и образования. – 2018. – № 12 (34). URL:

сегодня корпус медиаторов на базе территориальных центров уже показал свою эффективность и закрыл первейшую проблему укомплектования специалистов-медиаторов в современном российском обществе. Первичное принятие и адаптация механизмов примирительной техники осуществлялись именно этими специалистами, на которых возлагались задачи в организации и решении процессов медиативной интеграции. Проблемы есть в каждом субъекте и, с учетом выделенных в данной работе сфер, конфликты затрагивают молодежные, семейные, социальные, трудовые и др. взаимоотношения. Небольшой штат конфликтологов сегодня может «закрывать» возникающие конфликты в этих направлениях в связи с еще неокончательным принятием обществом медиации, но в перспективе необходимо разделение специалистов-конфликтологов по конкретным зонам социальных отношений. В связи с этим обучение конфликтологов должно содержать в своем описательном аспекте вышеуказанные сферы в дискурсе, достаточном для выполнения локальных задач конфликтологической направленности. Описательная часть позволяет фиксировать структурные и динамические характеристики конфликта и управлять вариациями интерпретации конфликтной ситуации в моделях и примирительных сценариях. Развитие навыков в описании и последующей интерпретации необходимы как в интроспекции, так и в наблюдении за внешними отношениями. Компетенциями курса могут стать: 1) умение видеть ситуацию в целом (применяя индуктивное умозаключение); 2) умение слышать и принимать мнения всех участников примирительного процесса; 3) умение удержать в примирительном процессе интересы всех партнеров по переговорам. Обучающиеся должны выработать способность не просто выслушать и принять точку зрения, но и удерживать в своем видении конфликтной ситуации видение другого. Безусловно, не имея практического опыта и должных способностей, закрепить эгоцентрическую позицию в конфликте, как правило, невозможно. Повседневная реальность осложняется новейшими проблемами, вызывая иные формы

социального напряжения. Назрела потребность в наращивании медиативного потенциала и охвата общественных институтов. Разумеется, подобное масштабирование требует наличия не просто учебного центра в каждом регионе Российской Федерации, а полноценного института медиации. Разработка программ, отвечающих требованиям государственного образовательного стандарта, позволит системно осуществлять подготовку, координируя усилия на необходимых в дальнейшей работе функциях медиации. Учитывая обилие социальных конфликтов и их разнообразие, подготовка будет удовлетворять точечные потребности, увеличивая шансы на мирное разрешение конфликтов. Более того, медиативному процессу присущ ряд нюансов, ограничивающих прохождение стажировки в привычном для всех виде. Получить необходимые навыки организационно-медиативной работы придется после удовлетворения требований, предъявляемых к медиатору: возраст, получение образования, другими словами, после непосредственного допуска к процедуре медиации. Профессиональная подготовка изначально нивелирует возможные погрешности, поскольку образовательная программа наиболее полно охватывает все возможные вопросы, касающиеся медиации. В качестве последующего трудоустройства могут выступать государственные социальные учреждения, органы государственной власти, органы правосудия и организации, где конфликт имеет место быть вне зависимости от своей формы, структуры и социальной значимости. Возникает вопрос о том, как учить, и здесь опыт, накопленный медиативным сообществом, придется как нельзя кстати. На данный момент центры подготовки медиации охватывают значимые географические пространства, начиная от Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга. Если говорить про регионы, то здесь становление медиации происходило и происходит по-разному, что требует пристального внимания и помощи со стороны экспертного сообщества¹.

¹ Голуб О.Ю. Перспективы развития медиации в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2017. – № 1. – С. 35.

Есть смысл остановиться и на конкретных вопросах подготовки будущих медиаторов-специалистов. В период становления медиации экспертное сообщество высказывало идею подготовки медиаторов на платформе юриспруденции. В частности, такое решение продиктовано самим законом о медиации и требованиями компетенции в правовых спорах гражданских, трудовых и семейных правоотношений. Также профессиональный медиатор должен владеть навыками взаимодействия с судами общей юрисдикции, нотариатом и арбитражными судами в поле действующих норм законодательства. Данное требование аргументировано тем, что большинство споров между субъектами имеет правовую составляющую¹. Однако, учитывая обозначенную в данной работе необходимость разделения медиации как примирительной технологии в правовых взаимоотношениях и медиативных технологий как действенных механизмов разрешения социальных разногласий, есть необходимость форматирования требований к медиатору, исходя именно из решаемых им конфликтов.

Медиатору необходимы глубокие знания философии, этики, культурологии, социологии, психологии, педагогики, а порой и узкопрофильных отраслей. Все это формирует критичность восприятия доверителей (сторон) к медиатору, и именно этот аспект отражается на положениях, вносимых в медиативное соглашение. В совокупности требования к компетенциям современного медиатора ставят его деятельность в категорию востребованных не только «здесь и сейчас», но и в будущем. Унификация и объединения зон ответственности становятся дополнительными требованиями, с одной стороны, отягощающими профессию медиатора, а с другой стороны, предполагает полноту и свободу действий. Медиатор, совмещающий в себе прочные этико-философские, культурологические и др. знания, становится экспертом сразу в нескольких областях знаний. Экономия времени, ясность в ситуации и полнота

¹ Станкевич Г.В., Соловьев А.М. Проблемы эффективности медиации при разрешении споров: субъективные и объективные составляющие // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2018. – № 2. – С. 322.

картины для анализа благотворно влияют на сам процесс примирительной технологии. В любом случае комплексную оценку таких положений только предстоит произвести, но ясно одно: сегодня медиация покидает пределы только лишь правового сопровождения проблемной ситуации, как это предполагалось изначально. Социальное согласие отчасти зависит и от полноты предложенных средств для реализации своих потребностей, одной из которых является потребность в бесконфликтном, устойчивом, гарантированном существовании.

В пользу подготовки медиаторов из числа специалистов-правоведов говорят относительная простота и экономия ресурсов. Положения о том, что лица, получившие юридическое образование, имеют высокие показатели эффективности в правовом регулировании и оценки спорных моментов, не подлежат сомнению. Однако будут ли они в должной степени эмпатичны к проблеме обратившихся? Предназначение медиации – не сформировать новый штат, схожий по своим обязанностям с судьями, а разрешить разногласия между людьми в прежде всего в понятной им плоскости, но в соответствии с нормами этики и правовой культуры. Нормы закона регулируют общественные отношения, следовательно, создаются людьми для людей. В таком случае примирение должно сопровождаться законом, подкреплять и приводить конечное соглашение в легитимные нормы. Сохранение баланса между открытостью и должным уровнем эмпатичности и уже сложившейся манерой следования императивно-диспозитивным мерам подходит не для каждого. Не всегда принцип «что не запрещено, то разрешено» положительно отразится на структуре конфликта. Если вернуться к озвученному мнению об экономии ресурсов, нет подтверждения, что приобретение медиатором ряда иных компетенций и владение техникой регулирования конфликта экономически выгоднее юридической переподготовки выпускников других специальностей. Проблема перед современной медиацией кроется и в отсутствии эмпирических исследований формирования дополнительных компетенций на основе базового образования. Экспертное сообщество в большей степени придерживается мнения о том, что дать сопутствующие знания проще, чем обучить серьезным познаниям

юриспруденции. В доказательство приводятся страны, где медиация практикуется достаточно и ее костяк составляют правоведы. При этом нет мнения, что подготовка медиатора на базе других специальностей проблематична. Напротив, некоторые эксперты отмечают положительное влияние междисциплинарного подхода. Общая картина подготовки профессиональных медиаторов выглядит нелогичной, поскольку отсутствуют системность в понимании и четкие, формализованные требования к медиатору. Получается, что при разнородном составе одна группа медиаторов занята непосредственным участием в проблеме людей, а другая может осуществлять деятельность по наработке материала. При этом не введены критерии эффективности, позволяющие получить прогноз, необходимый для подготовки нового поколения кадров. Также важно отметить, что подобный формализованный подход не должен являться искусственным барьером в работе медиатора и в становлении медиации в целом. Подобные критерии необходимы для статистического анализа и визуального восприятия вектора развития, а не для усиления нагрузки на медиаторов. Осложняет выработку централизованной формы оценки деятельности медиатора факт того, что, при обилии предлагаемых моделей, важными становятся глубокое понимание сущности конфликта, его рассмотрение, эффективность приемов, тактик¹. Однако остро ощущается несогласованность экспертного сообщества в системе оценки деятельности медиатора с присущими качественными и количественными показателями: либо сам медиатор, либо конкретная конфликтная ситуация. Не решен и вопрос пребывания медиатора в составе определенных организаций. Необходимость ограничения членства медиатора в социальных организациях ввиду отмечаемого некоторыми экспертами конфликта интересов² заявлена не так давно и связана, на наш взгляд, с укреплением позиций социальных организаций как посредников между населением и органами государственной власти. В

¹ Громыхалин В.А. О проблеме определения показателей эффективности медиаторской деятельности руководителя организации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2019. – № 03. – С. 37.

² Корсаков А.Н. Перспективы применения медиации в современной России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8. – № 5А. – С. 186.

противовес высказыванию о конфликте интересов необходимо отметить, что вхождение медиатора в социальные ответвления общества позволяет быть в курсе интересов и потребностей этого общества. Совсем иной характер членство приобретает, если организация придерживается экономической, предпринимательской, административной направленности. Тогда, действительно, можно говорить об ангажированности действий. Данный пример является олицетворением возникающих спорных моментов относительно как действий медиатора, так и особенностей его статуса. Подобные проблемы подлежат осмыслению и приведению в единую форму прежде всего для минимизации действий дискредитирующего характера по отношению к медиации.

Остается расплывчатой формулирование социальной «закрепленности» будущих медиаторов. Образовательный процесс для медиаторов в организационных, семейных, этнических, управленческих взаимоотношениях, требует акцентированной подготовки под потребности каждой макрогруппы. В этом ключе, формируемый нами «идеальный тип», призван выступить единой основой в процессе профессионального воспитания кадров, не только до момента локализации заявленной проблемы, но и как этически значимой надстройкой для деятельности медиатора.

Актуализируется тема технологической адаптации и оптимизации медиативных операций в угоду повышения темпов оказания посреднических (примирительных) услуг. Проблемы, которые появятся вслед за стремительным изменением медиации, – дело осмысления в будущем, а в настоящем необходимо уделить внимание цифровизации некоторых жизненно важных процессов и возникающих на этом фоне проблем. Прогнозируя определенные сдвиги в операциях внутри самой медиации, можно определить примерный вектор развития симбиоза медиации и инновационных технологических решений: взаимосвязь социальных конфликтов и информационных технологий, например, идея присутствия медиатора в родительских чатах (школьные взаимоотношения), конфликты, переходящие из интернет-пространства в реальный мир (молодежная среда) и прочие негативные взаимодействия виртуального и реального миров;

необходимость (при возрастающем использовании медиации) оптимизации медиативной процедуры и отдельных ее функций для высвобождения времени и помощи посреднику; создание базы данных, которые могут войти в основу разработок мобильных приложений (кстати, нами созданы подобные базы данных, которые представляют собой практическое средство, существенно оптимизирующее определенные действия медиатора внутри примирительного процесса)¹. Снабжение медиации не только методологическим, но и практическим инструментарием – незаменимая часть реализации стратегических задач по обеспечению бесконфликтной социальной среды в современном российском обществе.

В примирительном процессе, как известно, заложена фабула выбора вариаций. Нет единого предписания, а есть процесс поиска, удовлетворяющего всех решений. Во многом процесс такого поиска осложнен современными особенностями, получившими свое начало задолго до сегодняшнего дня. В качестве предпосылок возникновения сложностей поиска можно выделить положения, содержащиеся в работе Г. Маркузе «Одномерный человек». Работа автора представляет собой философское исследование современной цивилизации, где главенствующая роль отводится развитию технологии и контролю за формами человеческой жизнедеятельности. Философом отмечается формирование в обществе ложных потребностей, привязывающих человека к современной цивилизации и попирающих основы для саморазвития, навязывая формат одномерности как поведения, так и мышления в целом. Обозначены ложные потребности, такие как модель тягостного труда и невозможность обрести человеческую свободу из-за воцарения агрессивности, несправедливости. Главным образом, на степень свободы человека влияет не богатство выбора, а сама возможность выбора². Понятие «одномерности человека», его мышления и

¹ См. об этом подробнее: Салимгареев Д.И. Медиативная технология как инструмент интеграции модели бережливого производства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 2. – С. 85-90.

² Marcuse H. The One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society, 1964.

поведения проходит фильтрацию через медиатора для декодирования смыслов, заложенных участником примирительного процесса. Философское воззрение на одномерность должно побудить ряд вопросов к самой медиации: 1) медиация, в данном контексте является системой качественно упрощающей разрешение конфликта, но не содержит ли она структурных и культурных недоработок? 2) «одномерность примирения» уравнивает стороны, подразумевая временное унифицирование определенных характеристик, не является ли системно-смысловой ошибкой подстраивать социальную сущность субъекта под правила медиации, а не медиации применять уникальный персональный подход? 3) будет ли актуальная одномерность и построение операционных действий в перспективе сдвига поколений или это временная переменная? Данные вопросы обращены не только к медиации, но и к методологии выбора субъектом концепта жизнеустройства. Выбор придерживаться одномерности такой же выбор, что и обрести многомерность. Как известно, субъект, попадая в последовательность социальных систем, осмысляет ее изнутри, затем формируется осознанное противоборства, например, субъекта и природы. Однако сражаясь с природой, чтобы выжить, противопоставляет ей себя и лишается осознания с точки зрения физиологии последствий. Инстинкт агрессивного поведения может являться формой защиты, что для медиации является ритуальной формой канализирования агрессии. Конфликт помогает инстинкту состояться (через реализацию потребностей), потакая одномерности и только медиация, при условии, что субъект решится к ней прибегнуть, обращена в сторону мира идей, в виду специфики работы с ценностями.

На наш взгляд, «идеальный тип» медиатора должен обладать следующими современными коммуникативными компетенциями: 1) разбираться в вербальной коммуникации, осложнённой манерой разговора, частым повторением одного и того же речевого оборота; 2) обладать осведомленностью о «стандартных» темах, используемых для начала общения исходя из культурных особенностей той или иной стороны, а также геополитической обстановки; 3) контролировать обсуждаемые темы с точки зрения этики, культуры общения и речи,

использования запретной лексики, имеющей ярко выраженный оскорбительный характер и др.

В практической деятельности «идеального медиатора» должны преобладать два навыка: 1) коммуникативный навык, который, кроме обеспечения прямой функции по обмену информации, необходим для выполнения функции, «восполняющей пробелы», т.е. сглаживания отсутствия определенных познаний, отражающихся в устоявшихся лексических оборотах, принятых у сторон-участников конфликта фразеологизмах, словесных символах; 2) культурный навык предоставляет возможность интегрироваться в среду, в которой предстоит решать острые социальные вопросы. Целый мир в своем многообразии представлен перед медиатором в усеченном формате. Такой формат также содержит правила поведения, мировоззренческие убеждения, возможные отступления от общепринятых норм морали в части предпринимаемых действий в конфликте. При условии внутреннего неприятия медиатором правил сообщества для достижения результата важно проявить гибкость и профессионализм, который состоит из заранее заготовленного базиса специфических познаний. Уровень личностной культуры медиатора прогнозирует ход развития событий и является оберегающим средством самого медиатора от профессиональной деформации и эмоционального выгорания.

В концепции М. Вебера «идеальные типы» рассматривались не как идеализации образов материального мира (социально-исторической действительности), а как логические конструкции для обработки эмпирических данных. «Идеальный тип» абстрактен, не является усредненным представлением о субъекте или явлении, а также не выступает родовым обобщающим понятием. Представляя собой инструмент социально-исторического анализа, «идеальные типы» соотносятся с исследуемым явлением материального мира для выявления определенных показателей, например, несовпадений «идеального типа» и социальной реальности. Принимая во внимание вышеуказанные структурные компоненты «идеального типа», подытожим сформированный в данном исследовании «идеальный тип» медиатора: он содержит коммуникативные

навыки; культурный, социальный, эмоциональный и этический интеллекты; познания не только в области конфликтологии, но и философии, этики, культурологии.

В связи с этим мы обращаем внимание на формировании «идеального типа» медиатора в духовно-нравственных, познавательных, культурных и социальных аспектах. Идеализированные представления, равно как и социальная справедливость, выступают критериями действий медиатора в границах медиативной процедуры. «Идеальный тип» медиатора представляет собой сохранение баланса между социально-значимыми проблемами и личной, персональной заинтересованностью. Результат медиативного процесса достигается профессиональной подготовкой медиатора. Корректно выбранный спектр активных действий, направленных на высвобождение сторон от последствий конфликта, составляет единую стратегию поведения, необходимую для эффективного проведения медиативных процедур.

Таким образом, подводя итог данного параграфа, можно отметить следующее:

Посредническая миссия требует повышенного общественного внимания для постановки диспозиции значимости медиатора в акте примирения, границ дозволенности, обучения и иных решений. Ценностные смыслы посредника – в законном расширении переговорных возможностей, признании человеческих качеств, верность процедурным алгоритмам.

Ложные общественные потребности не только осложняют развитие медиации, но попирают основы гуманистических ценностей, навязывая одномерность поведения как тренд. Выбор придерживаться одномерности равносителен выбору обретения многомерности. Субъект осмысляет последовательность социальных систем изнутри, формируя осознанное сопротивление чему бы то ни было. Конфликт потакает инстинкту, реализуясь через одномерность поведения и иллюзии выбора смыслов в то время, как медиация, при условии согласия субъекта воспользоваться ей, обращение к миру идей, к работе с ценностным содержанием.

Работа с плюрализмом мнений и индивидуализмом, подразумевает мастерство управления противоречиями, осложненными волей субъекта и воли общества. Возведение структуры для социальной регуляции, достигается синхронизацией воли субъекта с алгоритмами процедуры, сформированными не без социального участия. Совпадение ценностных модусов, признак предрасположенности сторон к творческой, миростроительной деятельности.

Интегративный процесс становления медиации в России на текущий момент не обозначился комплексными воззрениями относительно подготовки корпуса медиаторов. В этой связи, идеальный тип как методологическое средство социально-исторического исследования, призван сформировать представление об идеальной модели медиатора. Эмпирический мир накладывает вето на постановку «идеального типа», что не лишает возможности отразить возможные эталонные качества «профессии будущего», как ориентира в формировании духовных, физических и иных характеристик личности. Разумеется, первичным выступает коммуникативный компонент, обеспечивающий переговорный процесс, осложненный субъективными особенностями коммуникации. Общая политическая и социокультурная развитость медиатора работает не на востребованность медиатора, а на качество смыслов примирительного процесса. Владение этическим инструментарием предвосхищает смыслы и сдерживает нравственную основу примирительной коммуникации.

2.3. Перспективы применения медиации в разрешении конфликта

Современное общественное воззрение обращено к медиации с рядом смысловых запросов, что в совокупности можно сгруппировать в единую медиативную задачу. Вопрос требующий конфликтологического осмысления происходит из дихотомии противоречия в разрезе массового сознания и построения организационной формы способной вырабатывать стратегии продуктивного бытия. В связи с этим, под деятельностью решения медиативной задачи стоит понимать преодоление противоречия между массовым сознанием

(культурой, господствующей в обществе) и интеграцией общества (организационной формой)¹.

Медиация имеет ряд преимуществ для устойчивой интеграции в социальные отношения, благодаря осознанию субъектами функционального поля примирительной процедуры и возможностями профилактического характера. Постиндустриальное общество порождает новые паттерны поведения, основанные на взаимоотношениях в потребительском секторе. В рамках данного исследования, представляет особый интерес развитие конфликтологической мысли в тесном переплетении с социальной формацией и результатами техногенного воздействия на духовную, нравственную культуру субъекта и общества. В частности, роль конфликта в интернет-пространстве, в понимании экзистенциального кризиса, в медиасреде обуславливает возникновение медиакультуры медиации. В данном случае, конфликт выступает средством отождествления факта пребывания субъекта в интернет-пространстве через коммуникативные сообщения (содержащего мотивы и цели), а совокупность материальных и интеллектуальных ценностей обеспечивается медиативной технологией. С точки зрения интеллектуальных ценностей, нами определены социальные функции медиации, а что именно подпадает под материальное обеспечение, еще предстоит проанализировать.

Как известно, материальные ценности представляют собой значимые для субъекта материальные объекты как природной, так и сотворенной среды, с удовлетворением условия непосредственного или же опосредованного удовлетворения потребностей. По мнению Чебунина А.В. в первом случае материальные объекты отвечают за удовлетворение материальных интенций, а во втором случае, удовлетворение направленно на духовные потребности, через которые они приобретают значимость материальную². Пребывание в мире для общества является фазой максимального продуктивного взаимодействия, а для

¹ Цой Л.Н., Иванов О.Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. – 2016. – № 10. – С. 71.

² Чебунин А.В. Мироззренческие основы материальных, социальных и духовных ценностей // Вестник БГУ. – 2018. – № 3. – С. 5.

субъекта имеет место в каком качестве представлен мир для его пребывания в нем. Исходя из философской интерпретации, мир, это действительность, взятая как целое, качественное единство. Однако по мнению Э. Гуссерля, люди склонны воспринимать мир, как некую совокупность горизонтов, в котором границы мира покрыты туманом¹. В таком случае, можно полагать, что конфликт может выступать «обрамлением» мира, побуждая субъекта к формированию мирного пребывания как «онтологической потребности». В воззрениях Г. Марселя, бытие утверждается как гарант абсолютной значимости экзистенции, а также надежд и ряда гуманистических ценностей. В дальнейшем, данная идея вошла в основу интерсубъективности². Учитывая, что нередко в бытии цифрового объекта, просматривается конститутивный компонент, имеющий реляционный характер, а именно, он есть то, что есть через отношение к другим объектам и только в таком отношении возможно идентификация как такое-то, а не иное нечто. Можно предположить, что интерсубъективная реализация «онтологической потребности» в мире (понимается как согласие субъектов социальных взаимоотношений), возможна и через взаимоотношения цифровых объектов. В связи с этим, актуализируется запрос на понимание предметной области медиации в границах цифровых взаимоотношений.

Объяснения этому легко найти в контексте такой философской парадигмы, как датаизм, согласно которой Вселенная содержит в себе потоки данных, а ценность какого-либо явления определяется их вкладом в обработку данных. Отмечается, что никто не должен препятствовать движению данных, а наоборот, потреблять информацию и выдавать новую, тем самым становясь частью информационного пространства. Очевидно, нуждается в осмыслении гипотеза о том, можно ли представить конфликт как пересечение двух потоков данных? Что касается потребления и генерирования информации, то это уже повседневная реальность. Данная парадигма может способствовать началу плодотворной и

¹ См. об этом подробнее: Мотрошилова Н.В. «Мир» как проблема поздней феноменологии Эдмунда Гуссерля // Историко-философский ежегодник. – 2008. – № 2007. – С. 228–249.

² Марсель Г. Быть и иметь / пер. с франц. И.Н. Полонской. – Новочеркасск: САГУНА, 1994.

трудоемкой работы, направленной на осмысление влияния на социокультуру и массовое сознание интернет-конфликтов. Позиция, при которой «неведение» – лучший союзник, непродуктивна в своей основе, поскольку при попустительском отношении действия субъекта будут обусловлены причинно-следственными связями конфликта, а не его решениями.

По мнению И.В. Блауберга, легко установить взаимоотношения целого к целостности и системы к целостности. Однако представление конфликта и связанной с ней процедуры медиации как символической системы вызывает и опасения, и прорывные возможности одновременно. В качестве опасений можно высказать некий эклектический подход к выстраиванию конфликта как символической модели с риском утери границ гуманитарной наукоёмкой. В противовес выступают возможности прогнозирования, которыми могут выступить именно символические модели конфликта, поскольку так появляется возможность структурирования, по большому счету, витального явления конфликта с множеством факторов, осложняющий этот процесс. С точки зрения содержания элементов, по нашему мнению, что «целое» в концепции И.В. Блауберга, что «конфликт» в основе имеют интегративные свойства. Полностью отказываться от этого направления не стоит в виду того, что, например, Пифагор в философской концепции об изучении иллюзий, отдавал предпочтение как реальности исключительно цифрам и их комбинациям. Мнение Э. Кассирера, сводится к тому, что субъект имеет доступ к «действительности» через упорядоченные совокупности символов, а процесс творческой деятельности происходит внутри некой «символической формы». Однако он замечает, что в его концепции, вещи существующие за пределами символической формы, не имеют смысла и считаются «иллюзией мышления».

Высказывание А. Дюфурмантель, упреждает общество: «обойти зону риска невозможно, поскольку без рисков стратегий в принципе не существует». Г. Зиммель определяет жизнь потоком, переживаний, культурно-исторически обусловленных. Постичь жизнь предлагается через непосредственное переживание событий истории, многообразных индивидуальных форм

реализации жизни в культуре и интерпретацию на основе этого переживания прошлого. В таком ключе конфликт понимается нами как поток, исторически и культурно обусловленный и ведущий к выработке новых жизненных прогнозов с учетом истории. Однако только лишь переживаний недостаточно, для того, чтобы минимизировать зоны риска. Философом Л. В. Скворцовым обоснована необходимость перехода к научно-аналитическому типу информационного обеспечения и учёту в информационной деятельности рисков. Философом А.М. Гендиным выявлена структура процесса социального прогнозирования, суть ее в последовательной смене концептуальных схем, выступающие аналогами этапов и факторов становления будущего в реальности, с учетом воздействия самих предсказаний на цели и целенаправленную деятельность, в свою очередь, создающие новые устои в обществе. Последующий анализ, представлен концепцией философа Н.К. Серова, свойства и характеристики процессов могут подвергаться структурному анализу, аналогично анализу пространственных систем, что позволяет установить взаимосвязи, суперпозиции, точки синергии и закономерности между протеканием конкретного процесса и протеканием процесса всеобъемлющего, на фоне которых он и развивается.

Процесс медиации, по нашему мнению, может быть представлен с помощью «модельного отношения», разработанного философом М. Вартофским. Необходимые компоненты, объект, модель (как форма деятельности) и отображение (действий и реакций) присутствуют в структурном положении самой медиации. При этом, «моделируемое» это сам конфликт, а «моделирующее» процесс медиации, как технология видоизменяющее конфликт (по стратегии, по результату, по времени). Философом отмечается ценность модели не просто как копия некоторого состояния, а как предполагаемую форму деятельности, которую называл как «репрезентация будущей практики»¹. Актуальность применения символических и модельных подходов обусловлена изменением форм социальной и технологичной практики, что видоизменяют способы получения знания.

¹ Петушкова Е.В. Вартофский, Маркс // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – 3-е изд., испр. – Минск: Книжный Дом, 2003. – С. 154.

Подобные наработки послужили хорошим основанием для попыток собственного представления конфликта, в форме «модели». Учитывая объективный факт публичной закрытости конкретных аспектов примирительных процессов, есть возможность определения, через мониторинг средств массовой информации, остросоциальных направлений, требующих повышенного внимания. Мы опирались на теоретико-методологическую базу и результаты проведенного нами краткого мониторинга использования медиации на территории Российской Федерации за 4-й квартал 2020 года (Приложение 2). По средствам новостной ленты «Яндекс.гу» нами было выявлено 78 публикаций по запросу «медиация» в диапазоне с 01.09.2020 по 31.12.2020. Полученные публикации были проранжированы нами согласно тематике, и вычислено их процентное соотношение: 1) публикации о медиации (обучение и проблемы правоприменения) – 25.64 %; 2) семейные отношения – 25.64 %; 3) школьные отношения и молодежная среда – 16.67 %; 4) организационные (трудовые) отношения и бизнес – 14.1 %; 5) социальные конфликты и медиация – 10.26 %; 6) популяризация медиации – 7.69 %.

Отметим, что процентное соотношение высчитывалось из расчета 78 публикаций – 100 %. Также обратим внимание на то, что публикации отбирались по смыслу, а не по счетчику статей, что позволило нам проследить реальную картину проблематики, поднимаемой в рамках примирительных технологий на территории России, исключая «перепечатки» новостей.

По итогам мониторинга мы пришли к следующим результатам: 1) социальные группы «школа», «семья», «работа» нуждаются в особом внимании, что и подтверждает количественное соотношение публикаций. Если мы говорим, что социальная ценность медиации в установлении согласия, то данные социальные группы должны быть в приоритете¹; 2) в семейных отношениях

¹ См. об этом подробнее: Салимгареев Д.И. Социальная ценность медиации как механизма профилактики и разрешения конфликтов в современном обществе // Общество: философия, история, культура. — 2019. — № 12. — С. 62.

сохраняется вера в то, что вопрос можно решить с помощью медиации. Очевидно, что разъяснение сторонам необходимо, что они приобретают или теряют после процесса примирения, поскольку отсутствие таковых положений не может быть фактором преодоления внутренних обид, гордости и мнимой уверенности в своей правоте, а, следовательно, и первым шагом к диалогу; 3) поднимаемые системные ошибки самой процедуры медиации – позитивный сигнал. Мы получаем не только сигнал о том, что «что-то работает не так», как задумывалось, или в полную силу, но и о желании общества использовать данную процедуру, если она найдет согласование с другими областями (например, правовыми) и не будет создавать противоречия и непонимания в смыслах и деятельности специалистов. Если же медиация не помогает – это возможность сделать процедуру медиации лучше, не замалчивая проблему; 4) вызывает опасение использование медиации для рассмотрения жалоб на деятельность собственных подконтрольных организаций, что влечет утерю доверия общества за счет использования ее в не совсем понятных интересах. Поясним: если мы хотим разобрать конфликт, то мы применяем медиацию, и она заканчивается в идеале консенсусом. В случае если поступает жалоба на конфликтную деятельность, то можно попробовать примириться с лицом, подающим эту жалобу (предложить свои решения). Однако если медиаторский корпус сформирован в штате этой же организации, даже при условии проведения медиации по всем ее требованиям, возникают вполне логичные вопросы о лоббировании интересов этой самой организации; 5) выявлен запрос на регулирование отношений в виртуальной плоскости (родительские чаты в мессенджерах). Практика показывает, что виртуальные разногласия с легкостью переносятся в мир реальный и ущерб от таких разногласий нередко доводит до уголовной или административной ответственности. Пилотируемый проект присутствия медиатора в школьных чатах – это социальная необходимость в условиях быстро меняющихся реалий. Однако остается непроработанным формат реализации данной деятельности, особенно учитывая практически круглосуточную включенность и многочисленность подобных чатов; 6) мониторинг выявил и проблемы формализма в фиксации показателей. На

начальном этапе формирования медиации необходимо сформировать сменяемость подхода к формальным фиксациям показателей. Понимание, что конфликты – это часть реальности, должно стать «точкой отсчета»: если проведенный мониторинг не выявляет конфликта, это не значит, что его нет. В связи с этим и показатель эффективности должен состоять из выявленных и обозначенных проблем, а не из их утаивания или игнорирования. Такой подход позволит своевременно определить зоны социального напряжения и сохранить гармонию в обществе. Полученные результаты, послужили основой для составления нами нескольких «баз данных», как конечного результата попыток построения «моделей» прогноза развития конфликта.

Содействие процессам созидательных миссий – может стать перспективным направлением социального применения медиации. Избыток потребностей в определенных ситуациях, может нарушить паритет между внутренними принципами субъекта и системами моральных координат общества. В таком случае, необходимо методическое сопровождение деловых культур, с учетом динамичной экономической, культурной и информационной реальности, множества числа вовлеченных субъектов, общей потребности удовлетворения целей, мотивов коммуникации в условиях единой ESG-зоны. Как известно, деятельность вовлеченных субъектов призвана отвечать ESG повестке, что подразумевает равновеликое и уважительное, с точки зрения принятых моральных норм, так легитимное поведение, а также комплекс управленческих решений. В связи с этим, сопровождение коммуникации и локализация внутригруппового напряжения, а также управления поведенческими установками должно быть обеспечено эффективной методикой широкого социального функционала. По нашему мнению, медиация способна обеспечить устойчивость и наращивать динамику внутригрупповой деятельности, в виду, прежде всего этико-гуманистического компонента в своей основе. Вектор продуктивного социального развития, исходит из качественного обеспечения сотрудничества тематичных комьюнити. Однако создание системы по управлению рисками не представляется возможным без эмпирического осмысления и философской

оценки отдельных компонентов будущей системы. Философское присутствие в системах прогнозирования представлено аксиологическим подходом, позволяющим оценить вариативность результатов корреляции «ценности» и «поведения» субъекта в заданной ситуации. Полученный количественный охват потенциальных «точек прогноза» может быть представлен в формате «Big-Data», упрощающий дальнейшую работу по моделированию конфликтного взаимодействия в заданных ситуациях. Подход экспериментальный, отмечается необходимость определения погрешности, задействованными переменными и их характеристиками, работа самого алгоритма. В работе построения «точек прогноза», необходимо помнить, что конфликт способен видоизменять социальные взаимоотношения, потенциально создавая сразу несколько результатов. Более того, неверное определение аксиологических мотивов и «ожиданий» у субъекта социальных взаимоотношений, ведут к построению заведомо неверной модели хода конфликта. В публичной плоскости, подобная оплошность приведет к утере доверия и к цифровым продуктам медиации, и к гуманистическому содержанию самой процедуры. Однако игнорировать обеспечение устойчивого взаимодействия среди субъектов разных поколений, различной информационной компетентности и гуманистических взглядов, осложненных постиндустриальным влиянием – недопустимо, в виду укоренения в публичной плоскости, по сути, конфликтов нового типа. Цифровизация самой медиации, вопрос преждевременный, но злободневный, в виду отсутствия предпосылок к подготовительному этапу. Дело в том, что информационные, технократические новеллы, найдут отражение и в структуре самого конфликта. Следовательно, вопрос развития цифровых форматов медиации, отложен лишь на определенный срок. Однако понимание корреляционного соотношения интернет-технологий, информационного мировоззрения, результатов цифровизации в иных социальных сферах, есть стратегическое преимущество.

В контексте ESG медиация представляется нам не только как метод, содержащий этико-гуманистический компонент, но и как метод, обеспечивающий гармонию отношений, в которых конфликтоген, может перерасти в полноценный

акт противоборства и поставить под сомнение совершенствование социально-экономических положений:

1. Environment (E) – ответственное отношение к окружающей среде. Возможные парные конфликтогены: растрата – бережливость, развитие – стагнация;

2. Social (S) – высокая социальная ответственность. Возможные парные конфликтогены: ответственность – попустительство; внимание – безразличие;

3. Corporate governance (G) – высокое качество корпоративного управления. Возможные парные конфликтогены: ценности – потребности, личность – общество.

Присутствующий в медиации компонент культуры, призван уравнивать стороны в их потребительских желаниях, а ориентиром обозначить согласие, как наиболее продуктивный вектор развития внутригрупповой устойчивости. На наш взгляд, является не верным решение делегировать на медиацию, которая выступает лишь социальной технологией, пусть даже участвующей в конструировании иной общественной формы жизнеустройства, функцию гуманистического развития. Однако взаимодействуя с социальными институтами, субъект приобретает культурную составляющую, а социальный институт может реализовать воспитательную функцию. Иное развитие данная проблематика получает в соприкосновении с капиталистическими настроениями общества, попирая гуманистическое содержания процесса примирения, стараясь свести ее всего лишь к услуге. В таком случае, философское внимание обращено к оценке соотношения в котором обозначено превалирование материального над духовным. Этическое воззрение не объект торгов и спекуляций, даже если вспомнить исторические спорные решения, например, торговлю индульгенцией. Потребительское отношение к медиации стоит рассматривать в купе предпосылок, осложняющих развитие медиации и как технологии, и как культурного пространства миротворческого смысла. Под этическое осмысление, подпадает вопрос о том, может ли быть «примирение» услугой вообще? В рамках поиска точек соприкосновения, «примирение» становится объектом торгов,

подразумеваю генерацию сторонами наилучших ценностных предложений. Однако, как известно, примирение невозможно приобрести материальными благами, сформированное исключительно соприкосновением духовных попыток единения враждующих сторон, является неподдельным и не поддающимся под спекуляции результатом совместного созидательного творчества. Конвертация материальных ресурсов в обмен на духовные предпочтения недопустимо, если это ведет к утрате социального доверия и рушит паритет социальной справедливости. Конфликты, не выступают как собственность, не могут служить и точкой опоры в пространстве в которую можно войти, это иррациональность, покушающаяся на прежде всего этику доверие другого человека, а если данное покушение подкреплено духовными одобрением, выменянным на материальные блага, конфликты станут классовым и межгрупповым орудием крушения ценностного содержания цивилизации. Подобные этапы дегуманизации, должны быть пресечены на начальном этапе и с помощью комплекса современных и эффективных технологий.

Не противодействовать, значит смириться, а учитывая особую культурную составляющую современного человека, подобное бездействие эквивалентно предательству смыслов, дарованных предками, обесценивания опыта предшествующих поколений, отказ от культурной идентичности. В данном случае, нет борьбы противоположностей, которое может породить сомнения в том, что для противодействия конфликту, мы подразумеваем противостояние. Изначальная диспозиция, например, тьмы и света неравны. Свет – всегда подразумевает усилия, выступая ориентиром стремления. Отказ от пребывания в тьме и сопротивление, ознаменует приближение состояния света. Разрушение и мир, можно рассматривать в схожей аналогии, в которой противоборство конфликту как источнику разногласий, набору символов, образов, смыслов – подкрепляет нравственную основу. Для человека нравственное развитие не было и не будет чуждым, это вопрос выбора, ценности нравственного развития могут найти реализацию через состояние культурной готовности. Культурная готовность отстаивать положения добра, даже если этот процесс окажется

губительным, все равно стоит того, поскольку именно так модель мира согласия и равновеликого диалога становится реальной, переходящей из мира идей в формат практического применения. Безусловно, установления нового образа и модели этического поведения (нового в виду иной формы цивилизации на современном этапе), образцов наполненных идеей примирения и отказа от насилия, агрессии, облачит ряд проблем в процессе конструирования бытия. Вопросы жизнедеятельности пересматриваются, затем обостряется общественное негодование, а следующий этап вновь конфликт. В философском дискурсе значим вопрос оправданности конфликта, если он приводит к развитию, улучшению систем. В этом контексте, спиральная динамика, позволяет вывести сложность принятия решений на новый виток развития. Иными словами, если конфликты изменений будут иметь место в социальном взаимодействии, думается, они будут качественно другими. Однако, каким бы не был следующий тип конфликта, важно осмыслить соотношения конфликтов, вызванных улучшением жизни и культурной готовностью принять эти улучшения. В таком случае, либо общество навсегда откажется от конфликта в виду социально атавизма, либо станет неспособным к каким-либо продуктивным изменениям (останутся на том цикле, в котором поиск решения невозможен). На пути такого выбора, медиация будет сопровождать социальные процессы столько, сколько будет нужно субъекту, для решения аспектов своего самоопределения. Историческое возникновение медиации, дало обществу больше чем технологию миростроительного потенциала, оно ознаменовало возможность достижения идеала мира, с условием социального взаимодействия в границах гуманистических ценностей, поддерживая друг друга и высвобождая в себе источник творчества.

Построение цивилизации процесс сложный, требующий социального участия и внимания. Перестроение компонентов уже сложившейся цивилизации – еще более ресурсно-затратный. Но на этом поприще, есть определенный опыт требующий философского осмысления. Н.А. Бердяев, раскрывает определение комьюнотарности, как непосредственного отношения человека к человеку через

Бога¹. Если же, коммюнитарность станет ориентиром в социальном взаимодействии, то вероятно, медиация перестанет выступать методом и будет представлять сугубо культурную надстройку. Не многие представители общества, позволят себе пренебрежение уважительной и обходительной коммуникации, если диалог ведется с Богом. Смыслы, адресованные оппоненту, чаще будут соотноситься с добродетелью и корректироваться до эталонного вида самими субъектами. В таком случае, назревает необходимость создания модели коммуникации, в которой главным смыслом будет не потребность, а человек. Созерцая в оппоненте не гипотетического врага, покушающегося на ресурсы, а творение Бога, достойного представителя общества с которым просто возникли сложности жизнеустройства, можно положить начало формированию эстетики примирения. А.Ф. Лосев отмечал, что практически каждая область социальной жизни может являться источником эстетики, если она впитывает и концентрирует специфику любой социально-исторической конкретики². Конечно, в этой связи еще предстоит проанализировать не утилитарность созерцания примирения, но при должной культурной готовности, субъект от примирения испытывает чувства воодушевления и эйфории, поскольку факт примирения оканчивает растрату ресурсов. Если учесть, что субъект может испытывать эмоциональную близость к пребыванию конфликта, продиктованное его некрофилическими пристрастиями, то ресурсное истощение данную связь ослабевает. В любом случае, порождаемый сторонами продукт, мир, содержит в себе эстетику сторон, методологии и способно подводить к катарсису либо за счет конечного творчества, либо за счет прекращения растраты ресурсов.

Медиация – это некая перегруппировка действий в конфликте, под надзором гуманитарных наук, выступающим в достаточном эквиваленте для систематизации знаний, но не достаточном в своем междисциплинарном союзе для полноты объяснения и обучения субъекта примирению через

¹ Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. – С. 332.

² Мельникова Ю.В. История и миф в творческом наследии А.Ф. Лосева. Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. – С. 10.

ретроспективную оценку естественного состояния. Вероятно, проблема медиабельности конфликта может объясняться методологическим несовершенством имеющихся подходов.

Медиативное взаимодействие выступает способом приведения разнообразия интересов к относительному единству, способом воспроизводства, поддержания порядка на исходном, базовом уровне социальной структуры общества¹. В таком случае, культурная готовность должна быть в составе медиативной компетентности, выступая навыком представителя цивилизационного общества. Формирование медиативной компетентности как базовой части современной общественной культуры, невозможно без развития: 1) системно-ценностного подхода к вопросам управления конфликтами; 2) механизма удержания содержательной части конфликта в деятельности, в мышлении; 3) методологии работы в междисциплинарной группе специалистов; 4) пониманию образа и смысла конкретного конфликта².

Преимущество культурной подготовки и формирования медиативной компетентности в том, чтобы стороны вступая во взаимодействие понимали отсутствие одностороннего формата работы, обладали доверием и оценивали противостояние не с позиции несовпадения интересов, а с позиции конструктивного управления жизнедеятельности на основе приобретения опыта и объективности знаний. Каждая сторона обеспечена возможностью обсуждения, выработки решений, рефлексии и это базовые положения, которые, по умолчанию, должны быть созданы, обеспечены, защищены общественной моралью, а не дарованы обществом как исключительность.

Конечно, медиация не может обеспечивать культурную подготовку и культивировать гуманистические ценности вне рамок проводимой процедуры, но в методологическом контексте, амбивалентный характер переговорного процесса,

¹ Медиация в России // Московская школа конфликтологии. – URL: <https://conflictmanagement.ru/mediatsiya-v-rossii/> (дата обращения: 17.02.2023).

² См. об этом подробнее: Чему не учат конфликтологов в российских вузах // Московская школа конфликтологии. URL: <https://conflictmanagement.ru/2015/07/31/chemu-ne-uchat-konfliktologov/> (дата обращения: 01.02.2023).

превращает сеанс медиации в беседу-рефлексию. Вариаций дальнейшего развития ситуации несколько: 1) применяя профессионализм, вернуть вектор продуктивной работы; 2) заложить ценностные основы для последующего сеанса медиации; 3) с дозволения сторон рассмотреть сеанс в качестве рациональной формы познания, в котором есть место постановки абстрактной конкретности гуманистическим процессам.

Таким образом, подводя итог данного параграфа, логично отметить следующее:

Общественное воззрение обращено к медиации с рядом смысловых запросов, что в совокупности можно сгруппировать в единую медиативную задачу. Развитие медиативной задачи происходит в тесном переплетении с социальной формацией и результатами техногенного воздействия на духовную, нравственную культуру субъекта и общества. В частности, роль конфликта в интернет-пространстве, в понимании экзистенциального кризиса, в медиасреде обуславливает возникновение понятия медиакультуры медиации. Образы медиапространства вступают в соотношение с образом будущего бытия, как гаранта абсолютной значимости экзистенции, надежд и гуманистических ценностей.

Можно предположить, что интересубъективная реализация «онтологической потребности» в мире (понимается как согласие субъектов социальных взаимоотношений), возможна и через взаимоотношения цифровых объектов. В связи с этим, актуализируется запрос на понимание предметной области медиации в границах цифровых технологий, предполагая возможность представления медиации с помощью «модельного отношения». Ценность модели в «репрезентации будущей практики». Необходимые компоненты, объект, модель (как форма деятельности) и отображение (действий и реакций) присутствуют в структурном положении самой медиации. При этом, «моделируемое» это сам конфликт, а «моделирующее» процесс медиации, как технология видоизменяющее конфликт, например, по стратегии, по результату, по времени.

Содействие процессам созидательных миссий – может стать перспективным направлением социального применения медиации. Нами был

проведен мониторинг остросоциальных направлений, требующих повышенного внимания. Результаты мониторинга представлены базами данных, необходимыми при создании модельных отношений и определения сфер нуждаемости в методологическом сопровождении медиации. В частности, персептивным является методическое сопровождение деловых культур, с учетом динамичной экономической, культурной и информационной реальности, множества числа вовлеченных субъектов, общей потребности удовлетворения целей, мотивов коммуникации в условиях единой ESG-зоны.

Вопросы перспективности медиации, облачают несовершенство этической мысли в обществе. Например, потребительское отношение к медиации, нуждается в конвертации этого смысла, с помощью спиральной динамики, позволяя вывести качество принятия решений на новый виток развития. В ином случае, продвижение идеи обретения обществом коммюнитарности возможно через создания моделей коммуникации, в которой главный смысл не потребность, а человек. Однако это требует формирование культурной готовности, под которой можно понимать, как навык представителя цивилизационного общества, составной частью медиативной компетентности. Преимущество культурной подготовки и формирования медиативной компетентности в том, чтобы стороны вступая во взаимодействие понимали отсутствие одностороннего формата работы, обладали доверием и оценивали противостояние не с позиции несовпадения интересов, а с позиции конструктивного управления жизнедеятельности на основе приобретения опыта и объективности знаний.

Таким образом, подводя итог II главы, можно отметить следующее:

Современный российский социокультурный контекст представляет медиацию именно как гуманистическую технологию разрешения конфликта. Отечественный подход представлен междисциплинарным, гуманитарным изучением конфликта и практик медиации, с особой границей для мышления, творчества, деятельности.

Современный российский социокультурный контекст медиации, сводится к соотношению процессов институционализации и приобретения социального

опыта. Отсутствие единой системы ценностей в ретроспективной оценке медиации может быть разрешима успешным формированием ценностных ориентиров в каждом случае конфликтного противостояния. Практика сотрудничества на основе принципов синергии сформируются после полноценного взаимодействия медиация и социальных сфер. Требование от субъекта и общества осознанности и самостоятельности может быть локализовано после окончательного принятия и доверия к медиации, оправдывая ожидания от гуманистической технологии построения, наполненного миротворческими смыслами бытия. Возведение структуры для социальной регуляции, достигается синхронизацией воли субъекта с алгоритмами процедуры, сформированными не без социального участия. Социальное применение медиации может быть расширено до работы с социальными изменениями, носящими травмирующий характер. Актуализируется процесс культурной подготовки как возможности на уровне субъекта локализовать непонимания изменений социальной траектории, причиной которых являются травмирующие события и потребности субъекта.

Ложные общественные потребности не только осложняют развитие медиации, но попирают основы гуманистических ценностей, навязывая одномерность поведения как тренд. В противодействии одномерности, внимание приковано к медиатору, как совокупности образцов мысли и действия. Ценностные смыслы посредника – в законном расширении переговорных возможностей, признании человеческих качеств, верность процедурным алгоритмам. В гуманистическом измерении – быть примером и ориентиром. В этой связи, идеальный тип как методологическое средство социально-исторического исследования, призван сформировать представление об идеальной модели медиатора. Первичным выступает коммуникативный компонент, обеспечивающий переговорный процесс, осложненный субъективными особенностями коммуникации. Общая политическая и социокультурная развитость медиатора работает не на востребованность медиатора, а на качество смыслов примирительного процесса. Владение этическим инструментарием

предвосхищает смыслы и сдерживает нравственную основу примирительной коммуникации.

Общественное воззрение обращено к медиации с рядом смысловых запросов, что в совокупности можно сгруппировать в единую медиативную задачу. Развитие медиативной задачи происходит в тесном переплетении с социальной формацией и результатами техногенного воздействия на духовную, нравственную культуру субъекта и общества. В частности, роль конфликта в интернет-пространстве, в понимании экзистенциального кризиса, в медиасреде обуславливает возникновение понятия медиакультуры медиации. Актуализируется запрос на понимание предметной области медиации в границах цифровых технологий, предполагая возможность представления медиации с помощью «модельного отношения». Ценность модели в «репрезентации будущей практики».

Содействие процессам созидательных миссий – может стать перспективным направлением социального применения медиации. В частности, перспективным является методическое сопровождение деловых культур, с учетом динамичной экономической, культурной и информационной реальности, множества числа вовлеченных субъектов, общей потребности удовлетворения целей, мотивов коммуникации в условиях единой ESG-зоны. Перспективность поддержки деятельности сообществ в продвижении идеи обретения обществом коммюнитарности, в которой главный смысл не потребность, а человек, что требует формирование культурной готовности, под которой можно понимать, как навык представителя цивилизационного общества, составной частью медиативной компетентности. Преимущество культурной подготовки и формирования медиативной компетентности в том, чтобы стороны вступая во взаимодействие понимали отсутствие одностороннего формата работы, обладали доверием и оценивали противостояние не с позиции несовпадения интересов, а с позиции конструктивного управления жизнедеятельности на основе приобретения опыта и объективности знаний.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В основе медиации, заключены экзистенциальные противоречия, обращенные к созидательному творчеству во благо всеобщего согласия. В медиативном процессе переплетения чувств и действий субъекта, предопределяет идею практики примирения, для более тесной связи данной гуманистической технологией и социальной жизнедеятельности.

Установление согласия – идея, подкрепленная этико-гуманистической составляющей, благодаря которой возможен процесс институционализации, методологического совершенствования, поиска практик социального применения медиации. В данном исследовании, философская интерпретация медиации, далее позволит более точно соотносить примирение как части творческой способности конструирования лучших практик бытия. Эволюция идей практик медиации, во многом, зависит от социальной консолидации, от опыта и субъективных интерпретаций, превращая образ в концептуальную идею. Функциональное поле, это подспорье в осмыслении значения медиации для исключительно социальных сфер жизнедеятельности, вне правовой фабулы применения данной технологии. Сложности интеграции медиации в социокультурное состояние современного российского общества, сопряжены с вариативностью самого социума, мировоззренческих аспектов, личностных интерпретаций этических и правовых понятий. Однако это не умоляет социальной ценности самой медиации для чувства стабильности, уверенности в существующем правопорядке и установлении социального согласия. Установление согласия возможно благодаря участию общества и вниманию профессиональных медиаторов. Сформированный «идеальный тип» идеалистическое стремление, которое может предугадать проблемы молодого специалиста на службе медиации. В качестве перспектив медиации в разрешении конфликта, помимо ранее представленных выводов можно определить необходимость изучения общественного развития и поддержания нравственного состояния через социальный компонент медиации, особенности методологических новелл в формировании конфликтологических

компетенций, для защиты себя и близких. Разработка копинг-стратегий в больших количествах социальных ситуаций и, конечно, общая готовность противодействия конфликту в строго этико-гуманистическом измерении медиации.

Философия ускоряет методологическое развитие медиации, завершая ее окончательную трансформацию от метода к технологии гуманистического измерения, способной эффективно разрешать социальные конфликты на современном этапе развития российского общества. Медиация – хранитель этических идей, помощник в миростроительстве и, пожалуй, главный защитник мира и согласия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверин А.Н. Философский анализ коммуникации // Коммуникология. – 2015. – № 2. – С. 13–22.
2. Адо П. Что такое античная философия? / пер. с франц. В.П. Гайдамака. – М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. – 320 с.
3. Аитов Н.А. Социальные проблемы ускорения научно-технического прогресса в СССР. – М.: Сов. Россия, 1987. – 174 с.
4. Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликты и социальная стабильность в современной России // Вопросы философии. 2015. – № 12. – С. 27–40.
5. Александров Г.Ф. Аристотель: философские и социально-политические взгляды. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 273 с.
6. Алиева Н.З., Коршунов Д.В. Синергетическое понимание конфликтов // Международный студенческий научный вестник. 2017. – № 4. – С. 1541–1543.
7. Аллахвердова О.В. Медиация – новая коммуникативная практика в разрешении конфликтов // Социальные коммуникации. – 2010. – № 4а. – С. 1–28.
8. Аллахвердова О.В., Павлова М.В. Опять о конфликтах и почему медиация не популярна? // Медиация (Практическое издание). Новый подход к разрешению конфликтов. – Пермь: РЕСУРС, 2009. – С. 4–9.
9. Андреев Ю.П., Коржевская Н.М., Костина Н.Б. Социальные институты: содержание, функции, структура. – Свердловск: Изд-во Уральского университета. 1989. – 605 с.
10. Андреевский И.Е., Арсеньев К.К. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – СПб.: Семеновская Типолиитография (И.А. Ефрона), 1895. – С. 481–960.
11. Анцупов А.Я. Конфликты как угроза безопасности России // Мировые цивилизации. – 2019. – № 3–4. – С. 1–8.

12. Аристотель. Риторика / пер. Н. Платонова. – С.-Петербургъ: Типографія В.С. Балашева и К^о, 1894. – 204 с.
13. Арпентьева М.Р. Медиация: современные представления и модели // Вестник Федерального института медиации. – 2018. – № 1. – С. 10–43.
14. Архимук А.Н., Липницкий А.В. Трудности общения и коммуникативные барьеры, технологии развития эффективной коммуникации в конфликтах правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2015. – № 4 (68). – С. 217–223.
15. Баранец Н.Г. Проблема медиаторов «зон обмена» // Эпистемология и философия науки. – 2017. – № 4. – С. 39–43.
16. Баранов Н.А. Институционализация в России: особенности национальной модели // ПОЛИТЭКС. – 2007. – № 4. – С. 68–86.
17. Баренбойм П.Д. Макиавелли // Флорентийское общество (к двадцатилетию создания в Москве Флорентийского общества). – М.: ЛУМ, 2020. – 404 с.
18. Барлыбаев Х.А. О философии солидарных отношений // Вопросы философии. – 2018. – № 12. – С. 37–46.
19. Беленчук Л.Н. Просвещение в России. Взгляд западников и славянофилов. – М.: ПСТГУ, 2014. – 700 с.
20. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. – 375 с.
21. Бесемер Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / пер. с нем. Н.В. Малова. – Калуга: Духовное познание, 2004. – 176 с.
22. Бикметов Е.Ю., Лукьянов А.В. Структура человеческой экзистенции в условиях современного российского общества: новые контексты и контуры социальной идентификации // Манускрипт. – 2017. – № 1 (75). – С. 48–51.
23. Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление. – М., 1991. – 405 с.
24. Богатова О.А., Шумкова Н.В. Субкультурные сообщества провинциальной молодежи // Мониторинг. – 2014. – № 4 (122). – С. 150–155.

25. Борецкая Л.Р. Институт медиации: современное состояние и практика применения сторонами в цивилистическом процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Юридические науки). – 2019. – № 3. – С. 243–248.
26. Бубнова И.С., Рерке В.И. Медиативные технологии в профилактике экстремизма и конфликтов в условиях полиэтнической среды школы // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 3 (116). – С. 52–57.
27. Василькова В.В. Модели медиации в контексте эволюции коммуникативных парадигм // Конфликтология. – 2016. – № 3. – С. 247–259.
28. Вдовина А.В. Жак Деррида о двойственности философских текстов и этике деконструкции // Дискуссия. – 2012. – № 1. – С. 12–14.
29. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
30. Вильданов Х.С., Файзуллин Ф.С. Ценности: историко-философский и гносеологический анализ / Мин-во образования Рос. Федерации, Башкирский гос. ун-т, Сибайский ин-т. – Уфа, 2002. – 177 с.
31. Вирченко Ю.А., Самохвалов Н.А. Процедура медиации в Российской Федерации: плюсы и минусы // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2016. – № 4 (13). – С. 16–20.
32. Высоцкая Н.М., Цыплакова Е.Ф. Сознание философа (на основе анализа творчества М.К. Мамардашвили) // Вестник ТГУ. – 1997. – № 3. – С. 70–75.
33. Гапонова Н.А. Понятие коммуникации в философии // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2014. – № 3. – С. 1–5.
34. Гарин И.И. Что такое философия? Запад и Восток; Что такое истина? – М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. – 752 с.
35. Гарипова Г.Р. Информационная картина мира как социокультурное явление // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 5. – С. 1–4.
36. Гафнер К.Е. Проблема медиации в контексте социологии конфликта // Конфликтология. – 2016. – № 3. – С. 277–288.

37. Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
38. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: Азбука, 2022. – 704 с.
39. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. – М.: АСТ, 2001. – 304 с.
40. Голуб О.Ю. Перспективы развития медиации в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. – 2017. – № 1. – С. 33–37.
41. Гордийчук Н.В. Спор разрешается изнутри // Медиация и право. – 2014. – № 1. – С. 18–25.
42. Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии (1995). – 9-е изд. – М.: КДУ, 2008. – 240 с.
43. Гофман А.Б. Справедливость как социологическая идея: от классики к современности // Личность. Культура. Общество. Международный журнал социальных и гуманитарных наук. Т. XIX. Вып. 1-2. – 2017. – № 93–94. – С. 65–79.
44. Гофман А.Б., Прохоров А.М. Социальный дарвинизм // Советская энциклопедия. – М., 1976. – Т. 24. – 420 с.
45. Грицанов А.А. Новейший философский словарь. – Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1999. – 877 с.
46. Громыхалин В.А. О проблеме определения показателей эффективности медиаторской деятельности руководителя организации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Познание. 2019. – № 03. – С. 35–37.
47. Гумницкий Г.Н., Зеленцова М. Г. Понятие человечности в общей теории морали // Философия и общество. – 2008. – № 3. – С. 20–31.
48. Гусейнов А.А. Этика и мораль в современном мире // Этическая мысль: современные исследования. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 5–18.

49. Давыденко Д.Л. Примириительные процедуры в европейской правовой традиции. *Amicable dispute resolution in the European legal tradition.* – М.; Берлин: Инфотропик Медиа, 2013. – 203 с.
50. Давыденкова А.Г., Туфанов А.О. Институционализация социокультурной и экономической жизни общества: социально-философские аспекты // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2011. – № 4. – С. 98–107.
51. Давыдов А.П., Розин В.М. Спор о медиации: Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления. – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 288 с.
52. Давыдов Ю.П. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. – 2004. – Т. 2. – № 1 (4). – С. 69–80.
53. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт: Очерки политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.
54. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с франц. и послесл. С.Н. Зенкина – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 288 с.
55. Дружинин В.В., Конторов Д.С. Введение в теорию конфликта. – М.: Радио и связь, 1989. – 288 с.
56. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с франц. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. – М.: Канон, 1996. – 432 с.
57. Егидес А.П. Лабиринты общения. – М.: Филинь, 1999. – 281 с.
58. Ермакова Е.А. Внедрение принципов бережливого производства в R&D процессы // Креативная экономика. – 2012. – № 10 (71). – С. 19–24.
59. Жилина В.А. Критическая рефлексия как ключевая составляющая современного образования // Вопросы философии. – 2018. – № 6. – С. 59–65.
60. Зайцев А.К. Социальный конфликт. – М.: Academia, 2001. – 464 с.
61. Зарипов А.Я., Файзуллин Ф.С. Этнополитические движения как социальный феномен / Мин-во образования Рос. Федерации, Уфим. гос. авиац. техн. ун-т, Акад. наук Респ. Башкортостан. – Уфа, 2000. – 134 с.
62. Зартман У., Берман М. Участник переговоров. – М., 2006. – 207 с.

63. Изотов В.С. «Мягкая мощь»: обновленный теоретический концепт и российская модель для сборки // Вестник РУДН. – 2011. – № 4. – С. 146–155.
64. Исаенкова О.В. Развитие медиации в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вопросы российского и международного права. – 2013. – № 3. – С. 69–90.
65. Иткулова Л.А. Башкирское просвещение в контексте общественной мысли Башкортостана // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 19. – С. 1–3.
66. Кант И. Сочинения. В 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Сер.: Философское наследие. – М.: Мысль. – Т. 1. – 543 с.
67. Кармин А.С. Конфликтология. – СПб.: Лань, 1999. – 448 с.
68. Кессиди Ф.Х. Гераклит. – М.: Мысль, 1982. – 200 с.
69. Киндеркнехт А.С., Яковлева Ю.А. Вербальные и невербальные средства выражения нейтральности в коммуникативном поведении медиатора // Научный диалог. – 2020. – № 3. – С. 82–95.
70. Козер Л. Функции социального конфликта / пер. с англ. О.А. Назаровой; под общ. ред. Л.Г. Ионина. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. – 205 с.
71. Козлов В.В. Конфликт: участвовать или создавать. – М.: Эксмо, 2009. – 300 с.
72. Коломытцева В.В. Социально-юридическая природа медиации как способа разрешения правовых конфликтов // Юридическая гносеология. – 2016. – № 3. – С. 38–41.
73. Кон И.С. Социология личности. – М.: Наука, 1999. – 231 с.
74. Корсаков А.Н. Перспективы применения медиации в современной России // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2019. – Т. 8. – № 5А. – С. 182–188.
75. Корсаков А.Н., Мусаев А.Р., Тищенко В.А. Современный потенциал развития практики медиации в современном государстве // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 12. – С. 223–230.

76. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции: Редакция журнала «Самообразование». – М.: Самообразование, 2007. – 256 с.
77. Кузбагаров А.Н. Причины возникновения юридического конфликта и примирение конфликтующих как способ их разрешения // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 3. – С. 27–31.
78. Курганская М.Я. Профессионально-личностные компетенции медиатора и его роль в процессе внесудебного урегулирования споров // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 7А. – С. 158–169.
79. Кэрролл Э., Мэки К. Международная медиация: искусство дипломатии. – М.: МЦУПК, 2012. – 264 с.
80. Лебедев С.А. Формирование методологической культуры ученых как область практической философии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2021. – № 3. – С. 57–71.
81. Лекторский В.А. Культура, общество, медиация. Теория А.С. Ахиезера // Философские науки. – 2019. – № 8. – С. 9–15.
82. Леонтьева В.Н. «Контркультура» и культуротворчество // Высшее образование в России. – 2001. – № 1. – С. 52–63.
83. Лигостаев А.Г. Социальный дарвинизм. URL: <https://prepod.nspu.ru/mod/page/view.php?id=41771> (дата обращения: 18.11.2020).
84. Линченко А.А. Репрезентация культурных травм в современной медиасреде: между социальной функциональностью и институциональной неэффективностью // Studia Humanitatis. – 2020. – № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reprezentatsiya-kulturnyh-travm-v-sovremennoy-mediasrede-mezhdu-sotsialnoy-funktsionalnostyu-i-institutsionalnoy-neeffectivnostyu> (дата обращения: 02.04.2021).
85. Лукашенок И.В. Социологические исследования процессов институционализации // Вестник Северного (Арктического) федерального

- университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 3. – С. 62–66.
86. Лукьяновская О.В. О возможности применения процедуры медиации при разрешении конфликтов на государственной гражданской службе // Вестник СГЮА. – 2018. – № 1 (120). – С. 34–38.
87. Луман Н. Общество как коммуникативная система. URL: <http://www.psyoffice.ru/6-466-n-luman-obschestvo-kak-komunikativnaja-sistema.htm> (дата обращения: 15.12.2021).
88. Львова Д.М. Основные подходы (стили) в медиации: критерии разграничения и особенности // Студенческий научный форум. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018003272> (дата обращения: 24.12.2020).
89. Макиавелли Н. Сочинения. – СПб.: Кристалл, 1998. – 656 с.
90. Макович Г.В. Коммуникативные технологии в деятельности профессиональных групп // Вопросы управления. – 2014. – № 3 (9). – С. 155–160.
91. Мальцев А.А. «Взгляд» и метафора взгляда в сочинениях А.Т. Болотова // Философия. Журнал высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 15–48.
92. Малявин В.В. Китайская цивилизация. – М.: Апрель; АСТ; Дизайн. Информация. Картография, 2000. – 632 с.
93. Марсель Г. Быть и иметь / пер. с франц. И.Н. Полонской. – Новочеркасск: САГУНА, 1994. – 160 с.
94. Марш Б. За 20 лет я сказал сторонам, что их дело не готово к медиации лишь дважды // Юридический портал. URL: <http://pravotoday.in.ua/ru/press-centre/legal-style/ls-71/> (дата обращения: 11.03.2020).
95. Маслова В.М. Процесс медиации как метод выработки жизнеспособного решения проблемы // Образование. Наука. Научные кадры. – 2020. – № 1. – С. 114–116.
96. Матвеев Е.С. Философские трактовки идеи справедливости (эпоха Античности – Новое время) // Молодой ученый. – 2019. – № 29 (267). – С. 161–164.

97. Медведев Н.В. Омед Хамах Али Салих Хайдеггер о бытии человека как экзистенции // Вестник ТГУ. – 2011. – № 4. – С. 234–239.
98. Медиация в России // Московская школа конфликтологии. – URL: <https://conflictmanagement.ru/mediatsiya-v-rossii/> (дата обращения: 17.02.2023).
99. Межуев В.М. Философия в системе знания о культуре // Epistemology & Philosophy of Science. – 2005. – № 1. – С. 47–54.
100. Мельникова Ю.В. История и миф в творческом наследии А.Ф. Лосева. Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2005. – 139 с.
101. Мельниченко Р.Г. Модусы мышления в медиации // Legal concept. – 2019. – № 1. – С. 15–22.
102. Меняева М.П. Согласие: философско-культурологический аспект // Вестник ЧГАКИ. – 2011. – № 3 (27). – 40 с.
103. Мета Г., Похмелкина Г.Ф. Медиация – искусство разрешать конфликты / пер. с нем. – М.: VERTE, 2004. – 316 с.
104. Мотрошилова Н.В. «Мир» как проблема поздней феноменологии Эдмунда Гуссерля // Историко-философский ежегодник. – 2008. – № 2007. – С. 228–249.
105. Мур Д.Э. Принципы этики / пер. с англ. Л.В. Коноваловой. – М.: Прогресс, 1984. – 327 с.
106. Неустроева О.В. Модели и стратегии разрешения конфликтов // Евразийский научный журнал. – 2015. – № 10. – С. 8–11.
107. Нигматуллина Т.А. Социально-политическая медиация в молодежной среде // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2015. – № 2 (27). – С. 31–36.
108. Нижников С.А. Метафизические истоки «Нового религиозного сознания» в культуре Серебряного века и его политические последствия // Пространство и Время. – 2010. – № 2. – С. 117–126.
109. Низова Л.М., Малинкина И.В. Конфликтологические аспекты неполной семьи // Конфликтология. – 2016. – № 1. – С. 209–220.

110. Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Процессуальный институт медиации в гражданском судопроизводстве Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Т. 8. – № 2А. – С. 220–226.
111. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 59–68.
112. Носырева Е.И., Стернин И.А. Посредничество или медиация: к вопросу о терминологии // Третейский суд. – 2007. – № 1 (49). – С. 9–14.
113. Огурцов А.П. Банзен // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.
114. Орланова А.И. Специфика развития отечественной конфликтологии // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2003. – № 4–5. – С. 132–137.
115. Орлова И.В. Теория гражданского общества: к истории вопроса // Философия и общество. – 2006. – № 2 (43). – С. 116–133.
116. Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 № 3612-1) (ред. от 01.04.2020) // consultant. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1870/610e222f8f4fad1c4c33c3e3452296740f7b697b/ (дата обращения: 05.01.2021)
117. Останина О.А. Справедливость: философские аспекты исследования // Вестник ВятГУ. – 2016. – № 10. – С. 5–7.
118. Павлова В.Д., Чупахин Н.П. От философии смысла к философии культуры // Вестник НГПУ. – 2014. – № 5 (21). – С. 50–57.
119. Паткуль А.Б. Интерсубъективность в контексте цифровой реальности: феноменологический подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2023. – Т. 39. – Вып. 4. – С. 645–657.
120. Петушкова Е.В. Вартофский, Маркс // Новейший философский словарь / сост. А.А. Грицанов. – 3-е изд., испр. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
121. Плотников А.Д. Этномедиация как фактор урегулирования споров в межнациональных отношениях: теория, современный опыт и практические технологии: сборник методических материалов. – Вып. 11. – М.: Ассамблея народов России, 2016. – 31 с.

122. Поздязева С.М. Модернизация в России: преграды на пути к современному обществу // Вестник Волгогр. Гос. ун-та. Сер. 7: Философия. – 2016. – № 4 (34). – С. 196.
123. Пономарева Н.Г. Проблема медиации: структурный и историко-генетический аспекты. URL: <http://vestnik.uara.ru/ru/issue/2011/02/02/?print> (дата обращения: 12.12.2019).
124. Потемкин В.П. История дипломатии. С древнейших времен до нового времени. – Т. 1. – М.: Директ-Медиа, 2015. – 543 с.
125. Пушкарева М.А. Идея свободы в ее трансцендентально-системном представлении / Федер. агентство по образованию, Гос. образоват. учреждение высш. проф. образования Башк. гос. ун-т. – Уфа: РИО БашГУ, 2005. – 217 с.
126. Рахматуллина З.Я. Знания без воспитания – меч в руках сумасшедшего // Вестник Башкирского университета. – 2009. – № 3-1. – С. 1217–1221.
127. Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление: монография / Башкирский государственный университет. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. – 224 с.
128. Розин В.М. О возможности построения гуманитарной технологии // Идеи и идеалы. – 2017. – № 1 (31). – С. 9–22.
129. Роттердамский Э. Жалоба мира / пер. Ф.Л. Мендельсона. – М.: Советская Россия, 1991. – 868 с.
130. Рудкевич Е.Ю. Система ценностей общества: структурный анализ // Власть. – 2007. – № 1. – С. 92–94.
131. Русакова Д.А. Технологии и методы управления конфликтами // Молодой ученый. – 2019. – № 43 (281). – С. 200–205.
132. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре или Принципы политического права. – М.: Государственное социально-экономическое издательство (Соцэкгиз), 1938. – 124 с.

133. Садыков Ф.Б. Единство народа и противоречия социализма / Мин-во сельского хоз-ва СССР,, Ставроп. сельхозинститут. – Ставрополь, 1968. – 248 с.
134. Салимгареев Д.И. Медиативная технология как инструмент интеграции модели бережливого производства // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2020. – № 2. – С. 85-90.
135. Салимгареев Д.И. Социальная ценность медиации как механизма профилактики и разрешения конфликтов в современном обществе // Общество: философия, история, культура. — 2019. — № 12. – С. 58-63.
136. Салихов Г.Г. Социальное значение блага для человека в глобализирующемся мире // Проблемы востоковедения. – 2016. – № 2 (72). – С. 8–13.
137. Светлов В.А. Классификация стратегий поведения в конфликте К. Томаса и Р. Килменна и единая теория конфликта // Сборник научных трудов SWORLD. – 2014. – Т. 16. – № 1. – С. 3–5.
138. Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Библиотека этической мысли, 1997. – 204 с.
139. Соловьев Э.Г. «Человеческая безопасность» и «мягкая сила» во внешней политике РФ // Вестник Московского университета. Сер. 12: Политические науки. – 2010. – № 4. – С. 72–77.
140. Социология, антропология М. Вебера // Территория корпоративной культуры. URL: <http://www.trkk.ru/data/articles/104-sociologiya-antropologiya-m-vebera.html> (дата обращения: 12.01.2021).
141. Спенсер Г. Социальная статика. – Киев: Гама-Принт, 2013. – 496 с.
142. Спилман К. Образы врага и эскалация конфликта // Международный журнал социальных наук. – 1991. – № 3. – С. 61–82.
143. Станкевич Г.В., Соловьев А.М. Проблемы эффективности медиации при разрешении споров: субъективные и объективные составляющие // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Право. – 2018. – № 2. – С. 319–324.

144. Старжинский В.П. Культуротворчество и духовность в образовании человека // Христианство как интегрирующий фактор мировой культуры: сборник докладов XXIV международных Кирилло-Мефодиевских чтений / ГУО «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета; С.И. Шатравский, священник Святослав Рогальский. – Минск: Христианский образовательный центр имени святых Мефодия и Кирилла, 2019. – С. 47–50.
145. Степанова И.А. Соглашения, заключаемые в рамках процедуры медиации: вопросы эффективности // Legal concept. – 2018. – № 4. – С. 117–124.
146. Сухова Н.В., Сухов И.В. Современные тенденции развития примирительных процедур: российский и сравнительный контексты // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1 (72). – С. 28–34.
147. Сухоставская Ю.В. Перспективы развития медиации в России с учетом европейского опыта // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 1 (38). – С. 39–42.
148. Тарасов А.А., Габдрашитова В.Р. Использование системы дружественного к ребенку правосудия при производстве по уголовному делу // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4 (42). – С. 90–94.
149. Файзуллин Ф.С. Социальная справедливость и пути ее реализации в национальной политике / Мин-во образования Республики Башкортостан, Акад. наук Республики Башкортостан, Ин-т гуманитарных исследований, ГОУ ВПО «Уфимский гос. авиационный технический ун-т». – Уфа: Гилем, 2011. – 251 с.
150. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019).
151. Фишер Р., Юри У., Паттон Б. Переговоры без поражения. Гарвардский метод / пер. с англ. Т. Новиковой. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 272 с.
152. Фрейд З. Большая книга психоанализа. Введение в психоанализ. Лекции. Три очерка по теории сексуальности. Я и Оно. – М.: АСТ, 2015. – 383 с.

153. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. – М.: АСТ, Минск: Харвест, 2006. – 480 с.
154. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / пер. Э.М. Телятниковой; авт. вступ. ст. П.С. Гуревич. – М.: Республика, 1994. – 447 с.
155. Хабермас Ю. О прагматическом, этическом и моральном употреблении практического разума // Демократия. Разум. Нравственность: Лекции и интервью. – М., 1989. – 275 с.
156. Хахалева Н.В., Кучма Е.А. К вопросу о создании российской системы примирительных процедур // Достижения науки и образования. – 2018. – № 12 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sozdanii-rossiyskoj-sistemy-primiritelnyh-protsedur?ysclid=lskazroyvq817825512> (дата обращения: 09.06.2020).
157. Хертель А. фон. Профессиональное разрешение конфликтов. Медиативная компетенция в Вашей жизни. – СПб.: Изд-во Вернера Регена, 2007. – 272 с.
158. Цегельник О.В. К вопросу о социальной ценности медиации и создании условий для ее развития // Актуальные проблемы современных форм защиты прав и свобод человека и гражданина. – Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2017. – С. 528–531.
159. Цой Л.Н. Практическая конфликтология. – М.: Социол. шк. конфликтологии, 2001. – 231 с.
160. Цой Л.Н., Иванов О.Б. Медиация и конфликтология: методологические и предметно-содержательные различия // Власть. – 2016. – № 10. – С. 69–75.
161. Чебунин А.В. Мировоззренческие основы материальных, социальных и духовных ценностей // Вестник БГУ. – 2018. – № 3. – С. 1–12.
162. Чему не учат конфликтологов в российских вузах // Московская школа конфликтологии. URL: <https://conflictmanagement.ru/2015/07/31/chemu-ne-uchat-konfliktologov/> (дата обращения: 01.02.2023).
163. Чернышева Т.В. Понятие и виды примирения в российском праве // Журнал российского права. – 2010. – № 12. – С. 116–124.

164. Чугров С.В. Внешняя политика опоры на «мягкую силу» *in statu nascendi* // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 1. – С. 134–136.
165. Чхартишвили Д.А. Проблемы институционализации медиации в России // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 3. – С. 262–270.
166. Шайхитдинова С.К. Векторы медиакультуры // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – 2013. – № 1. – С. 189–198.
167. Шамликашвили Ц.А. О медиации // Научно-методический центр медиации и права. – URL: <https://mediacia.com/what-is-mediation/> (дата обращения: 21.03.2021).
168. Шергенг Н.А. Классическая трансцендентальная традиция и перспективы ее развития // Вестник Башкирского ун-та. – 2009. – № 3-1. – С. 1–7.
169. Шереметова Г.С. Медиативное соглашение как исполнительный документ // Бюллетень нотариальной практики. – 2020. – № 2. – С. 44–48.
170. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // СОЦИС. – 2001. – № 1. – С. 6–16.
171. Шуренкова С.С. Социальный опыт представленности феномена медиации в современном российском обществе // Актуальные вопросы социогуманитарного знания: история и современность. – Краснодар: Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – С. 233–237.
172. Эфиров С.А. Аббаньяно Н. // Советская энциклопедия. В 30 т. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – Т. 1. – 608 с.
173. Юнгус Г.А. Медиабельность конфликтов: социально-философский анализ // Дискурс-Пи. – 2018. – № 2 (31). – С. 177–185.
174. Яковенко И.Г., Музыкантский А.И. Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. – М.: Русский путь, 2011. – 320 с.
175. Яркова Е.Н. Исторический опыт как социокультурный институт // Философия и общество. – 2014. – № 3. – С. 67–78.

176. Bader E. The Psychology of Mediation (II): The IDR Cycle, A New Model For Understanding Mediation [Digital resource] // Everything mediation. 2011. URL: <http://www.mediate.com/articles/baderE3.cfm> (дата обращения: 03.06.2020).
177. Boulding K. Conflict and defense: a general theory. – New York: Harper & Brothers, 1962. – 349 p.
178. Boulle L., Nesic M. Mediation: principles, process, practice. – London: Dublin, Edinburgh: Butterworths, 2001. – 330 p.
179. Burton J. Conflict: Resolution and Provention. – New York: St. Martins Press, 1990. – 295 p.
180. Bush R., Folger J. The Promise of Mediation. The Transformative Approach to Conflict. – Jossey-Bass, 2005. – 22 p.
181. Dahrendorf R. Elemente ernes Theorie des sozialen Konflikts // Gesellschaft und Freiheit München, 1965.
182. Fischer R., Ury W., Patton B. Getting to Yes: Negotiating Agreement Without Giving In. – N.Y., 1991. – 200 p.
183. Fromm E. Man For Himself. An inquiry into the psychology of ethics. – New York: Holt, Rinehart and Winston, 1964. – 173 p.
184. Fuller L.L. Mediation: Its Forms and Functions // Southern California Law Review, 1971. – Vol. 44. – P. 330–331.
185. Honeyman C., Yawanarajah N. Mediation. URL: <http://www.beyondintractability.org/essay/mediation> (дата обращения: 15.01.2021).
186. Marcuse H. The One-Dimensional Man. Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society, 1964. – 690 p.
187. Monk G., Winslade J. Narrative Mediation: A new approach to conflict resolution. Jossey-Bass, 2000. URL: <http://docplayer.ru/40033149-Narrativnaya-mediaciya-obzor-rabot-dzh-monka-i-dzh-uinsleyda-1-1.html> (дата обращения: 11.03.2020).
188. Napinen L. The Self-Organisation Thinking, the Need to Obtain It in Estonian Society // Science Studies Today. IX. Rein Vihalemm, ed. Tallinn: Estonian

Association of the History and Philosophy of Science, Department of Philosophy of the University of Tartu, 1994. – P. 158–180.

189. Simmel G. Soziologie. Leipzig: Verlag von Dunker und Humblot, 1908. – 782 p.
190. The Promise of Mediation: The Transformative Approach to Conflict by Joseph P. Folger and Robert A. Baruch Bush // Hardcover, Revised edition. 2004.
191. Webel C., Galtung J. Handbook of Peace and Conflict Studies. – New York: Routledge, 2007. – 406 p.
192. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 1972. – 439 p.

Приложение

Приложение 1: «Создание онлайн-технологий в помощь медиатору».	182
Приложение 2: «Эмпирическое исследование «Анализ сфер использования медиации за 4-й квартал 2020 г. по средствам публикаций в СМИ».	192

*Приложение 1***Создание онлайн-технологий в помощь медиатору**

Медиация – относительно новая методика (средство) для урегулирования социальных разногласий. Процессы социального моделирования все чаще и чаще прибегают к помощи инновационных средств для предупреждения и разрешения конфликтов и обеспечения в обществе согласия и установления добрососедских отношений. Медиация приобретает новые социальные функции, выходит за рамки только лишь правового регулирования, активно затрагивает социальные процессы и обращается к информационным технологиям с целью разработки и внедрения в свое поле современных методик регулирования. Идея заключается в создании приложения, которое способно облегчить процесс разрешения конфликта между людьми или помочь самому медиатору и позволяет оптимизировать обработку статистических (имя, проблема, решение) данных, уделять больше времени на осмысление именно сути разногласий. Как известно, разработки, связанные с интеграцией практико-ориентированных знаний и средств электронной коммуникации, всегда результативны и актуальны для формирования конфликтологических компетенций как реалий 21 века. Навыками регулирования (управления) конфликта должен обладать каждый субъект социального взаимодействия. Благодаря подобным приложениям эта задача становится более реальной.

Разработка и внедрение технологий медиативного регулирования необходимы для:

1. Использования медиации при регулировании конфликтов различного генезиса, в частности в трудовом коллективе, как эффективного механизма, имеющего социальную ценность;
2. Совершенствования деятельности посредника с учетом оптимизации алгоритмов медиации и оценки ошибок от использования в ее процессе информационных и инновационных механизмов.

Сегодня, исходя из имеющегося опыта, можно проанализировать как ошибки, так и сильные стороны применения инновационных технологий в сфере урегулирования конфликта, работая на опережение с целью создания бесконфликтного будущего уже завтра.

Цель практической работы: создать онлайн-технологии (либо предпосылки для их создания), помогающие медиатору в его работе: приложения по систематизации и учету конфликтных ситуаций, документообороту и иным знаниям, имеющих для практикующего медиатора ценность.

Научная новизна предлагаемых в проекте решений: в помощь экспертному сообществу была создана база данных, которая войдет в основу разрабатываемой в настоящее время программы-приложения, призванной оптимизировать некоторые медиативные процессы и стать «методическим подспорьем» для конфликтологов в их непростом, но очень нужном деле;

Актуальность темы заключается в том, что нарастающий темп конфликтных противоречий (социальных и личностных) негативно сказывается на функционировании и качественном общественном взаимоотношениях людей, обуславливает необходимость совершенствования механизмов регулирования конфликтов.

Теоретическая ценность результатов представлена практическим шагом к исследованию конфликта и его регулирования на основе интерфейса и алгоритмов, понятных и принимаемых сообществом медиаторов. Практическая значимость работы заключена в разработке технологий, упрощающих операции в границах самой медиативной деятельности и оптимизацию процессов медиации.

Связь с философией как особой формы познания бытия в данном контексте призвана системно осмысливать социальные процессы с целью снижения уровня социальной напряженности, вызванной деструктивными последствиями конфликтных противостояний.

В части проведенного мониторинга по имеющимся аналогам совпадений по назначению онлайн-программ не выявлено.

Автором разработаны следующие базы данных:

1. Медиативный классификатор – база данных «Медиативный классификатор», предназначенная для профессиональных конфликтологов, медиаторов, посредников в урегулировании конфликтов, позволяет объединить в себе несколько поисковых сервисов по тематике медиации. Так, пользователь имеет возможность отслеживать публикации по теме медиативного регулирования, иметь каталог центров медиации, обратиться к обзору судебной практики и т.д.

Материалами для базы данных выступили: кодексы медиатора, отвечающие за этические аспекты деятельности; нормативно-правовые акты, регулирующие процедуру медиации; обзор судебной практики; электронные каталоги. Использованные материалы представляют интерес для конфликтологической мысли и призваны расширить конструктивные возможности деятельности медиатора.

Тип реализующей ЭВМ: IBM – PC совместимый компьютер (СУБД: Microsoft Excel 2016), объем базы данных: 245 КБ;

2. Медиативные технологии – база данных «Медиативные технологии» – это алгоритм, позволяющий наиболее быстро составить типовое медиативное соглашение, включая системные блоки и используя предиктивный ввод данных. База предназначена для профессиональных медиаторов, осуществляющих свою деятельность по разрешению конфликтных ситуаций, позволяет не только экономить время, но и систематизировать документооборот в рамках деятельности медиатора, а также сделать работу с соглашениями в электронном формате более безопасной. Функционал позволяет осуществлять полный цикл дальнейшей работы с готовым медиативным соглашением.

Тип реализующей ЭВМ: IBM – PC совместимый компьютер (СУБД: Microsoft Excel 2016), объем базы данных: 2,44 МБ;

3. Мобильный медиатор – база данных «Мобильный медиатор», предназначенная для руководителей трудового коллектива, позволяет разрешить организационный конфликт, не прибегая к помощи третьих лиц, основываясь на типовых рекомендациях и общем решении, предложенных сторонами-

участниками конфликта. Учебное пособие, составившее базу данных, включает оригинальный материал о возникновении, характеристиках и типах конфликта, затрагивает актуальные вопросы конфликтологической науки, а также содержит рекомендации по разрешению конфликта.

Тип реализующей ЭВМ: IBM – PC совместимый компьютер (СУБД: Microsoft Excel 2016), объем базы данных: 530КБ;

4. Статистическое обобщение (серия: «Семейная медиация») – база данных «Статистическое обобщение (серия: «Семейная медиация»)» предназначена для профессиональных конфликтологов, медиаторов, посредников в урегулировании конфликта. Выступает помощником при составлении аналитических отчетов, написания докладных записок или экспертного заключения с отсылкой к конкретным статистическим данным в сфере семейных отношений.

Материалами для базы данных выступили ежегодные демографические доклады (отв. ред. А. Г. Вишневский) с 2007-по 2013 год. Использованные материалы представляют интерес для конфликтологической науки и призваны расширить возможности для деятельности медиатора, поскольку способствуют рассмотрению проблем семейной сферы через призму статистических данных.

Тип реализующей ЭВМ: IBM – PC совместимый компьютер (СУБД: Microsoft Excel 2016), объем базы данных: 285 КБ;

5. Статистическое обобщение (серия: “Медиация в сфере НКО”) – база данных «Статистическое обобщение (серия: «Медиация в сфере НКО»)» предназначена для профессиональных конфликтологов, медиаторов, посредников в урегулировании конфликта. Содержит контактную информацию органов исполнительной власти Республики Башкортостан и НКО зарегистрированных в г.Уфа. Посредник в урегулировании конфликта между городскими агентами, имеет возможность оперативной связи с субъектами конфликтного взаимодействия, а также корректировать приемлемые сценарии разрешения конфликта.

Материалами для базы данных выступили: контактная информация и электронные каталоги, находящиеся в свободном доступе. Использованные

материалы и их систематизация, представляет интерес для конфликтологической науки и призваны расширить возможности в профессиональной деятельности медиатора, способствовать формированию коммуникационных каналов по обмену информацией.

Тип реализующей ЭВМ: IBM – PC совместимый компьютер (СУБД: Microsoft Excel 2016), объем базы данных: 280 КБ.

1. «Мобильный медиатор»



2. «Медиативные технологии»



3. «Медиативный классификатор»

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ



СВИДЕТЕЛЬСТВО
о государственной регистрации базы данных
№ 2020620628

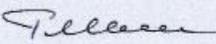
Медиативный классификатор

Правообладатель: *федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет» (RU)*

Автор: *Салимгареев Денис Игоревич (RU)*

Заявка № **2020620490**
Дата поступления **23 марта 2020 г.**
Дата государственной регистрации
в Реестре баз данных **31 марта 2020 г.**

Руководитель Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

 **Г.П. Исхоев**



4. «Статистическое обобщение (серия: «Семейная медиация»)»

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ



СВИДЕТЕЛЬСТВО
о государственной регистрации базы данных
№ 2021621561

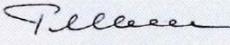
Статистическое обобщение (серия: «Семейная медиация»)

Правообладатель: *федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет» (RU)*

Автор(ы): *Салимгареев Денис Игоревич (RU)*

Заявка № **2021621452**
Дата поступления **12 июля 2021 г.**
Дата государственной регистрации
в Реестре баз данных **20 июля 2021 г.**

Руководитель Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

 **Г.П. Ивлиев**



5. «Статистическое обобщение (серия: “Медиация в сфере НКО”)»

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ



СВИДЕТЕЛЬСТВО
о государственной регистрации базы данных
№ 2022620825

«Статистическое обобщение (серия: "Медиация в сфере НКО")»

Правообладатель: *федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Башкирский государственный университет» (RU)*

Автор(ы): *Салимгареев Денис Игоревич (RU)*

Заявка № **2022620696**
Дата поступления **05 апреля 2022 г.**
Дата государственной регистрации
в Реестре баз данных **18 апреля 2022 г.**

Руководитель Федеральной службы
по интеллектуальной собственности

Ю.С. Зубов



*Приложение 2***Эмпирическое исследование «Анализ сфер использования медиации за 4-й квартал 2020 г. по средствам публикаций в СМИ».**

Содержание

Введение	193
1. Организация и методы исследования	194
2. Распределение по принадлежности новостных публикаций	195
3. Результаты и выводы	204
4. Рекомендации по профилактике конфликтного взаимодействия	206
Заключение	207

Введение

В современных условиях, в век развитых инновационных технологий и расширения многообразных контактов (межгосударственных, межкультурных, межличностных и т.д.), важно умение быстро и эффективно разрешать возникающие противоречия. Использование конструктивных стратегий в конфронтации позволяет, прежде всего, минимизировать ее возможные негативные последствия, а также обезопасить индивида, уберечь его от материальных и духовных издержек. Эффективность стратегий не раз доказывалась на практике, являясь незаменимым инструментарием профессионального медиатора.

Подход к выбору стратегий поведения и урегулирования разногласий требует корректности, поскольку они отражают информационные послы и содержат алгоритм действий, воздействующий на стороны – участниц конфликтного противостояния.

Определение сфер конфликтного взаимодействия предоставляет возможность для выработки средств противодействия конфликтам с учетом характеристик, присущих конкретным сферам, содержащим конфликтогенные факторы. Анализ использования медиативных процедур в таких сферах необходим для объективного понимания возможностей процедуры в плоскости социальных взаимоотношений.

Необходимость проведения данного исследования заключена в определении актуальных сфер использования медиативных технологий: на развитие медиации влияют особенности социокультурного развития общества, а это значит, что медиацию как действенное средство урегулирования разногласий выбирает само общество, которое и определяет конкретные сферы для ее активного использования, а наша задача, в рамках исследования – определить данные сферы.

1. Организация и методы исследования

Цель нашего исследования заключается в определении сфер человеческой жизнедеятельности, в которых активно использовалась медиация во временном диапазоне 4-го квартала 2020 года.

В соответствии с целью исследования была разработана программа исследования, состоящая из следующих этапов:

1 этап: определение актуальных для проведения исследования сфер жизнедеятельности человека;

2 этап: планирование, организация и проведение эмпирического исследования «Анализ сфер использования медиации за 4-й квартал по средствам публикаций в СМИ»;

3 этап: анализ, обработка и обобщение полученных эмпирических данных, формулирование выводов по результатам проведенного исследования по заявленной теме.

В ходе исследования на основе мониторинга было отобрано 78 публикаций, отвечающих требованиям:

1. упоминание медиации и ее инструментов в тексте (за исключением публикаций, где такое упоминание не занимает центровое положение);

2. географическая привязка: все упоминания в публикациях отечественных средств массовой информации в контексте развития современного российского общества.

В ходе проведения эмпирического исследования отобранные 78 публикаций были разделены, с учетом их принадлежности, на следующие блоки:

1. О медиации, обучение, правовая сфера;
2. Школьные отношения и молодежная среда;
3. Семейные отношения;
4. Организационные отношения и бизнес;

5. Популяризация медиации и круглые столы;

6. Социальный медиатор.

Анализ новостных публикаций на предмет содержания необходимой нам информации проводился по данным блокам. Результаты отражены в таблице.

2. Распределение по принадлежности новостных публикаций

На основании проведенного эмпирического исследования нами получены данные, представленные в таблице:

1. О медиации, обучение, правовая сфера		
1	В 2021 году работы у юристов будет много	https://www.dp.ru/a/2020/12/26/V_2021_godu_raboti_ujuri
2	Комфортно и без суда: брачно-семейные вопросы поможет решить нотариус	https://xn--80aaxsfme.xn--p1ai/ru-ru/news/komfortno-i-bez-suda-brachno-semejnye-voprosy-pomozhet-reshit-notarius
3	ЦБ РФ поддерживает инициативы по развитию медиации на финансовом рынке	http://www.finmarket.ru/news/5377685
4	Следующий этап развития – повышение качества и масштаба мероприятий	https://fparf.ru/news/law-chambers/sleduyushchiy-etap-razvitiya-povyshenie-kachestva-i-masshtaba-meropriyatiy/
5	Обязательная медиация по семейным спорам: «подводные камни»	https://www.advgazeta.ru/mneniya/obyazatel'naya-mediatsiya-po-semeynym-sporam-podvodnye-kamni/
6	Новости муниципальных образований Оренбуржья	http://www.orenburg-gov.ru/news/mo/novosti-munitsipalnykh-obrazovaniy-orenburzhya1512/
7	Преимущества нотариально удостоверенного медиативного соглашения обсудили на международной конференции	https://xn--80aaxsfme.xn--p1ai/ru-ru/news/preimushestva-notarialno-udostoverennogo-mediativnogo-soglasheniya-obsudili-na-mezhdunarodnoj-konferencii

8	Главный финансовый уполномоченный считает возможным защиту граждан в делах о банкротстве с вовлечением института финансового уполномоченного	https://rustrahovka.ru/news/insurance/detail.php?ID=60271
9	Выпускники курса «Менеджмент ТПП» защитили свои квалификационные дипломные работы	https://tpprf.ru/ru/news/391709/
10	От нотариуса к цифровому нотариату, через историю и страну	https://www.zakonia.ru/news/76/96007
11	В поисках консенсуса	https://www.advgazeta.ru/mneniya/v-poiskakh-konsensusa/
12	Использование примирительных процедур в додисциплинарном производстве	https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolzovanie-primiritelnykh-protsedur-v-dodistsiplinarnom-proizvodstve/
13	Досудебный порядок урегулирования арбитражных споров обсудили на IX Юридическом форуме для практиков	https://www.advgazeta.ru/novosti/dosudebnyy-poryadok-uregulirovaniya-arbitrazhnykh-sporov-obsudili-na-ix-yuridicheskom-forume-dlya-praktikov/
14	В Совете судей РФ критически отнеслись к поправкам об изменении порядка прекращения полномочий судей	https://www.advgazeta.ru/novosti/v-sovete-sudey-rf-kriticheski-otneslis-k-popravkam-ob-izmenenii-poryadka-prekrashcheniya-polnomochiy-sudey/
15	Гром медиации, раздавайся!	https://www.advgazeta.ru/mneniya/grom-mediatsii-razdavaysya/
16	ВС предлагает избавляться от «сомнительных и безнадежных исков» повышенной госпошлиной	http://www.rapsinews.ru/judicial_news/20201023/306430020.html
17	Госдума ввела уголовную ответственность за подкуп третейских судей	https://mskgazeta.ru/obshchestvo/gosduma-vvela-ugolovnuyu-otvetstvennost-za-podkup-tretejskih-sudej-6112.html

18	Адвокатов лишают политических прав?	https://www.advgazeta.ru/mneniya/advokatov-lishayut-politicheskikh-prav/
19	Закон не повысит качество медиации	https://fparf.ru/news/fpa/zakon-ne-povysit-kachestvo-mediatsii/
20	Медиация рискует превратиться в формальный институт	https://www.advgazeta.ru/mneniya/mediatsiya-riskuet-prevratitsya-v-formalnyy-institut/

2. Школьные отношения и молодежная среда

1	Совет по вопросам межнациональных, межконфессиональных отношений и профилактики экстремизма подвел итоги работы	https://www.kurgan-city.ru/city/info/news/921/1113805/
2	Стали известны любопытные подробности громкого скандала в сельской школе Бурятии	https://www.infpol.ru/223683-stali-izvestny-lyubopytnye-podrobnosti-gromkogo-skandala-v-selskoy-shkole-buryatii/
3	Посредник между учителем и учеником: зачем нужны школьные медиаторы и где этому учат?	https://ki-news.ru/2020/12/15/posrednik-mezhdu-uchitelem-%E2%80%A8i-uchenikom-zachem-nuzhny-shkolnye-mediator-y-i-gde-etomu-uchat/
4	Стенограмма встречи Президента РФ Владимира Путина с членами Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека 10 декабря 2020 года	http://president-sovet.ru/presscenter/news/read/6513/
5	О предотвращении «колумбайна» («скулшутинга») в образовательных организациях	http://viperson.ru/articles/o-predotvraschenii-kolumbayna-skulshutinga-v-obrazovatelnyh-organizatsiyah
6	Кто остановит родительские	https://mk.tula.ru/news/n/kto-ostanovit-

	сохранить брак»	vsego-primet/
5	Счастливые дети вырастают в счастливых взрослых. Анжелика Евдокимова – о работе уполномоченного по правам ребёнка	https://62info.ru/news/obshchestvo/64314-schastlivye-deti-vyrastayut-v-schastlivykh-vzroslykh-anzhelika-evdokimova-o-rabote-upolnomochennogo/
6	ЕСПЧ присудил 12,5 тыс. евро матери похищенных бывшим мужем детей за длительное неисполнение решения суда об их возвращении	https://www.advgazeta.ru/novosti/espch-prisudil-12-5-tys-evro-materi-pokhishchennykh-byvshim-muzhem-detey-za-dlitelnoe-neispolnenie-resheniya-suda-ob-ikh-vozvraschenii/
7	Татарстанцам рассказали, кто и где может получить бесплатную юридическую помощь	https://kazved.ru/news/society/11-12-2020/tatarstantsam-rasskazali-kto-i-gde-mozhet-poluchit-besplatnuyu-yuridicheskuyu-pomosch-5791846
	Специалисты центра доверие в Йошкар-Оле: как помочь ребенку, который не хочет учиться и начал грубить	https://gg12.ru/spetsialisty-tsentra-doverie-v-joshkar-ole-kak-pomoch-rebenku-kotoryj-ne-hochet-uchitsya-i-nachal-grubit/
8	Помощь семье в Марий Эл: подростки, родители и полтора года проекта «Шаг вперед»	https://www.marpravda.ru/news/pensii-lgoty-sotzzashjita/pomoshch-seme-v-mariy-el-podrostki-roditeli-i-poltora-goda-proekta-shag-vpered/
9	Как правильно разрешать семейные конфликты без вреда для детей: советы столичного психолога	https://dszn.ru/press-center/news/5156
10	Не оставим в беде: как столичные семейные центры помогают тем, кто оказался в сложной ситуации	https://dszn.ru/press-center/news/5139
11	«Дело не в правде, а в выгоде»: что такое мировое соглашение и как его составить?	https://mir24.tv/articles/16436497/delo-ne-v-pravde-a-v-vygode-cto-takoe-mirovoe-soglashenie-i-kak-ego-sostavit
12	Как медиация может помочь сохранить семью	https://dszn.ru/press-center/news/5075

13	Как прошла профилактическая операция «Малыш» в Камне-на-Оби	https://izvestiy-kamen.ru/2020/11/02/kak-proshla-profilakticheskaya-operaciya-malysh-v-kamne-na-obi/
14	Психолог: «Развод – это личностный крах, но в то же время и начало новой жизни»	https://sntat.ru/news/politics/29-10-2020/psiholog-razvod-eto-lichnostnyy-krah-no-v-to-zhe-vremya-i-nachalo-novoy-zhizni-5781888
15	Новости из мира волонтерства: 27 октября 2020	https://spbvedomosti.ru/news/country_and_world/novosti-iz-mira-volonterstva-27-oktyabrya-2020/
16	«Важна молниеносность обратной связи»: в Москве обсудили проблемы детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации	https://dszn.ru/press-center/news/4816
17	Интересы детей – субъективный, но приоритетный критерий	https://www.advgazeta.ru/mneniya/interesy-detey-subektivnyy-no-prioritetnyy-kriteriy/
18	«Насилие стало более кровавым»: кто и как спасает женщин в России	https://daily.afisha.ru/relationship/17872-nasilie-stalo-bolee-krovavym-kto-i-kak-spasaet-zhenschin-v-rossii/
19	20 ноября – Всемирный день ребенка. Как семьям с детьми помогают в столичных семейных центрах	https://dszn.ru/press-center/news/5062
20	Семьям в Алтайском крае бесплатно помогут преодолеть кризис в отношениях	https://www.ap22.ru/paper/Sem-yam-v-Altayskom-krae-besplatno-pomogut-preodolet-krizis-v-otnosheniyah.html

4. Организационные отношения и бизнес

1	«Нужные люди». Почему в России так мало действительно независимых советов директоров	https://secretmag.ru/opinions/nuzhnye-lyudi-pochemu-v-rossii-tak-malo-deistvitelno-nezavisimyykh-sovetov-direktorov.htm
---	--	---

2	Уголовная «дубинка»: как бизнес кошмарит сам себя	https://www.gazeta.ru/business/2020/12/28/13417574.shtml
3	Дилемма кредитора	https://plus.rbc.ru/news/5fe0a9787a8aa9dca8660186
4	Специальный репортаж: «Бизнес по-мурмански: Грязное дело»	https://xn----7sbhwjb3brd.xn--p1ai/index.php?q=tv-novosti/specialnyy-reportazh-biznes-po-murmanski-gryaznoe-delo
5	На Кубани обсудили самовольные постройки и компромиссы между бизнесом и властями	https://yugtimes.com/news/64156/
6	Ахиллесова пята стройиндустрии ВКО: почему люди недовольны новостройками	https://ustinka.kz/kazakhstan/ust-kamenogorsk/60900.html
7	Кредитные качели	https://plus.rbc.ru/news/5fbf6e6b7a8aa93d42afc4bd
8	Медиация поможет собирать налоги?	https://novostimb.ru/exclusive/proverki-i-shtrafy/2020/11/11/mediaciya-pomozhet-sobirat-nalogi.html
9	Максим Фатеев: Благодарим палаты округа за слаженную, самоотверженную работу	https://infobaltica.ru/?module=articles&action=view&id=13707
10	Стратегия на выживание	https://ko.ru/articles/strategiya-na-vyzhivanie/
11	«Нам бизнес заблокировали!»: цветочная бизнес-драма развернулась под Казанью	https://realnoevremya.ru/articles/190519-podnozhka-ot-covid-19-cvetochnomu-biznesu-v-teplicah-bogorodskogo

5. Популяризация медиации и круглые столы

1	Награждение победителей конкурса «Владивосток – город Мира и Добра»	https://infovostok.ru/?module=articles&action=view&id=5423
2	26 ноября в Москве пройдет	https://dszn.ru/press-center/news/5085

	онлайн-конференция, посвященная Дню матери	
3	Более 1200 тюменцев стали участниками Финансового фестиваля для всей семьи	https://t-l.ru/294071.html
4	Бессмысленные споры, или Давай договоримся	https://www.ng.ru/style/2020-11-12/8_8013_style.html
5	Как быть, если родители разводятся	https://n-e-n.ru/coopdivorce/
6	XI Всероссийский конкурс журналистских работ «В фокусе – детство»	https://aromashevo.online/news/199207.html

6. Социальный медиатор

1	Как пройти в искусство: медиация - профессия будущего	https://ru.hellomagazine.com/zvezdy/intervyu-i-video/39046-kak-proyti-v-iskusstvo-mediatciya-professiya-budushcego.html
2	Первый на Урале, первый в России: в Челябинской области утвержден экостандарт	https://dostup1.ru/society/Pervyy-na-Urale-pervyy-v-Rossii-v-Chelyabinskoy-oblasti-utverzhdenn-ekostandart_132225.html
3	МФО создают собственного омбудсмена	https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/11/12/846781-mfo-sozdayut
4	После драки: в Саратовской области казахи и курды ждут расследования уголовного дела	https://saratov.mk.ru/social/2020/11/02/p-osle-draki-v-saratovskoy-oblasti-kazakhi-i-kurdy-zhdut-rassledovaniya-ugolovnogo-dela.html
5	Суд решает. Мы исполняем	http://dagpravda.ru/obshestvo/sud-reshaet-my-ispolnya-em/
6	Запустили «Спутник»	https://rg.ru/2020/10/28/reg-ufo/kak-pervyh-zhitelej-volgograda-vakcinirovali-ot-covid-19.html

7	«Макаронка»: «мы пытаемся удержаться на плаву»	https://cityreporter.ru/makaronka-my-pytaemsya-uderzhatsya-na-plavu/
8	Консульская служба Казахстана приходит на помощь	https://profile.ru/society/konsulskaya-sluzhba-kazaxstana-prixodit-na-pomoshh-570118/

Примечание:

1. Мониторинг проводился в установленном временном диапазоне: 4-й квартал 2020 года (с 01.09.2020- по 31.12.2020 г.);
2. В отобранные для анализа публикации не вошли повторы новостного материала с единым смысловым содержанием, опубликованные другим изданием (перепечатка новости);
3. Полученные результаты могут быть восприняты с объективной погрешностью.

3. Результаты и выводы

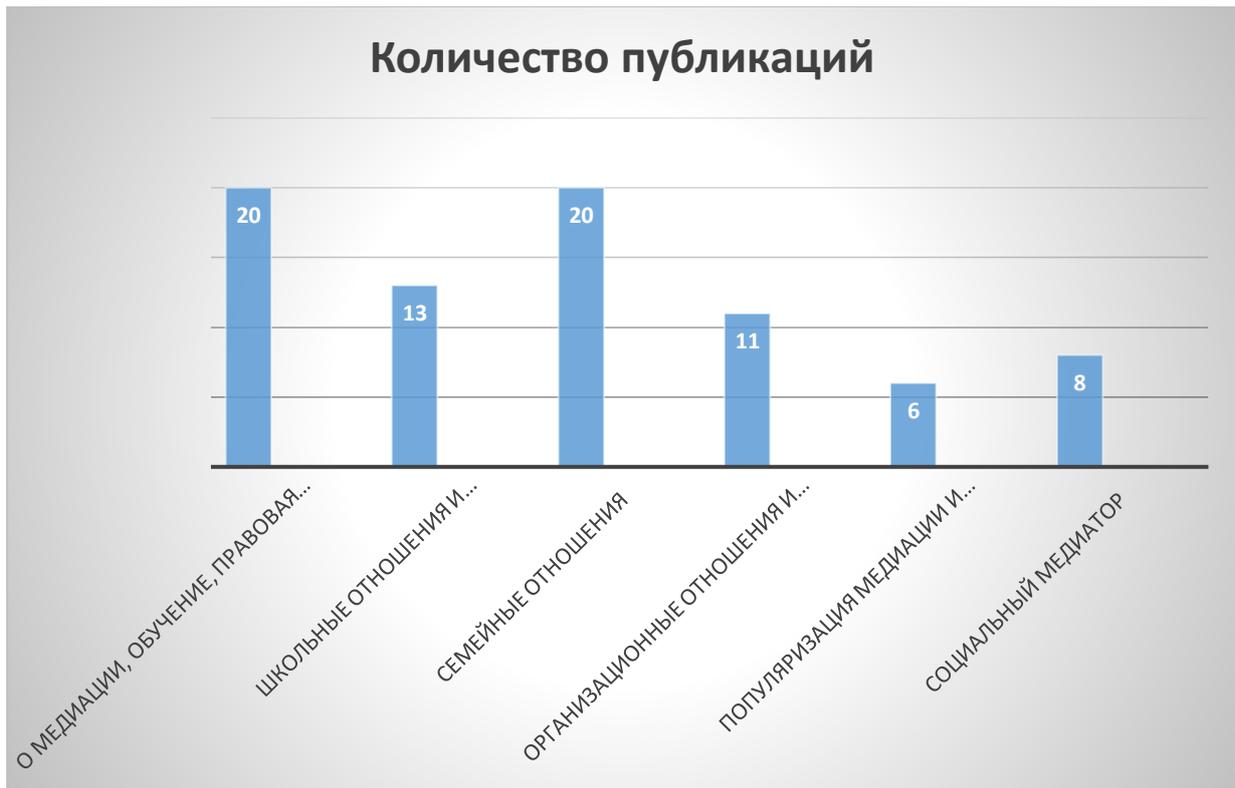
Рис.1



Процентное распределение упоминания медиации в сферах жизнедеятельности человека.

Примечание: процентное распределение осуществляется из расчета 78 публикаций -100%.

Рис.2



Количество публикаций в той или иной сфере.

Таким образом, лидирующие позиции обозначены в сферах «О медиации, обучение, правовая сфера» и «Семейные отношения». Если первая сфера имеет собирательную основу, то сфера «Семейные отношения» является лидирующей по занимаемой позиции. Данный анализ позволяет нам взглянуть на востребованность со стороны российского общества медиативных технологий с учетом современных реалий.

4. Рекомендации по профилактике конфликтного взаимодействия

Активные конфликтные действия – это отношения между субъектами разногласий. Конфликтные действия формируют целостное представление о себе и предмете разногласий, основываясь на сильном эмоциональном воздействии, ошибках восприятия предмета спора и негативном содержании.

Профилактика и предупреждение конфликтов – системная работа, которая должна проводиться не только в указанных нами сферах. С учетом разноплановости структуры конфликта, его специфики, видов и в целях просветительских мероприятий можно предложить индивидам принять участие в тематических играх, тренингах, беседах. Любое взаимодействие при этом должно строиться на принципах добровольности и открытости.

В качестве рекомендаций можно предложить следующие позиции:

1. Ориентир на бесконфликтную среду подразумевает регулирование конфликта в сжатые сроки, а также культивирование благоприятных социальных и личностных отношений;
2. Обретение личностных компетенций по урегулированию конфликта;
3. Разработка целевых программ по развитию медиации в отечественной социокультуре.

Детальная проработка данных положений поможет развитию бесконфликтных социальных отношений, основанных на принципах гуманизма и этизма.

Заключение

Конфликты, как известно – специфический метод достижения конкретной цели и защиты своих позиций, и важно принять их неизбежность и воспринимать их как естественную и неотъемлемую часть жизнедеятельности человека и общества.

Овладение знаниями о стратегиях поведения и навыками их продуктивного использования в различных ситуациях конфликтного взаимодействия продиктовано потребностью общества и индивида в мирном сосуществовании в современном противоречивом обществе. Подчеркивая необходимость продуктивного использования подобных знаний и умений, есть смысл сформировать понимание о зонах конфликтного воздействия, что позволит выработать эффективные методы, подходящие именно конкретной зоне. Игнорирование, уход от предмета конфликтного противостояния чревато напряженностью в социальных отношениях. Именно развитие таких социальных технологий, как медиация, позволит уйти от «пути стагнации» в рамках конфликтного взаимодействия и настроить общественные отношения на принципы содружества и созависимости.

В ходе проведенного исследования «Анализ сфер использования медиации за 4-й квартал по средствам публикаций в СМИ» нами выявлены сферы, в которых медиативные технологии уже применяются и приносят свои конкретные результаты. Определение подобных сфер важно для дальнейшего развития медиации в современном российском обществе, и на основе их анализа можно сформировать наиболее приемлемые алгоритмы действий, способные сглаживать нюансы конфликтного поведения.

Индивид, оказываясь в конфликтной ситуации, испытывает необходимость выбора определенного стиля поведения, который будет дополнять общую стратегию и который будет наиболее эффективным для решения возникшей проблемы. Выбор во многом зависит от многих факторов: наличия собственных навыков и компетенций, природы и характера самого человека, стиля оппонентов, а также предмета разногласий и др.

На сегодняшний день научные и практические познания в области изучения конфликтов не нуждаются в доказательстве в своей значимости, в связи с этим поиск и анализ методов, высвобождающих общество от вредоносного «наследия» конфликтов, являются актуальной социальной потребностью.